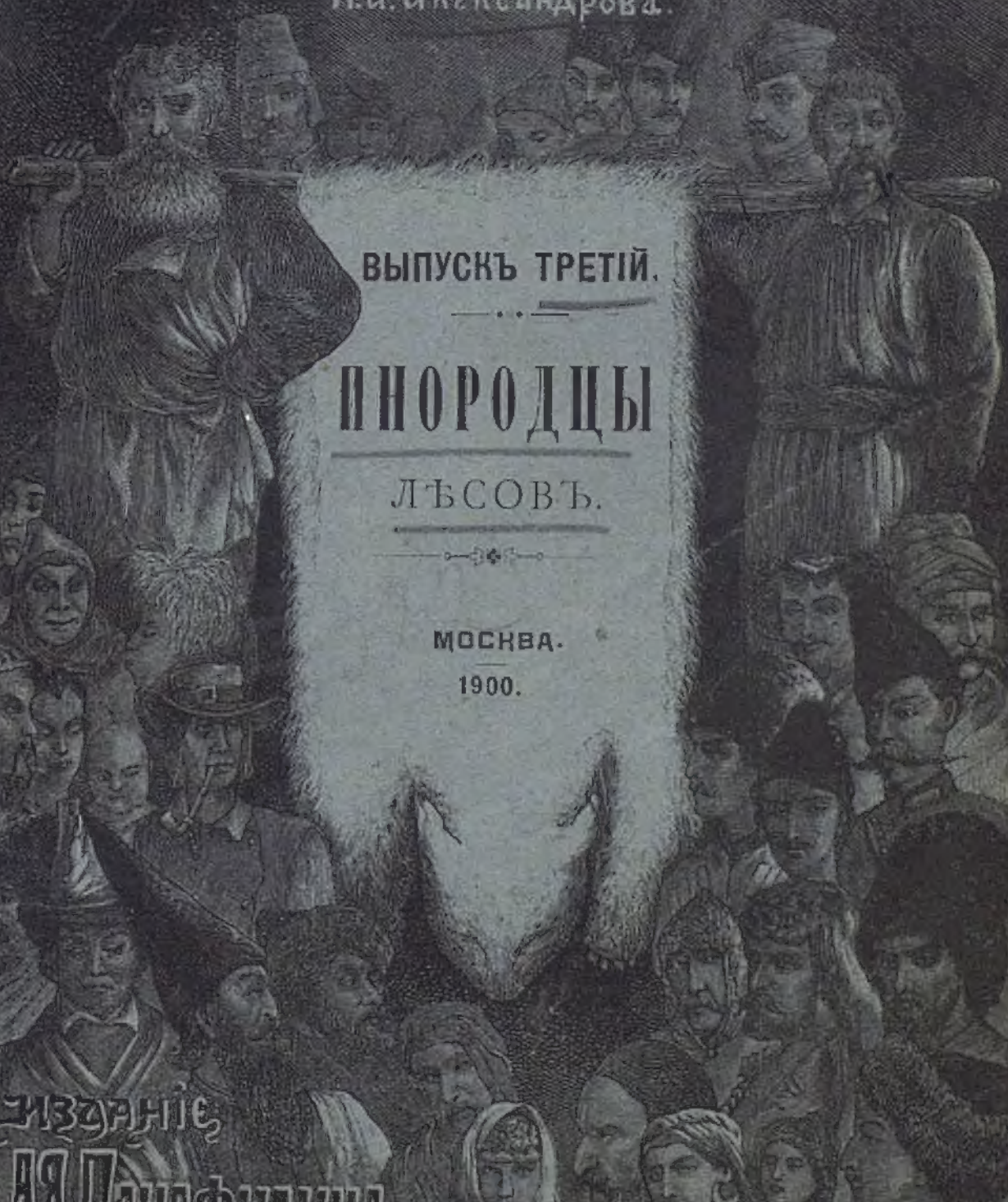
D 26/186
вып 3.

20/186

НАРОДЫ РОССІИ

Этнографическіе очерки и разсказы

Н. А. Александрова.



ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ИНОРОДЦЫ

ЛѢСОВЪ.

МОСКВА.
1900.

Изданіе А. Панафидина.

Д 26/186

Народы Россіи.

Выпускъ третій.

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

Этнографическіе очерки для дѣтей и учащихся

Н. А. Александрова.

Съ иллюстраціями О. К. Брожа.

Первый и второй выпуски допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Первый же выпускъ, напечатанный безъ перемѣнъ, какъ во второмъ, такъ и въ третьемъ изданіи, рекомендуется какъ необходимое пособіе учебнымъ комитетомъ IV Отдѣленія собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ Институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ Учительской Семинаріи Воспитательнаго дома. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ для библіотекъ мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ, и одобренъ Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій.

Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

МОСКВА.

Собственность книжной торговли, спеціально для иногородныхъ
А. Я. Панафидина. Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

1900.

Музей книги

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 24 ноября 1899 г.

2007051128

Чвки.

Типографія И. Я. Полякова. Москва. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Давніе предки зырянъ, называвшіеся чудью, занимали нѣкогда обширныя пространства Россіи. Ока, Волга, Москва—это все зырянскія названія, и Москва,—чтопо-зырянски значитъ коровья рѣка, принадлежала чудскому князю Кучко, у котораго отнялъ ее русскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Оттѣсняя чудь и завладѣвая мало-по-малу ея землями, русскіе дошли и до зырянскаго края, именовавшагося тогда Біармією, а потомъ Пермью. Эта Біармія населена была особой группой финскаго племени, которая называется біармской или пермской; то есть пермскимъ народомъ, состоявшимъ изъ зырянъ, пермяковъ и вотяковъ. Откуда и отчего происходитъ слово зыряне, толкуется разно, но такъ ихъ называютъ русскіе; сами-же себя зыряне въ единственномъ лицѣ называютъ „коми-мортъ“; то есть коми-человѣкъ, а во множественномъ „коми-вой-

тыръ", то есть коми-народъ. Слово коми нѣкоторые объясняютъ происхожденіемъ зырянъ съ рѣки Камы, что выходитъ камскій человѣкъ, камскій народъ. Прежде всѣхъ къ зырянамъ явились съ запада ихъ болѣе близкіе сосѣди новгородцы, или новгородскіе лодочники-ушкуйники, вслѣдъ за которыми, прослышавъ, что зырянская земля изобилуетъ неисчерпаемыми соляными источниками, прибылъ и новгородскій купецъ Строгоновъ, основавшій на рѣкѣ Вычегдѣ первый соляной заводъ и первое русское поселеніе, извѣстное теперь, какъ городъ Сольвычегодскъ. За этимъ первымъ поселеніемъ стали понемногу основываться другія, и русскіе завладѣли зырянскимъ краемъ также безъ особыхъ войнъ, какъ Лопской землей и берегами Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Исторія такимъ образомъ зырянскаго края не велика, и въ ней только одно событіе имѣетъ историческое значеніе,—это принятіе зырянами христіанства, которое въ половинѣ XIV вѣка проповѣдывалъ между ними и пермяками св. Стефанъ. Онъ проповѣдывалъ слово Божіе, испросивъ на это благословеніе у московскаго митрополита и взявъ грамату у великаго князя. Онъ перевелъ на зырянскій языкъ псалтирь, избранныя мѣста изъ Евангелія и Апостола; и многіе зыряне крестились, но языческіе ихъ жрецы-кудесники возмущали народъ противъ проповѣдника. ниО говорили: „какъ можно вѣрить

человѣку, пришедшему изъ Москвы, которая угнетаетъ насъ данями! Мы же родъ вашъ и давніе учителя!“ Они хотѣли поступить и со св. Стефаномъ также, какъ съ однимъ предшественникомъ его, съ котораго содрали кожу; они хотѣли сжечь св. Стефана; и одинъ изъ жрецовъ вызвалъ св. Стефана на религіозный гласный споръ, на которомъ предложилъ ему перейдти вмѣстѣ черезъ огонь и воду. На это предложеніе св. Стефанъ отвѣтилъ жрецу: „я не повелѣваю стихіями, но пду съ тобою во имя Бога истиннаго!“ Жрецъ уперся передъ костромъ, не пошелъ за св. Стефаномъ, и, посрамленный, долженъ былъ удалиться. Послѣ такого, совершившагося на глазахъ всѣхъ, торжества христіанства надъ шаманствомъ, зыряне стали на сторону проповѣдника; онъ-же тоже на глазахъ всѣхъ сжигалъ ихъ кумирни и собственноручно срубилъ и сжегъ священное дерево „прокудливую березу“. Видя на такихъ примѣрахъ, какъ безсиліе своихъ жрецовъ, такъ и идоловъ, зыряне стали стекаться къ св. Стефану со всѣхъ сторонъ; и онъ крестилъ ихъ, и тутъже строилъ церкви, открывалъ при церквахъ училища, училъ письму, священному писанію; такъ что, когда его посвятили въ епископы зырянскаго края, то онъ уже могъ назначать священниковъ, діаконовъ и причетниковъ изъ самихъже зырянъ. Священники совершали церковную службу, пѣвчіе на клиросѣ пѣли на зырянскомъ

языкѣ. Своей-же правдивой, честной и добросовѣстной жизнью св. Стефанъ снискалъ общую народную любовь; онъ заботился не объ одномъ духовномъ просвѣтленіи своей паствы, но и о матеріальномъ ея благосостояніи. Онъ защищалъ бѣдный народъ отъ неправосудія и грабежей, онъ спасалъ его отъ разныхъ бѣдствій и голода, отчего народъ и теперь, по дошедшимъ до него преданіямъ, спустя болѣе шести ста лѣтъ, чтитъ его имя съ благоговѣніемъ.

Благодаря проповѣди св. Стефана, подкрѣпляемой школами и книгами, христіанство нигдѣ между другими инородцами Россіи не распространилось и не привилось такъ быстро, какъ между зырянами. Во всякомъ сколько нибудь значительномъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда по праздникамъ и старые, и малые собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. На перекресткахъ дорогъ повсюду виднѣются деревянные кресты. Первая убитая утка жертвуется духовному отцу; послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, часть добычи отдается въ церковь. При посѣвѣ хлѣба, при выгонѣ скота на подножный кормъ, или-же вслучаѣ какихъ-либо бѣдствій, приносится въ жертву домашнее животное, иногда цѣлымъ обществомъ, а иногда и отдѣльными лицами. Въ первомъ случаѣ, еще наканунѣ жертво-

приношенія, варится общее пиво (сура). Животное колется и варится у церкви; мясо его дѣлится на три части, изъ которыхъ одна продается и вырученныя деньги отдаются въ церковь, другая—предоставляется въ пользу причта, а третья—по освященіи, раздается всѣмъ присутствующимъ, и эти послѣдніе тутъ-же съѣдаютъ каждый свою порцію. Отсутствующимъ части ихъ посылаются на домъ. Остатками и отваромъ угощаются нищіе. Наконецъ, кости и несъѣденный отваръ зарываютъ въ землю, чтобы эти отбросы не сдѣлались добычею животныхъ. Многіе видятъ въ этомъ слѣды язычества. Конечно, и до сихъ поръ у зырянъ остались еще нѣкоторые языческіе обряды и повѣрья, но надо при этомъ замѣтить, что и по днесь зыряне живутъ почти также, какъ встарь. Ихъ обширная дикая страна все еще пустынная лѣсная полоса, по которой, если они и не кочуютъ, какъ тунгусы на сибирской тайгѣ, а разселились большими деревнями по берегамъ рѣкъ, то все-жъ таки ихъ главный промыселъ тотъ-же первобытный звѣриный, и ради его они уходятъ изъ своихъ деревень на много мѣсяцевъ верстъ за триста, а иногда и за пятьсотъ. Они населяютъ теперь большую часть Вологодской губерніи, часть Архангельской и Вятской; то есть сѣверовосточную часть лѣсной полосы европейской Россіи.

Эта лѣсная полоса европейской Россіи, иду-

щая отъ Волги и Камы до мерзлой тундры и въ длину отъ Уральскихъ горъ до Балтійскаго моря, далеко не представляетъ той картины, какъ сибирская тайга. Она тянется болотистой равниной, на которой нѣтъ ни горъ, ни особыхъ возвышенностей; она испещрена всякаго рода большими и маленькими озерами, множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ, которые, точно каналы, осушаютъ непроходимыя болота, покрытыя мхами. Трудно найдти край, который-бы въ такой степени изобиловалъ водою, какъ текучей, такъ и стоячей. Лѣсъ, начинаясь у мерзлой тундры мелкимъ кустарникомъ и стелящейся по землѣ сланкой березой, завладѣваетъ этой обширной водянистой равниной сперва маленькими рощицами въ видѣ островковъ съ рѣдкими, тощими и тонкими деревцами, среди которыхъ впереди всѣхъ выступаетъ веретенообразная береза, лишенная вѣтвей, а затѣмъ, мало-по-малу, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй, лѣсъ дружно смыкается въ непроходимыя чащи елей, сосны и лиственницы. Лиственница и пихта окаймляютъ берега рѣкъ, а сосна и ель идутъ по суходоламъ, достигая громадныхъ размѣровъ, и, если завяжется гдѣ сосна, то идетъ она верстъ на сотни, если-же ель, то одна ель и ель. Такая однообразная картина сурова и скучна; и, попадающіяся кое-гдѣ, нивы также не веселятъ душу. По подолу окаймилась нива кудреватымъ кустарникомъ ивняка, затѣмъ тянется

по ней приземистый сосновый болотнякъ, кое-же гдѣ мелькаютъ бѣлизною своихъ стволовъ искривленныя березы, а тамъ глушится нива непроницаемой крѣпью ветлы и олешника, и наконецъ стоятъ тощія ели, покрытыя мхомъ, висящемъ клочками на опущенныхъ сучьяхъ, да жиденькія листыя осинки съ кривыми и растопыренными сучьями. Но кончилась нива, начался сосновый боръ, и ровныя, и прямыя, какъ свѣчи, сосны высоко вознесли свои вершины къ небу, а внизу подъ ними гладко и чисто; только и видны, по совершенно ровной далеко уходящей плоскости, стволы сосенъ да по землѣ мягкій коверъ бѣлаго моха, смѣшаннаго съ мелкими вересками и брусничникомъ. Явится же гдѣ просѣка; и она скучно тянется длиннымъ, предлиннымъ коридоромъ, стѣны котораго становятся все темнѣе и темнѣе, пока не сольются съ горизонтомъ; а небо синѣетъ надъ просѣкой, какъ лента, обрѣзанная зубчатыми вершинами деревъ, и также ровно и прямо, и, чѣмъ дальше, тѣмъ шире оно разбѣгается въ обѣ стороны. Тихо въ такихъ лѣсахъ, такъ тихо, что даже становится страшно и невольно замираетъ сердце. Тутъ нѣтъ на деревьяхъ листьевъ, а иглы хвои не шелестятъ, тутъ только буря раскачиваетъ деревья и они гнуться и визгливо скрипятъ; тутъ иной разъ только медвѣдь затрещитъ валежникомъ, а волки, лисицы, россомахи рыщатъ по мягкимъ мхамъ, словно и не

касаясь земли. По весной за то, какъ только зазеленѣетъ изъ подъ снѣга трава, какъ только проглянетъ теплый лучь солнца, все вдругъ, точно очнувшись, закишитъ жизнью, и тогда не перечесть всѣхъ окликовъ и звуковъ, оглашающихъ по всевозможнымъ направленіямъ водянистую лѣсную пустыню. Тутъ со всѣхъ сторонъ раздаются голоса то скорые, то отрывистые, то мелодическіе и томные, то наконецъ звонкіе и переливающіеся. Въ ивовыхъ кустарникахъ трещатъ дупеля, въ воздухѣ поетъ жаворонокъ, блеетъ бекасъ, харкаетъ по временамъ вальдшнепъ, по зеленой травѣ возлѣ воды бѣгаютъ перепискиваясь маленькія песочники, гдѣ-то въ лѣсу скрипитъ большой черный дятелъ, тамъ-же чувыкаетъ тетеревъ, кокочетъ тетерка и глухо воркуетъ дикій голубь. А по надъ рѣкой, пепеляво свистя, летятъ шилохвости, и то они опускаютъ крылья, точно хотятъ сѣсть, то, какъ-бы раздумавъ, полетятъ дальше и, сдѣлавъ кругъ, сядутъ въ другомъ мѣстѣ, а въ поднебесной высотѣ то-и-дѣло тянутся многочисленныя нити гусей и перелетныхъ утокъ, подъ самымъ-же зенитомъ, распростав широко крылья, описываютъ большіе круги журавли, высматривающіе для своего притона безопасное мѣсто. И, какъ журавли, такъ и другія птицы быстро населяютъ эту водянистую лѣсную пустыню, но иныя летятъ и дальше на сѣверъ, на тундру и къ океану, и,

устроившись тамъ на привольѣ, возвращаются опять обратно съ выводками осенью, когда отъ перелета ихъ еще оживленнѣе и шумнѣе становится этотъ край. По словамъ одного изъ охотниковъ *), вотъ какую картину представляетъ собою осень этого края и отлетъ птицы съ сѣвера. „Ночь.—говоритъ охотникъ, описывающій этотъ отлетъ, когда пришлось ему быть на охотѣ вмѣстѣ съ товарищами въ лѣсу.—все еще была очень темна, звѣзды заволакивало облаками; только едва замѣтный свѣтъ утренней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся на востокѣ узенькой красной ленточкой. По рѣкѣ Вычегдѣ въ разныхъ направленіяхъ путешествовали огни, отражаясь въ водѣ длинными, мерцающими полосами; ихъ медленное движеніе безъ звука, безъ малѣйшаго шума, среди черной, тихой ночи, представляло изъ себя какое-то чудесное, таинственное явленіе изъ сверхъестественнаго міра. Вотъ цѣлый снопъ яркаго пламени тихо ползетъ около того берега рѣки. Свѣтъ его переливами дрожитъ и играетъ на водѣ, длиннымъ столбомъ сбѣжитъ на другую сторону и острыми, раскаленными иглами вонзается въ берегъ. Вдругъ крутой поворотъ, часть огня заслонена, противъ него обрисовался черный силуэтъ человѣческой фигуры, на одно мгновеніе, и снова яркій ды-

*) Охотничьи разсказы Ф. А. Арсеньева. Спб. 1890 г.

лающій свѣтъ, сыплющій милліоны искръ въ черную тьму. То разъѣзжаютъ рыбаки зыряне съ лучиной: способъ ловли рыбы самый добычливый, общеупотребительный и распространенный между всѣми зырянами.

Но диво-дивное творилось въ воздухѣ. Волны многочисленныхъ звуковъ неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя дороги, по которымъ путешествовали съ неимовѣрной быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. Говоръ гусей, свистъ и звонъ крыльевъ несущихся стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей и разнородный писк куликовъ мѣшался съ пронзительными переливами трубнаго лебединаго голоса.

Въ невольномъ изумленіи стоялъ я,—продолжаетъ охотникъ,—предъ этимъ дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Я вперилъ глаза вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ разглядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и громче; все плыли и плыли стаи, все гуще становилось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе звенящихъ отъ быстраго полета крыльевъ, какъ-будто надъ головою вились и парили духи.

Вдругъ я замѣтилъ въ темнотѣ, почти возлѣ меня, неподвижно стоящую человѣческую фигуру. Подхожу—Абрамъ (охотникъ-сотоварищъ, ярославецъ).

— Абрамъ, это ты? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Слушаю и не могу наслушаться, что это такое дѣлается тамъ!—шопотомъ отвѣчалъ онъ, ткнувши въ воздухъ указательнымъ пальцемъ.— Птицы-то, птицы-то сколько! Господи! сродясь такого чуда не видывалъ.

А свистъ, говоръ, шумъ,—какъ-будто на разные голоса пѣлъ самъ воздухъ,—все оглушительнѣе и разнороднѣе становился въ вышинѣ.

Въ этомъ общемъ птичьемъ хорѣ голосовъ слышны были звуки, о которыхъ трудно было сказать, къ какой породѣ дичи они относятся: пѣвчія ли то птицы, водяная ли дичь или кулики, обитатели болотъ и прибрежныхъ песковъ.

Я побѣжалъ въ баньку (лѣсная избушка) и началъ толкать разоспавшагося В. (другой сотоварищъ по охотѣ, изъ мѣстныхъ жителей).

— Вставайте, вставайте скорѣй! Пойдемте чудо слушать.

В. поднялся, зѣвнулъ и вылѣзъ изъ баньки.

— Эка темень! Какъ рано разбудили! Гдѣ же чудо-то?—спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ, все еще не приходя совершенно въ себя.

— А вотъ слушайте, что въ небесахъ творится. Это совершенно особый міръ жизни. Слышите ли, слышите ли, какіе тамъ голоса?

— Э—э! вотъ что! Ну, это воловой отлетъ. Здѣсь въ это время всегда такъ бываетъ.

— Экъ варитъ! экъ тамъ варитъ, точно въ котлѣ!—проговорилъ Абрамъ.

— Да и ты здѣсь, Абрамъ! а я тебя и не замѣтилъ. Видалъ ли ты такой пролетъ на Шекснѣ?—спросилъ его В.

— Гдѣ, батюшка, видать. И не слыхивалъ даже. Что это, нагонъ что ли?

— Какой нагонъ! Просто дичь съ поморья летитъ въ теплыя страны, холодъ чуетъ.

— Да ужъ что-то ее безъ числа много.

— Да потому и много, что птица разная. Вотъ, слышишь ли точно серебряные позвонки бряцаютъ? Это ржанки летятъ, такія маленькія красивенькія курочки. Весною встрѣчаешь ихъ иногда на поляхъ по озимямъ.

— Знаю, знаю! сѣменухи по нашему, — сказалъ Абрамъ.

— Ну да, по вашему сѣменухи, а здѣсь зовутъ ихъ еще ячменщиками. Летятъ они всегда большимъ стадомъ на ужасной высотѣ и постоянно при этомъ пищатъ своими серебряными голосками. А, чу—и черная утка отправилась съ сѣверныхъ рѣкъ. Слышишь ли свистъ, похожій на то, какъ ребятишки въ глиняныя дудки наигрываютъ? Это ихъ голоса.

— Ну, дичи! ну, дичи! И во снѣ про столько не снилось! Экъ, какая пропасть помѣщается ея на матушкѣ землѣ русской!—сказалъ въ изумленіи Абрамъ.

— Дичи много. Вотъ опять вслушайся-ка, какіе звуки: точь въ точь, какъ на водоносѣ ведра поскрипываютъ: это петрули летятъ, малешькія морскія чайки, сущіе, говорятъ, разбойники по своему быстрому полету и ловкости. Ихъ иначе называютъ буревѣстниками, потому что поморье всегда по нимъ предузнаетъ бурю.

Между тѣмъ разсвѣло на-бѣло. Красно и широко разлилась заря по небу, заходилъ туманъ по рѣкѣ и озерамъ, а пожни убѣлились инеемъ перваго крѣпкаго осенняго утренника. Мелкая птица провалила: только небольшія станички курохтановъ и зуекъ, то свиваясь клубкомъ, то разсыпаясь сѣтью, мчались въ южныя страны съ неимовѣрной быстротою, какъ-будто торопились они изъ всѣхъ силъ догнать своихъ улетѣвшихъ товарищей. Огромныя же отдѣльныя вереницы гусей и лебедей видны были во всѣхъ направленіяхъ. Они летѣли на страшной высотѣ стройными прямоугольниками, громко перекликаясь между собою“.

Въ эту-то пору и начинается самая настоящая зырянская охота, которая называется лѣсованьемъ и которая составляетъ всю жизнь зырянъ, все ихъ прошлое и настоящее, такъ что одинъ изъ писателей, занимавшійся спеціально изслѣдованіемъ ихъ быта, говоритъ: „Если-бы нужно было писать исторію зырянъ, то надобно-бы было писать исторію ихъ охоты; если-бы кто

хотѣлъ изучить ихъ поэзію, то долженъ-бы былъ познакомиться прежде всего съ ихъ охотничьими разсказами“ *). Дѣти, когда отецъ ѣдетъ въ городъ, никогда не просятъ купить кушакъ или шапку, а первое дѣло—ружье.

Въ Россіи зыряне слывутъ не только хорошими охотниками, но и замѣчательными стрѣлками, хотя ярославецъ охотникъ Абрамъ отзывается объ ихъ охотѣ не только съ презрѣніемъ, но и съ озлобленіемъ. Онъ говоритъ: „Ну, и заведеніе проклятое, нечего сказать,—все петлями давятъ: утку въ петлю, куропатку въ петлю, рябчика въ петлю, зайца въ петлю; оленя, медвѣдя, и тѣхъ въ петлю ловятъ“.

Дѣйствительно у зырянъ въ большомъ ходу ловушки, капканы, западни, — что охотниками считается переводомъ дичи; а зыряне ставятъ ихъ каждый сотнями; и чтобы сбыть повыгоднѣе давленную дичь, которая весьма плохо цѣнится, они прибѣгаютъ къ хитрости, къ обману. Рябчику, напримѣръ, они просверливаютъ гвоздемъ головку, мачкаютъ его кровью и выдаютъ такимъ образомъ за стрѣляного. Понятно, на все это есть причины; и съ одной стороны зырянинъ дорожитъ зарядомъ, который надо купить, а съ другой—у него такъ много дичи, что и не перестрѣлять, и ничѣмъ не перевесть ее. Изъ

*) «Зыряне и зырянскій край.» К. Попова. 1874 г. Москва.

фунта пороха, изъ котораго можно сдѣлать 50, много 60 зарядовъ. зырянинъ ухитряется дѣлать 300, а изъ фунта свинца до 180 пулекъ, величиной въ горошину. Ружье у него самодѣльное—винтовка, ложе этого ружья кое-какъ обтесанное полѣно, которое при прицѣлѣ берется подъ мышку, кремневый курокъ удерживается при взводѣ гвоздемъ, о достоинствѣ-же бугорчатаго ствола нечего и говорить. Вѣрный его другъ и товарищъ по охотѣ, это собака. и не одна, а большею частью двѣ, изъ которыхъ одна старая, натаскивающая обыкновенно вторую молодую, въ чемъ и заключается вся охотничья дрессировка. Одинъ зырянинъ, самъ по себѣ, также рѣдко идетъ на охоту; онъ всегда либо съ товарищемъ, либо съ партіей, которыя бываютъ отъ 10 до 12 человѣкъ. И одному зырянину идти на охоту не разсчетъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣйствовать на охотѣ приходится самое меньшее сообща вдвоемъ. Одинъ, напримѣръ, выколачиваетъ бѣлку съ дерева, другой ее бьетъ; одинъ травитъ медвѣдя, другой въ него стрѣляетъ, и тому подобное, что мы увидимъ нѣсколько ниже.

Такъ, только наступаетъ осень, или первое лѣсованье, продолжающееся до января, какъ со всѣхъ деревень, то поларно, то партіями идутъ по лѣсамъ, по большею частью ѣдутъ на маленькихъ, легкихъ лодочкахъ по рѣкамъ охотники-зыряне, съ винтовками, съ собаками, съ прови-

зіей, не; еволакивалсъ. то есть перетаскивая лодочки, гдѣ надо, съ рѣки на рѣку, и ѣдутъ до тѣхъ поръ, пока рѣки не покроются льдомъ. Тутъ, перегружаютъ они тогда на длинныя, узкія парты всю кладь, привязываютъ къ ногамъ длинныя, подбитыя оленьей кожей, лыжи; и небольшого роста, невзрачный на видъ охотникъ-зырянинъ, молодцовато мчащійся на лыжахъ, мало похожъ на зырянина неуклюжаго хлѣбопашца въ деревнѣ. Тамъ онъ въ русской мѣшковатой бѣлой рубахѣ съ большимъ воротникомъ, застегнутымъ мѣдной пуговицей и подпоясанный шерстянымъ кушачкомъ, да въ холщевыхъ русскихъ штанахъ, болтающихся вокругъ ногъ, выглядитъ совсѣмъ какимъ-то увальнемъ. На ногахъ у него некрасивыя коты изъ телячьей шкуры, пропитанной смолою; сверхъ рубахи иногда надѣтъ холщевый полукафтанъ, подпоясанный кожанымъ ремнемъ; а иногда и сверхъ полукафтана онъ надѣваетъ зимой полушубокъ, а не то сукопный азямъ. На охотѣ-же онъ стройно затянутъ въ короткій бѣлаго сукна кафтанъ съ пришитыми къ рукавамъ оленьими рукавицами, по верхъ кафтана на плечи накинуто изъ пестраго зырянскаго сукна нѣчто въ родѣ кофты—лузанъ съ наплечниками и карманами; къ воротнику лузана прикрѣплена четырехугольная шапка изъ бѣлаго сукна, окаймляющая смугловатое лицо съ нѣсколько раскосыми глазами и русыми волосами,

на ногахъ легкія башмаки чуть-комъ съ заостренными носками, а на ремнѣ виситъ охотничій ножъ, пороховница и свинцовая проволока для пулекъ. Кромѣ того на спинѣ къ лузану прикрѣпленъ особой скобкой топоръ; и въ одной рукѣ у зырянина винтовка, въ другой—лопатка съ загнутымъ концомъ, чтобы обивать съ деревьевъ снѣгъ и спускаться по оврагамъ. Въ такомъ нарядѣ, прикрытомъ иногда самоѣдской малицей изъ оленьей шкуры, охотникъ зырянинъ и боекъ, и поворотливъ и не уступитъ въ ловкости никакому другому охотнику. Онъ рыщетъ по лѣсамъ, не боясь заблудиться; у него всегда съ собой матка (компасъ), и онъ хорошо опредѣляетъ страны свѣта по корѣ деревьевъ, а также по сучьямъ и игламъ хвои. Невзрачная на видъ, похожая на волка, его собака, съ стоячими ушами и съ заостренной мордой, также на охотѣ постоитъ за себя передъ всякой породистой; и, распушивъ свой загнутый въ кольцо хвостъ, она летитъ по лѣсу впередъ и разнохарактернымъ лаемъ даетъ знать хозяину, какого она выслѣдила звѣря,—крупнаго или мелкаго. Сообразно этому охотникъ и приноравливаетъ свой зарядъ, заряжая ружье большимъ или маленькимъ зарядомъ.

Вотъ собака лаетъ пискливо и отрывисто, то часто и нетерпѣливо,—точно играючи съ кѣмъ,—это она выслѣдила на деревѣ бѣлку. Бѣлка ее

не боится и даже какъ-бы любитъ слушать лай: она спокойно сидитъ внизу на деревѣ и, пристально смотря на собаку, стрекочетъ; но какъ только замѣтитъ приближающагося охотника, тотчасъ-же прячется на вершину дерева и такъ ловко скрывается за вѣтвями, что стрѣлять ее нельзя, а надо выколачивать. Одинъ изъ охотниковъ стучитъ тогда топоромъ по дереву, а другой кладетъ ружье на сошку, которая всегда съ нимъ, или на сукъ какого-либо дерева, и, когда испуганная бѣлка перелетаетъ съ дерева на дерево, онъ бьетъ ее изъ своей уродливой винтовки безъ промаха, и бьетъ большею частью въ носокъ, чтобы не испортить шкурки. Иногда случается, что бѣлка быстро и незамѣтно перебирается по вѣтвямъ близко стоящихъ другъ отъ друга деревьевъ, тогда собака слѣдуетъ за ней и охотники все-таки гдѣ-либо да настигаютъ ее.

Зырянская бѣлка въ ходу на Руси и слыветъ подъ особымъ названіемъ зырянки. Этотъ маленькій звѣрекъ любитъ кедровые орѣхи, сосновыя шишки и, прыгая съ невѣроятною легкостью по деревьямъ, разыскиваетъ себѣ пищу, а въ случаѣ неурожая, или лѣсныхъ пожаровъ переселяется большими стадами за Уралъ, въ сибирскіе лѣса. При этихъ переселеніяхъ бѣлки, поднявъ свои пушистые хвосты, какъ паруса, переплываютъ большія рѣки, проходятъ иногда черезъ зырянскія селенія, пробираются по крышамъ,

перебѣгаютъ черезъ улицы, и выгодно промышленникамъ напасть глубокою осенью на такое переселяющееся стадо. Осенняя и зимняя бѣлка самая лучшая; весной-же и лѣтомъ она некрасива,—мѣхъ на ней короткій и много рыжихъ волосъ. Самыми лучшими считаются кедровыя бѣлки, которыя водятся въ кедровыхъ лѣсахъ на Печорѣ. Вообще-же въ зырянскомъ краѣ бѣлки такое множествво и она такъ плодовита, что бѣличій промыселъ считается самымъ выгоднымъ, и охотники иной разъ бьютъ бѣлокъ по цѣлымъ днямъ. Они идутъ съ мѣста на мѣсто за своими собаками, и, откусывая по кусочкамъ свинцовую проволоку, готовятъ зубами пульки, а услышавши лай, снова заряжаютъ ружья, и рѣдко когда раздастся лай на крупнаго звѣря. Только и разносится по лѣсу, что лай на бѣлку да на горностая, который запрячется куда-нибо подъ валежникъ, въ мышиную норку, въ дупло, и собака визжитъ, скребя у того мѣста лапами.

Но, вотъ, вдругъ, раздался громкій, злой лай, и чувствуется, что собаки точно освирепѣло бросаются на что-то,—въ такомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія,—это медвѣдь. Собаки хватаютъ медвѣдя, рвутъ, онъ ихъ тоже царапаетъ въ кровь, а охотники берутъ рогатины и заряжаютъ крупными зарядами ружья; если-же найдутъ берлогу, тогда у зырянъ есть свой особый способъ выгравливать и бить звѣря. Прежде всего они на-

рубятъ множество вершинъ елей и пихтъ, величиной въ сажень, а затѣмъ вбиваютъ ихъ комлемъ впередъ въ снѣговую скважину, образовавшуюся отъ дыханія медвѣдя. Разсерженный звѣрь хватаетъ одну вершину за другой, втаскиваетъ ихъ къ себѣ, но вытолкнуть не можетъ, такъ какъ вѣтви, поднятыя вверхъ, не пускаютъ, и онъ начинаетъ ревѣть, а по реву охотники узнаютъ, гдѣ онъ, и тогда, продалбливая надъ нимъ отверстіе, убиваютъ его.

Другіе звѣри, какъ россомаха, рысь, лисица, попадаются также случайно, и на нихъ больше всего ставятъ капканы, западни, а противъ хитрой лисицы, ловко увертывающейся или обходящей всякіе капканы, одно средство,—тщательно заправленная чѣмъ-либо, по преимуществу мясомъ, отрава.

На птицъ, какъ мы уже и упоминали словами Абрама, сотни всякаго рода петель и силковъ, на утокъ-же сѣти, но зырянe, конечно, и стрѣляютъ птицу; и, какъ среди четвероногихъ главный ихъ промыселъ бѣлка, такъ среди перпатыхъ рябчики, а затѣмъ куропатки и тетерева.

На рябчиковъ охотятся по преимуществу съ сентября, а на бѣлокъ съ ноября. Сперва стрѣляютъ рябчиковъ возлѣ деревень, а потомъ идутъ дальше, но идутъ безъ собакъ, такъ какъ собаки только пугаютъ птицу. А птица эта даже и хлопка зырянской винтовки не боится. Заслышавъ шаги

охотника, подымется съ земли выводокъ или цѣлое стадо, паръ шесть или восемь, и сядетъ на нижніе сучья близъ стоящихъ деревьевъ. По сѣрому цвѣту своему рябчики совсѣмъ сливаются съ цвѣтомъ древесной коры, но зоркій опытный глазъ зыряника хорошо различаетъ ихъ и охотникъ бьетъ одного, другого, третьяго, пока стадо не перелетитъ куда-либо на другое дерево, поднявшись нѣсколько выше отъ земли, гдѣ охотникъ опять-таки бьетъ одного за другимъ; а если рябчики заберутся высоко, то охотникъ подманиваетъ ихъ дудкой; и тутъ ужъ бьетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не перебьетъ поочередно весь выводокъ. Затѣмъ зыряникъ разыскиваетъ еще выводокъ; къ вечеру же онъ возвращается въ свою лѣсную избушку—п ы в з я н ъ съ большой пышной кистью рябчиковъ или бѣлокъ, привѣшанной къ поясу. Въ пывзянѣ онъ и ночуетъ и парится, такъ какъ и самъ пывзянъ не то баня, не то избушка для ночлега. Маленькій четыреугольный срубъ съ односкатной крышей, съ отдушиной вмѣсто окна, съ небольшимъ отверстіемъ для дверей, чрезъ которыя пролѣзаютъ зыряне согнувшись,—этотъ срубъ и внутри также незатѣйливъ и тѣсенъ, и также имѣетъ видъ бани. Вокругъ стѣнъ нары, у самаго потолка полокъ, а въ углу навалена куча мелкаго булыжника, что называется каменкой. Такія бани встрѣчаются по лѣсамъ очень часто и охотники выбираютъ для нихъ самыя живописныя мѣста,

гдѣ-нибудь на пригоркѣ и гдѣ-нибудь у воды. Возлѣ каждаго пывзяна строится еще для храненія всякой дичи и запасовъ амбаръ въ видѣ голубятни, стоящій на четырехъ столбахъ, либо же на одномъ, заостренномъ книзу на подобіе конуса, чтобы не могла по такому столбу вскарабкаться россомаха и другіе звѣри. Зыряне соберутся въ свой пывзянъ и прежде всего разведутъ у каменки костеръ, заварятъ съ какой-либо дичиной кашицу, и, пока каменка раскаляется, а кашица варится, они быстро очищаютъ бѣличьи шкурки,—минута и шкурка снята, расправлена и поднята къ потолку для сушенья, а мясо брошено въ награду за труды собакамъ, которыя у зырянъ никогда ничѣмъ и не кормятся, кромѣ какъ на охотѣ. За работой и за ѣдой охотники передаютъ другъ другу разныя охотничьи приключенія, передразниваютъ звѣрей и весьма искусно подражаютъ разнымъ голосамъ птицъ; а потомъ затянутъ какую-либо, большей частью солдатскую русскую пѣсню, въ которой, при ея зырянской передѣлкѣ, и самъ поющій зачастую ничего не понимаетъ, но воетъ, а не поетъ, и воетъ съ большимъ удовольствіемъ. Самая любимая изъ пѣсенъ „Пвушка“ и они завываютъ хоромъ:

«Бадьэ, бадьэ! Мый дажтемъ пукалапъ?
«Али тэпыдъ, бадьэ, войтэлысъ тэлэ?
«Войтэлысъ тэлэ, али изэрысъ гэрэ?
«Бадьэ вужывъ тынсь коджидъ на взивтэ?

То-есть:

«Ивушка, ивушка! что не весело стоишь?
«Или тебя, ивушка, сѣверный вѣтеръ качаетъ?
«Сѣверный вѣтеръ качаетъ, или градомъ сѣчетъ?
«Ивушки корни холодной озерной водой подмываетъ.

Тутъ каждый тянетъ эту ивушку сколько хватитъ у него горла, и долго, очень долго они наслаждаются своимъ воемъ, а какъ раскалится каменка и дойдетъ жара до шестидесяти или семидесяти градусовъ, тогда наступаетъ для зырянина такое наслажденіе, выше котораго онъ и вообразить себѣ ничего не можетъ. Раздѣнутся они до гола и, плеснувъ на каменку водой разъ, другой, третій, начинаютъ въ удушливомъ пару, наполнившимъ сразу всю баньку, хлестать себя вѣниками, а не то тереть тѣло особаго рода скребницами; и хлещатся такимъ образомъ, и поддаютъ разъ за разомъ пару до одури, пока не свалятся кто куда: на нары, на полокъ, а тамъ, прикрывшись кой-чѣмъ, спятъ убитымъ сномъ до зари, пока не разбудитъ ихъ холодъ. Безъ бань они не могутъ обойтись; въ деревняхъ, какъ вечеръ, такъ и раздаются призывные клики: „пывзянь! пывзянъ!“; и босоногіе зыряне идутъ ежедневно одинъ за другимъ въ одѣхъ рубахахъ съ вѣниками въ рукахъ въ общественную баню париться, и парятся тамъ до того, что запарившихся старичковъ выводятъ обыкновенно силою. Они такъ любятъ баню, что если случится заночевать въ

лѣсу на открытомъ воздухѣ, то и тутъ они не могутъ обойтись безъ нея. Они тогда устраиваютъ изъ еловыхъ вѣтвей шалашъ, открытый съ двухъ противуположныхъ сторонъ; посреди же шалаша кладутъ выдолбленную съ одной стороны колоду, наполненную раскаленными угольями и покрытую другой такой же выдолбленной колодой. Колоды тлѣютъ, но не загораются, горячій дымъ валитъ изъ нихъ, согрѣвая шалашъ, и зыряне, раздѣвшись до гола на открытомъ воздухѣ на морозѣ, обливаются предъ костромъ горячей водою и также, какъ въ банькѣ, хлещутся вѣниками, скребутся, а затѣмъ ложатся въ шалашѣ на устланномъ хвоей снѣгѣ, ногами къ колодѣ, прикрывшись также чѣмъ попало; одежда же развѣшивается для просушки надъ колодой.

Случается это въ большинствѣ при погонѣ за оленями, когда охотники, преслѣдуя стадо, далеко уходятъ отъ своихъ обыденныхъ, знакомыхъ имъ мѣстъ. А охота на оленей по преимуществу бываетъ во время второго лѣсованія, которое начинается съ половины января и продолжается до конца марта. Тогда, выслѣдивши стадо оленей по его тропѣ къ водопою, охотники, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, дѣлаютъ засаду. По первому раздавшемуся клику охотниковъ, олени бросаются съ протоптанной тропы въ сторону въ рыхлые глубокіе снѣга, и надо видѣть, какъ они, красиво приподнявъ нѣсколько вверхъ го-

ловы и прижавъ къ спинѣ свои роскошные рога, быстрой иноходью несутся одинъ за другимъ цѣлой вереницей. Передній пролагаетъ путь иногда своей грудью по глубокому снѣгу остальнымъ; но когда онъ выбьется изъ силъ и упадетъ, тогда остальные перескакиваютъ черезъ него и является новый передовой, а охотники мчатся за ними на лыжахъ, не давая бѣднымъ животнымъ ни отдыха, ни времени чѣмъ-либо подкрѣпиться. Сами охотники мчатся также безъ устали; съ нихъ льетъ поть, они сбрасываютъ съ себя на ходу лишнюю одежду, которую подбираютъ слѣдующіе сзади, остаются въ одинѣхъ рубашкахъ и чѣмъ дальше, тѣмъ передовые олени чаще и чаще падаютъ, иные совсѣмъ отстаютъ; ихъ охотники бьютъ, согрѣваясь иногда на ихъ же теплыхъ трупахъ. Но если стадо велико и приходится преслѣдовать его цѣлый день, тогда охотники останавливаются на ночлегъ и устраиваютъ свою воздушную банькy, о которой мы только-что говорили, а съ зарей догоняютъ гдѣ-либо стадо и преслѣдуютъ его снова, пока не перебьютъ столько, сколько возможно. Это самая выгодная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая трудная охота. Послѣ такой охоты зыряне возвращаются весной въ деревни веселые и довольные; они хвалятся своимъ достаткомъ предъ встрѣчающимися по дорогѣ другими партіями; и тутъ-то у нихъ идутъ веселье и пѣсни, когда партія примыкаетъ къ партіи и когда со-

ставляется по дорогѣ цѣлый караванъ, обогащенный разнаго рода добычей.

А въ деревняхъ въ это время всѣ уже ждутъ ихъ: торговцы пріѣзжаютъ съ разными товарами, а невѣсты готовятся къ свадьбамъ.

Деревни у зырянъ большія, но нескладныя. Онѣ разбрасываются иной разъ версты на три, на четыре, обыкновенно по надъ рѣкою, и разбрасываются безпорядочно, то слишкомъ тѣсно, то очень раскидисто, и почти всегда крайне неправильно. Избы у нихъ, по-зырянски керки, такія-же какъ у русскихъ съ двухскатной крышей, съ крыльцомъ на столбахъ и съ сѣнями, раздѣляющими избу на двѣ половины — на черную и бѣлую. Черная половина всегда курная и въ ней живетъ вся семья. Она съ печью и большой лежанкой, сбитыми изъ глины; вокругъ стѣнъ тянутся лавки тѣ-же, что и у русскихъ, надъ ними тѣ-же полки, а потомъ идутъ полати, голбецъ, а затѣмъ три маленькихъ волоковыхъ окна, изъ которыхъ среднее прорублено выше крайнихъ. Въ свѣтлой половинѣ три уже большихъ окна, печь-же чисто голландская, и зачастую вмѣсто лавокъ стоятъ вдоль стѣнъ самодѣльныя изъ черемуховыхъ прутьевъ стулья, вмѣсто-же табуретовъ толстыя обрубки деревъ, а столъ въ переднемъ углу бываетъ иногда даже крашеный. Эта свѣтлая изба предназначается, конечно, для праздненствъ, для исключительныхъ гостей, а также

для свадебъ и другихъ домашнихъ торжествъ и пиршествъ. Пируютъ зыряне по преимуществу въ храмовые праздники и на свадьбахъ, когда вслѣдствіе буйства не безопасно даже проѣзжать по ихъ деревнямъ. Свадебные обряды, какъ и многое другое, они переняли отъ русскихъ, но свадьбы прежде всего отличаются у нихъ плачемъ и воемъ,—это плачетъ и оплакиваетъ родительскій домъ и свою дѣвичью косу невѣста; и, если она плачетъ плохо, то ей помогаютъ опытныя сторонніе вдовы и женщины. Къ вѣнцу ее везутъ подъ покрываломъ съ распущенной косой, которую послѣ вѣнца заплетаютъ въ двѣ косы. Когда раздается по деревнѣ неумолчный вой женщинъ и звяканье колокольчиковъ,—это значитъ ѣдетъ свадьба. Женщины въ кокошникахъ или повойникахъ, повязанныхъ платками, въ холщевыхъ рубашкахъ съ ситцевыми рукавами и въ ситцевыхъ сарафанахъ, покрытыхъ шубейками, отороченными заячьимъ мѣхомъ; дѣвицы въ такомъ-же костюмѣ, но головы ихъ безъ повойниковъ,—онѣ повязаны яркими платками, изъ подъ которыхъ развиваются, вплетенныя въ косу, разноцвѣтныя длинныя ленты.

Невѣста и при поѣздѣ въ церковь слезно воетъ или причитаетъ:

„Спасъ и пречистая благословите!
Боже, благослови
Полною житницей!

Отецъ, благослови
Полной набирушкой (корзиной) хлѣба!
Небо, благослови
Зеленою травою!
Вода, благослови
Живою рыбой!
Лѣса, благословите
Лѣсною птицей!

На пиршествѣ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ колдунъ, который непремѣнно приглашается для охраненія молодыхъ отъ порчи, или, что еще хуже, отъ превращенія всего свадебнаго поѣзда въ волковъ. Пиршество продолжается дня три, четыре, почему и заготовляютъ для него очень много вина, но главное суры (пива), а также шанегъ (ячменныя лепешки на молокѣ), ячневыхъ широговъ съ рыбой, которая запекается иной разъ вмѣстѣ съ чешуей; ѣдятъ вяленую оленину, вяленыхъ и соленыхъ куропатокъ, передъ ѣдой-же пьютъ и праздничное сусло съ стручковымъ перцемъ.

Такое шумное и веселое пиршество только и бываетъ у зырянъ, что на свадьбахъ; рожденіе-же или крещеніе ребенка, а также и поминки проходятъ втихомолку. Рожденіе ребенка не приноситъ радости,—это новые расходы, а мертвыхъ зыряне такъ боятся, что никто никогда не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; мертваго тотчасъ-же увозятъ въ церковь, гдѣ бросаютъ даже дровни, на которыхъ везли

его. Поминаютъ покойниковъ только на кладбищахъ, и то очень скромно.

Изъ боязни зырянъ къ покойникамъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ заключить объ ихъ трусости,—нѣтъ, охотникъ, бродящій большую часть года по страшнымъ, непроходимымъ лѣсамъ среди дикихъ и кровожадныхъ звѣрей, вступающій въ борьбу одинъ на одинъ съ медвѣдемъ, ночующій въ темныя долгія ночи подъ открытымъ небомъ въ непролазныхъ чащахъ, не можетъ быть труслива го характера. Онъ не боится ни лѣшихъ, ни водяныхъ, ни кикиморъ, ни домовыхъ,—всѣ такія вѣрованія, какъ и предразсудки, перняты зырянами у русскихъ. Собственнаго происхожденія нечистый духъ у нихъ одинъ—Ортъ, къ которому они относятся съ нѣкоторой иронією. Этотъ Ортъ у каждаго зырянина свой; и онъ долженъ являться передъ смертью, предвѣщая ее, но не иначе, какъ обойдя всѣ тѣ мѣста, гдѣ бывалъ умирающій. Вслѣдствіе этого зырянинъ, возвратясь изъ какихъ-либо далекихъ мѣстъ, говоритъ всегда усмѣхаючись: „ну, да и сдѣлалъ-же я дорогу Орту!..“

По общимъ отзывамъ зыряне хитры, находчивы, остроумны, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма гостепріимны, услужливы и честны. Гостепріимство ихъ доходитъ до того, что во многихъ мѣстахъ зыряне, уходя изъ дома, оставляютъ дверь открытою настежь, чтобы странникъ и безъ хо-

зяпа нашелъ въ его домѣ и пріютъ, и пищу. По честности своей, не такъ еще давно, они не знали ни замковъ, ни запоровъ; въ дверяхъ они ставили наискосъ палку, чтобы только не ворвалось въ избу животное. Подати, то есть деньги они прежде носили въ городъ за сотни верстъ въ простой сумѣ; глухими волоками отправлялся, бывало, ходокъ пѣшкомъ съ сумою денегъ, и встрѣчавшіеся зыряне при словѣ „казна пуа" (казну несу) почтительно снимали передъ нимъ шапки и низко кланялись. Приходилъ ходокъ въ деревню, и сейчасъ-же разносилась по всей деревнѣ молва: „казна пуа"; и ходокъ, положивъ суму въ передній уголъ избы, шелъ спать на сѣновалъ, и былъ покоенъ, зная, что до сумы никто не дотронется. Теперь, впрочемъ, казна уже не ходитъ, а ѣздитъ, къ избамъ-же придѣлываютъ зыряне такіе-же замки, какъ и у русскихъ.

Изобрѣтательность и смышленость зырянъ проявляется въ тѣхъ многочисленныхъ снарядахъ, въ которыхъ они изощряются при звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ у нихъ много есть своихъ весьма остроумныхъ способовъ. Зырянинъ всегда обдуманно приступаетъ къ дѣлу, и не любитъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Какъ рыболовъ, онъ также славится какъ и охотникъ; и рыболовству онъ отдается съ неменьшей страстью. Онъ идетъ на промыселъ съ весны вплоть до зимы, идетъ

иной разъ очень далеко, гдѣ и строитъ балаганъ, въ которомъ складывается рыба, а для себя съ работникомъ строитъ свой пывзянъ. Всякой вкусной рыбы у него по озерамъ и рѣкамъ множество; но въ Россіи славится вычегодская стерлядь, которая расплодилась въ Вычегдѣ, зайдя въ нее черезъ каналы съ Волги, и которую не такъ еще давно зыряне называли долгоносымъ, чортовымъ отродьемъ, бросая ее при ловѣ обратно въ воду. Также, какъ вычегодская стерлядь, славится и печорская семга. Зыряне знаютъ теперь цѣну этимъ рыбамъ, и стерлядью дорожатъ.

Кромѣ всего сказаннаго, необходимо замѣтить, что зыряне не только сами промышляютъ, но и сами ведутъ свою торговлю. Какъ торговцы, по своей смышлености и изворотливости, они рѣдко кому уступятъ, а печорскіе и ижемскіе зыряне, то есть зыряне, живущіе по рѣкамъ Печорѣ и Ижмѣ, такъ разбогатѣли съ помощью торговли, что строятъ для жилья двухъэтажные дома, есть даже каменные, золотятъ купола церквей, украшаютъ церкви драгоцѣнными иконостасами; и одно нехорошо, пользуясь страстью самоѣдовъ къ напиткамъ обираютъ самоѣдовъ и, какъ намъ извѣстно изъ очерка о вогулахъ, обираютъ за Ураломъ и вогула. Зырянина, какъ торговца, можно встрѣтить въ Архангельскѣ, въ Вологдѣ, въ Перми, и во всѣхъ близъ лежащихъ торговыхъ городахъ его

края. Самоѣдъ у него работникъ и пастухъ, но оленеводство противъ самоѣдскаго далеко подвинулось впередъ,—печорскіе зыряне расширили, упорядочили его и оно у нихъ теперь въ цвѣтущемъ состояніи.

Теперь зыряне среди инородцевъ сѣверо-восточной Россіи занимаютъ первое мѣсто, а своихъ сородичей пермяковъ и вотяковъ они давно уже опередили во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь зыряне занимаются и лѣснымъ промысломъ, и судостроеніемъ. а также курятъ смолу, деготь, приготовляютъ разныя лѣсныя издѣлія; и годъ отъ года промышленность и торговля ихъ развиваются. а богатый зырянскій край все менѣе и менѣе становится дикимъ и недоступнымъ.

ПЕРМЯКИ и ВОТЯКИ.

Зыряне, Пермяки и Вотяки—родные братья, или, какъ намъ извѣстно изъ предыдущаго очерка, составляютъ одну семью, отдѣльную вѣтвь финскаго племени, именовавшуюся въ древлѣ пермскимъ народомъ, и до сихъ поръ называющіе самихъ себя однимъ общимъ именемъ коми, что, какъ мы замѣтили, нѣкоторыми изслѣдователями объясняется—народомъ Камы.

Русская пословица говоритъ: „въ семьѣ не безъ урода"; и тутъ-же русскій человѣкъ представляетъ себѣ пермяка въ такомъ видѣ: „худъ пермякъ, да два языка знать," а о вотякѣ у него сложилась поговорка: „вятски—ребята хватски; семеро одного не боятся". Изъ такого рода изрѣченій видно, съ какой проніей русскіе отно-

сятся къ пермякамъ и вотякамъ, чего нельзя сказать о зырянахъ, и что въ дѣйствительности не лишено основаній. Пермяки и вотяки далеко не ихъ родной братъ зырянинъ; они не отличаются ни умомъ, ни предпріимчивостію, ни изобрѣтательностью и никакими способностями ни къ чему, что мы видѣли у зырянъ.

Посмотрите на пермяка.—онъ и по наружности какой-то выродокъ: роста низенькаго, сухой, тощій, плечи узенькія, шея тонкая и короткая, грудь плоская, недоразвитая, а ноги худыя и кривыя. Онъ ходитъ мѣшковато, вило, едва поворачиваясь и не двигая руками. Голова у него небольшая, угловатая, бѣлокурые волосы, подстриженные по-русски въ кружокъ, висятъ спереди космами, закрывая весь лобъ, бровей нѣтъ, бородка жиденькая и маленькая, голубые глаза смотрятъ тускло и подслѣповато, скулы выдались, носъ вздернутъ и ноздри точно вывернуты; щеки-же осунулись, а маленькія губы тонки и сжаты. Физической силой при такомъ сложеніи пермяки, конечно, не обладаютъ; и сосѣдъ русскій опредѣляетъ ихъ однимъ словомъ —„народъ—муха". Но и сами о себѣ они говорятъ: „насъ муха, и та зашибитъ крыломъ можетъ", а про недоуміе свое и не предпріимчивость восклицаютъ только: „кабы мы не пермяки были!" Голосъ у нихъ беззвучный, вялый, говорятъ они тихо, лѣнивo, безъ всякихъ повышеній въ голосѣ; ко всему они равнодушны,

ни чѣмъ ихъ не заинтересуешь, такъ что во всемъ чувствуется одна апатія, забитость, пришибленность, а также робость, трусость, и тутъ же скрытность, или замкнутость. Кромѣ того они крайне упрямы и такъ лѣнивы, что русскіе говорятъ: „не толкни пермяка въ бокъ, онъ и на дворъ не сходитъ“.

Вся такого рода не привлекательная внѣшность отражается и во всей ихъ жизни.

При въѣздѣ въ пермяцкую деревню, первое, что поражаетъ,—это невообразимая грязь и безалаберность построекъ. О какомъ либо порядкѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Избы нагромождены какъ попало, и тутъ, и тамъ.—кому, какъ вздумалось построиться. Одна изба стоитъ задомъ на передъ, другая выпятила свой уголъ на улицу, третья вывернулась бокомъ къ проходящей мимо дорогѣ, четвертая опять ушла назадъ, на гумно; такъ что трудно разобраться, — гдѣ улица, гдѣ дорога. А ужъ клѣтушекъ повсюду, амбарчиковъ и не перечтешь... Пермякъ называетъ себя бѣднымъ, несчастнымъ, если у него по крайней мѣрѣ половина двора не занята разными соломенниками, сѣнниками, хлѣвами и тому подобными гнилушками. И среди вязкой грязи и всякихъ нечистотъ, въ одномъ мѣстѣ лежитъ волокуша,—это два ствола деревьевъ съ двумя корнями вверхъ, скрѣпленными перекладиной, къ которой привязываются для перевозки

разныя тяжес и; возлѣ волокуши сани, на которыхъ пермяки ѣздятъ и лѣтомъ, и зимою; тутъ-же стоитъ соха, которая отличается отъ волокуши только тѣмъ, что стволы деревьевъ обращены корнями внизъ и на концы корней насажены ральники; есть на иномъ дворѣ и телѣга съ первобытными колесами безъ спицъ; и повсюду, и вездѣ, по дворамъ и огородамъ, бродятъ захудалыя овцы, коровы, не дающія зимой молока, за отсутствіемъ пищи; кое-гдѣ видны куры и утки, составляющія исключительное достояніе дѣвушекъ-пермячекъ; и все смотритъ печально, гнетуще, какъ-то заброшено. Изба, по ихнему— керка, такая-же, какъ у русскихъ, только высокая, точно двухъэтажная, а бываютъ и прямо двухъэтажныя. съ двухскатной крышей; но керка не то покрпвилась, не то согнулась, а въ одномъ мѣстѣ точно двумя, тремя бревнами выперлась; и надо-бы поправить,—лѣсу вдоволь кругомъ,—бери сколько хочешь, но пермяку и въ кривой избѣ горя мало. Онъ войдетъ въ нее по скосившемуся или гнилому крылечку черезъ сѣни; и ему опять таки нужды нѣтъ, что въ избѣ также грязно, какъ и на дворѣ. Зимой у него тутъ и теленокъ, и баранъ; но зимой онъ рѣдко когда и сядетъ за столъ на лавку, идущую вдоль стѣнъ вокругъ избы; онъ заберется на полати, а полати у него такія, что не только сидѣть, но и стоять можно. Зимой тамъ онъ и спитъ, и ѣстъ,

и работаетъ. Тамъ, конечно, также грязно, какъ повсюду,—его хозяйка прибираетъ и чиститъ избу только въ особоторжественныхъ случаяхъ да по большимъ праздникамъ. Ко всему этому и на одежду его противно смотрѣть; она всегда запачкана саломъ, кровью и всякой грязью. Да и одежда-то самая незатѣйливая: онъ о красотѣ также не заботится, какъ и о чистотѣ. На немъ нестрядная рубаха, косоворотка, подпоясанная шерстянымъ узорчатымъ поясомъ (это, замѣтимъ, единственная гордость рукодѣльницъ пермячекъ), синія штаны, а въ праздники красная рубаха, поверхъ которой бѣлый холщевый армякъ съ четырехугольнымъ вырѣзомъ для шеи; зимой-же полушубокъ, за ременнымъ поясомъ топоръ и охотничій ножъ, на головѣ шапка изъ овчины, а не то высокій малахай съ длинными наушниками; ноги-же обернуты въ черныя шерстяныя онучи и обуты въ лапти. Въ такой-же простой и почти русскій нарядъ одѣты и женщины; и въ ихъ костюмахъ опять-таки нѣтъ ничего красиваго и оригинальнаго. Рубаха съ незатѣйливо вышитыми рукавами и воротомъ, или-же просто обшитая красной каймой; поверхъ рубахи сарафанъ изъ синей или красной крашенины; въ ушахъ оловянныя серьги, на пальцахъ такія-же кольца, на ногахъ лапти, или кожаные коты, а на головѣ у женщинъ—сорока, или кичка, а не то кокошникъ, у дѣвушекъ-же повязка

сплошь унизанная разнымъ бисеромъ. У дѣвушекъ волосы заплетены въ одну косу, а у женщинъ они собраны подъ сорокой или кичкой въ пучекъ; и можно себѣ представить, что въ нихъ ропится, когда, по существующему у пермяковъ обычаю, пермячки со дня замужества и до могилы не чешутся. Пермяки, впрочемъ, и не брезгливы ни въ чемъ,—они и ѣдятъ Богъ знаетъ что и Богъ знаетъ какъ. Сосѣдъ русскій презрительно говоритъ о нихъ: „Пермякъ навозъ жретъ". Трудно дѣйствительно вообразить себѣ ту неряшливость и ту нетребовательность, съ которой относится пермякъ къ своей пищѣ; ему, видимо, одно надо,—животъ набить, а чѣмъ,—это все равно. Ѣстъ онъ кислое молоко,—другого онъ не знаетъ,—и то всегда почти не свѣжее и съ бѣлыми червями; ѣстъ сыръ изъ высушеннаго творога; и тотъ всегда съ разнымъ соромъ; ш и д ъ (что значитъ щи),—это овсянка, или просто горячая болтушка изъ овсяной муки, которая въ постъ приправляется иногда конопляннымъ масломъ, а по праздникамъ какой нибудь рыбой. Кромѣ этого у него водится много рѣпы; и онъ ее варитъ, жаритъ, вялитъ, печетъ; ѣстъ просто сырую, ѣстъ съ квасомъ, съ водой, съ конопляннымъ сокомъ, съ толокномъ; хлѣбъ-же у него изъ ячменной муки, а израсходуется таковой, тогда изъ пихтовой коры и черемши.

— Не привыкнешь ты къ этому хлѣбу,—говоритъ онъ русскому,—а станешь ѣсть, — ничего,

Вотяки.

сладко вѣдь, не въ примѣръ лучше овсянника, особливо, когда тотъ засохнетъ.

И всю такого рода непитательную ѣду, онъ запиваетъ невѣроятнымъ количествомъ суры (овсяное пиво). Принесетъ пермячка къ обѣду большую деревянную чашку суры, но не успѣетъ оглянуться, какъ какой-либо одинъ пермякъ вытянулъ ее сразу до дна, и надо бѣжать въ погребъ за другой, а потомъ за третьей; такъ что въ семьѣ, состоящей, напримѣръ, изъ трехъ брачныхъ паръ, по заявленію свѣдущихъ людей, выходитъ въ годъ на суру до двухсотъ пудовъ овса. Мясная пища является за рѣдкость, хотя первый промыселъ пермяковъ—охота, и въ ихъ лѣсахъ Пермской и Вятской губерній также много дичи, какъ и у зырянъ въ Вологодской. Прежде они возили возами дичь, и заходили ради промысла даже въ вологодскіе лѣса, но, не смотря на все это, они берегутъ дичь; такъ какъ за нее плотятъ деньги, а пермякъ большой скряга и жадно прячетъ каждую копѣйку. Онъ даже и дробь свою вытаскиваетъ изъ дичи; и ни на праздествахъ, ни на свадьбѣ, ни даже пьяный никогда особенно не раскошелится. Если и въ кабакъ придетъ, которыхъ по ихъ деревнямъ много и гдѣ всѣ они постоянно собираются для совѣщаній, то и тутъ, прежде чѣмъ спросить водки, онъ долго сидитъ, долго думаетъ и нѣсколько разъ выходитъ и стоитъ у кабака, пока рѣшится достать

нѣсколько копѣекъ. На празднествахъ-же, на свадьбахъ больше всего въ ходу у нихъ—сура. и всѣ обряды свои они справляютъ весьма незатѣйливо. Свадебный весь порядокъ перенятъ отъ русскихъ: то же сватовство, тотъ-же накануѣ свадьбы дѣвишникъ, и такая-же затѣмъ свадьба, но безъ особаго веселья. безъ игръ, безъ музыки, безъ удалыхъ и звонкихъ пѣсенъ, а напротивъ они только воютъ и воютъ. Во время сватовства мѣняются оловянными кольцами, а во время дѣвишника всѣ дѣвушки идутъ въ баню. а затѣмъ дѣвушки. возвратясь въ избу. угощаются орѣхами, пряниками: невѣста же. распустивши волосы и надѣвъ бѣлую барашковую шапку, садится на переднюю лавку и начинаетъ выть:

„Не зайка сѣрый прыгаетъ,
Не снѣги на дворѣ крутятъ и мутятъ,
Надрывается мое сердечушко,
Нѣту мнѣ горькой покоюшка,
Какъ приходится мнѣ разставатися
Съ батюшкой родимымъ,
Съ матушкой касатушкой,
Съ милыми моими братцами,
Съ лебедушками сестрами,
Съ теплымъ гнѣздомъ отцовскимъ.“

Воетъ она такъ весь вечеръ и все сидитъ въ шапкѣ; въ ней ложится и спать, и только на другой день передъ вѣнцомъ эту шапку снимаетъ женихъ, повязывая голову невѣсты платкомъ.

Въ день свадьбы невѣста также воетъ, и воетъ вплоть до церкви. Гости на свадьбу приглашаются особымъ образомъ. Одинъ изъ родственниковъ жениха или невѣсты садится на лошадь, увѣшанную лентами, бубенчиками, колокольчиками и, разъѣзжая по всему селенію, кричитъ: „Господи Іисусе Христе! Приходите, добрые люди, пиво пить, хлѣба соли кушать къ молодому князю (такому-то).“ Пиво, то есть суру они пьютъ безъ конца,—ее вдоволь, но при угощеньи нѣтъ никакихъ особыхъ яствъ, лакомствъ; нѣтъ однимъ словомъ того пиршества, которое мы видимъ на свадьбахъ у всѣхъ русскихъ. Ради веселья на свадьбѣ они начнутъ плясать, но пляска у нихъ немудреная. Дѣвушки, сперва одна, потомъ другая, вскочатъ со скамьи и начнутъ бѣгать кругомъ избы дружка за дружкой. Глядя на нихъ, станутъ вскакивать и остальныя, а также и парни; составится затѣмъ кругъ, и пойдетъ потѣха. Кругъ раздѣлится пополамъ, либо переплетется, и, бѣгая небольшимъ мѣрнымъ шагомъ, каждый и каждая изъ танцующихъ подергиваетъ слегка плечомъ, помахиваетъ руками, хлопаетъ въ ладоши, стучитъ, приприпрыгиваетъ, и подъ звуки балалайки или гармоники дѣвушки поютъ:

Я не полемъ шва,
Тяжело несва
Рѣшето овса,
Я де въ избу зашва,

На печь высыпава,
Три дня сушива,
На четвертый товква,
Я блиноъ напеква... и т. д.

Свадьба справляется не долго,—дня два, три, и ничего иного на ней не происходитъ.—никакихъ особыхъ обрядовъ, ни игръ, ни забавъ, ни хороводовъ, точно также, какъ и на всѣхъ, справляемыхъ пермяками праздникахъ; все тѣже искаженныя и въ напѣвѣ и въ словахъ русскія пѣсни, также пермяки не поютъ, а воютъ; и у нихъ есть только одна своя собственная пѣсня, которая заключается въ слѣдующемъ: „Куда пошелъ молодецъ? Въ лѣсъ, въ лѣсъ, въ лѣсъ. Тамъ пихты стоятъ. Мнѣ хочется идти туда. Видѣлъ тамъ коня, видѣлъ черногриваго. Мнѣ не нуженъ конь, я пѣшкомъ дойду. Хорошо меня угостили, денегъ ничего не взяли, ярушниковъ (лепешекъ) много дали. Я ѣлъ, ѣлъ, — сытъ сталъ; медвѣдь ѣлъ, ѣлъ—не доѣлъ, а собака пришла—взяла и съѣла.“ Такой безсмыслицей, какъ передаетъ одинъ изъ послѣдователей ихъ жизни, и ограничивается вся поэтическая фантазія пермяка. Но за то у него очень много сказокъ, и въ большой своей компаніи угрюмый, неразговорчивый пермякъ не скупится на разсказы, особенно о лѣсномъ дядѣ—вэрчене (лѣшемъ), или о водяномъ—воисьмортѣ. По представленію свѣдущихъ пермяковъ дядюшка-лѣшій на видъ,—покрытъ черной шер-

стью, хромъ на одну ногу и кривъ на одинъ глазъ, но бѣжитъ быстрѣе вихря и все вездѣ видитъ. Волосы у него сбились въ громадную копну, которую не расчесать и бороной. По увѣренію пермяковъ, лѣшіе въ лѣсахъ живутъ семьями въ избахъ и также какъ люди плодятся. Во время свадебъ у нихъ бываютъ и такіе-же поѣзда, какъ у людей, и путь, по которому проѣхалъ свадебный поѣздъ лѣшихъ, всегда можно узнать по сломанымъ деревьямъ. На людей-же лѣшій идетъ въ видѣ вихря и похищаетъ по преимуществу женщинъ, вслѣдствіе чего зачастую можно видѣть, какъ собравшіяся на гулянье дѣвушки, замѣтивъ гдѣ-либо вихрь, съ крикомъ: „Лѣшакъ! лѣшакъ!“ разсыпаются во всѣ стороны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣшій, по понятіямъ пермяковъ, является и покровителемъ семьи и всякаго домашняго благосостоянія. Онъ у нихъ не ограничивается однимъ лѣсомъ,—онъ и въ избѣ, и въ семьѣ, и въ полѣ. Захвораетъ-ли у пермяка жена, или кто-либо изъ домашнихъ, отправляется-ли пермякъ въ извозъ, случится-ли какое-либо несчастье,—вездѣ и всегда онъ призываетъ на помощь вэрчена, принося ему всегда посильную жертву.

Послѣ-же лѣшаго, но уже на второмъ планѣ стоитъ водяной, который также живетъ въ своей избѣ подъ водой и принимаетъ иногда видъ щуки.

Пермяки, какъ намъ извѣстно изъ предыду-

щаго очерка, давно уже крещены св. Стефаномъ, но они не зыряне, и вмѣстѣ съ исповѣдываніемъ христіанства, они вѣруютъ и въ своего языческаго бога Е н а, который живетъ т ы щ а (дальше они не считаютъ) лѣтъ и обладаетъ такой невѣроятной физической силой, что можетъ одной рукой забросить дерево въ море; вѣрятъ и въ шайтана, а христіанскихъ боговъ у нихъ много, — это иконы, которымъ они приносятъ иногда въ жертву коровъ, телятъ, ягнятъ, а иногда и наказываютъ, переворачивая ихъ, или-же выбрасывая за окно. Священникамъ зачастую приходится встрѣчать у пермяковъ въ божницахъ икону, поставленную вверхъ головой, и на вопросъ, почему икона такъ стоитъ, пермякъ, ни сколько не стѣсняясь, отвѣчаетъ, что въ домѣ случилась бѣда и онъ поэтому своего бога наказываетъ. Особенной способностью творить зло отличается, по понятіямъ пермяковъ, Чудотворецъ Николай (слово ч у д о означаетъ у нихъ б ѣ д с т в і е); и, если кто по безграмотности купитъ икону съ подписью „чудотворецъ.“ онъ ее сейчасъ-же сбудетъ въ церковь; Святитель-же Николай напротивъ пользуется у пермяковъ, также какъ и у зырянъ, громаднымъ почтеніемъ. Ч у д о м ъ называется у нихъ также и одинъ д у х ъ, котораго въ Крещенье, между заутреней и обѣдней, „какъ богъ засвѣтитъ,“ выгоняютъ изъ деревень и который, разхаживая по деревнямъ, предсказываетъ людямъ, что съ ними

будетъ. Чтобы изгнать этихъ чудовъ, народъ, человѣкъ до сотни, собирается верхами на лошадяхъ у церкви съ кольями, нагайками и скачитъ, топчетъ чудовъ, прогоняя ихъ до слѣдующей деревни. Для того-же, чтобы узнать отъ чудовъ о будущемъ, пермяки собираются, человѣкъ по нѣсколько, и идутъ на рѣчку, гдѣ, обведя три круга, садятся въ середину съ иконой и прислушиваются. Кому умереть,—онъ слышитъ, что чуды строгаютъ доски и вколачиваютъ гвозди; у кого пожаръ будетъ—тотъ услышитъ шумъ, крикъ народа, а у кого коровы пропадутъ—для того чуды начнутъ ногами комки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлѣбъ будетъ, надо идти на гумно, и, если послышатся тамъ пѣсни, то стало быть урожай будетъ хорошій. Чуды, по увѣренію пермяковъ, живутъ въ пустыхъ, заброшенныхъ домахъ и поѣдаютъ всякаго, кто туда забредетъ. „Не ходи въ пустой домъ, — предупреждаютъ пермяки, — чуды съѣдятъ."

Такъ, суевѣрные пермяки боятся всего; у нихъ и отъ язычества осталось много злыхъ духовъ и въ христіанствѣ они ихъ обрѣли. Вслѣдствіе чего, какъ своимъ языческимъ богамъ, такъ и тѣмъ, которые даны христіанствомъ, они приносятъ жертвы и думаютъ, что богамъ непремѣнно нужны жертвы кровавыя. Они рѣжутъ коровъ, ягнятъ, телятъ и половину отдаютъ на церковь священнику, а остальное съѣдаютъ сами. Какое

животное надо принесть въ жертву и куда. какому богу. имъ указываютъ ихъ колдуны; о жертвенномъ-же животномъ они того мнѣнія. что на жертву „оно само бѣжитъ. и подгонять не надо". Впрочемъ, кромѣ кровавыхъ жертвъ, есть у нихъ одна жертва и не кровавая.—это чисто уже христіанская жертва.—восковыя свѣчи, которыя ставятся извѣстнымъ богамъ. то есть передъ извѣстными иконами во время болѣзни. Свѣчи эти дѣлаются особымъ образомъ.—завитыми. и въ размѣръ той части тѣла. которая болитъ: если болитъ голова,—въ обхватъ головы, болитъ рука,—въ длину руки. при общемъ-же недомоганіи,—въ ростъ человѣка.

Молиться пермяки не любятъ, и ведутъ себя въ церкви, какъ на базарѣ,—собираются кучками. громко разговариваютъ. ссорятся. иногда даже дерутся; главные-же праздники, которые особенно шумно справляются,—это не общіе, радостные для всѣхъ христіанъ, Рождество и Пасха, а первые дни весны при выгонѣ скота и осенніе дни по окончаніи полевыхъ работъ. Тутъ пермяки пируютъ и сообща всей деревней. и каждая семья отдѣльно, и ходятъ другъ къ другу изъ дома въ домъ. При выгонѣ скота, они торжественно провожаютъ его съ зажженными свѣчами до околицы. гдѣ велѣдъ ему кланяются, приговаривая, чтобы коровы побольше молока имъ давали, а овцы за лѣто шерсть нагуляли.

Празднества и пиршества рѣдко, разумѣется, обходятся безъ дракъ, а драки у пермяковъ также рѣдки безъ покойника. Тщедушный, смирный и болѣзливый пермякъ въ тоже время крайне мстителенъ и злопамятенъ; разозленный-же онъ превращается мгновенно въ совершенно дикаго звѣря. Онъ бьетъ противника чѣмъ попало и какъ попало, и бьетъ большею частью стягомъ по головѣ. Во время ссоры стягомъ по головѣ бьетъ даже и женщина женщину.

Примѣру-же отцовъ слѣдуютъ, конечно, и дѣти, и уже съ самыхъ малыхъ лѣтъ они пускаютъ въ ходъ и палки, и кулаки. Одинъ изъ путешественниковъ такъ описываетъ слѣдующія уличныя сцены: „Дѣти шли играть маленькой кучкой, которая состояла большею частью изъ дѣвочекъ. Игравшіе быстро поссорились и тотчасъ-же пошли въ ходъ палочки, бывшія у нихъ въ рукахъ. Одна изъ дѣвочекъ нанесла другой пермяцкій ударъ въ голову, другая схватилась за камень. Только окончилась эта ссора, началась другая. Играющіе, повидимому, порѣшили выгнать изъ своей среды дѣвочку лѣтъ пяти-шести съ маленькимъ мальчуганомъ лѣтъ двухъ-трехъ. Ударъ палочкой въ голову началъ ссору. Дѣвочка стала отступать, прикрывая братишку отъ летѣвшихъ щепокъ и палокъ, отъ времени до времени она медленно возвращалась съ палкой въ рукѣ, подходила совсѣмъ близко къ кучкѣ

и на вѣрномъ разстояніи бросала палку въ голову обидчику; за тѣмъ она отступала также медленно, отбрасываясь палками, которыхъ у нея въ рукахъ образовалась цѣлая куча".

Въ ссорѣ пермякъ хватается за ножъ, за топоръ,—онъ не задумывается о послѣдствіяхъ, и у него нѣтъ ни жалости, ни колебаній, когда уязвлено его чувство и въ особенности, когда затронуты его интересы. Стоитъ, напримѣръ, завидѣть ему на своемъ огородѣ или на своей полосѣ чужую скотину, и онъ весь проникается желаніемъ нанести и этой скотинѣ, и ея хозяину возможно большій вредъ. Онъ хватаетъ первое, что ему попадется,—оглоблю, топоръ и, какъ безумный, бросается на животное. Онъ, или разсѣкаетъ у лошади бокъ топоромъ, или переламываетъ ей ногу, или-же разрубаетъ голову; и свиньи чаще всего зарубаются на смерть, а лошади и коровы колѣчатся; если-же прибѣжитъ самъ хозяинъ забредшей скотины, то тѣже орудія, что были въ рукахъ у пермяка на животнаго, обращаются и на его хозяина. А мститъ пермякъ разными способами, но болѣе всего опять таки убійствомъ животныхъ; онъ либо отравляетъ ихъ, либо загонитъ животное въ какой нибудь узкій закоулокъ и проколетъ ему острымъ коломъ грудь, а не то онъ изрубитъ изгородь, потравитъ поле, уничтожитъ что либо изъ имущества; и вообще въ способахъ удовлетворенія чувства

мести онъ весьма изобрѣтателенъ. Что-же касается личной обиды, или побоевъ, то тутъ пермякъ не особенно притязателенъ: за ударъ, нанесенный стягомъ по головѣ, берется рубль, за побои палкой—два рубля, за два выбитыхъ зуба — шесть рублей, за ударъ, нанесенный женщиной женщинѣ ведромъ, двадцать пять копѣекъ, а за ударъ, который причинитъ мужчина чужой женщинѣ или чужой женѣ, пятьдесятъ копѣекъ.

Казалось-бы, что при такой ничтожной платѣ за побои чужой жены, бить собственныхъ женъ ровно ужъ ничего незначитъ, и что жены пермяковъ находятся не только въ рабскомъ состояніи, какъ у всѣхъ инородцевъ, но даже въ скотскомъ. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности это не такъ, и среди всѣхъ инородцевъ мы видимъ у пермяковъ почти что примѣрную семью. Они живутъ не только дружно со своими женами, но жена въ домѣ тоже, что и мужъ,—у нихъ нѣтъ главенства, и мужъ безъ совѣта жены никогда не рѣшится ни на какое дѣло. Только на безплодныхъ женъ они смотрятъ съ отвращеніемъ, но все-таки не изгоняютъ ихъ изъ дому, какъ дѣлаютъ это вотяки. Между собой, то есть въ своихъ семьяхъ, они живутъ вообще очень смирно; заступаются другъ за друга, отчего и сложилась поговорка: „пермякъ за пермяка, что быкъ за быка“,—а, чтобы не было въ семьѣ ни-

какихъ ссоръ, они всегда семья отъ семьи раздѣляются. „Каждому, — говорятъ пермяки, — хочется быть старшимъ, а чрезъ это и ссоры; лѣсу-же у насъ много, нужды въ немъ нѣтъ, чего-жъ терпѣть-то“. И, какъ только умретъ отецъ, то сыновья тотчасъ-же дѣлятся; они тутъ, же, одинъ возлѣ другого, строятъ свои избы-сарайчики, хлѣвушки, дѣлятъ огородъ, поле, все имущество; отчего и нагорожены пермяцкія деревни, какъ мы описали ихъ въ началѣ, какими-то кучками, въ перемежку съ полями, съ проѣздами и съ искривленной дорогой.

Все почти тоже и въ томъ-же видѣ, за нѣкоторыми небольшими исключеніями, мы встрѣчаемъ и у вотяковъ, — этихъ братьевъ близнецовъ съ пермяками. Тѣже безпорядочно построенныя деревни, съ тѣми-же на подобіе русскихъ курными избами, таже грязь повсюду, также трудно найти дорогу черезъ деревню; и когда вы въѣзжаете въ деревню, то на васъ набрасывается цѣлая стая собакъ, которыхъ держатъ вотяки въ изобиліи,—по три и по пяти штукъ въ каждомъ дворѣ. Сами себя вотяки называютъ — утъ-мортъ; то есть — вотъ человѣкъ; но русскій перешачилъ это по своему, и, подъѣзжая къ ихъ деревнѣ онъ говоритъ: „вотъ и орда ихняя угмордая“. Вотяки съ пермяка-

ми мало-мало чѣмъ и не похожи другъ на друга и по лицу. и по одеждѣ, и по уму. Вотякъ точно также хопаръ, тонконогъ, сутулъ и приземистъ; точно также неповоротливъ, вялъ и походка у него медленная; онъ въ день никогда не сдѣлаетъ больше двадцати верстъ, отдыхая на каждой третьей верстѣ; онъ не годится ни къ какой работѣ, гдѣ требуется поспѣшность и проворство, и онъ точно также боязливъ, трусливъ и смиренъ, а, когда разозлится, то тоже „ходитъ,—какъ говорятъ русскіе,—на кулакахъ". Глаза у него узенькіе, подслѣповатые, носъ широкій, борода рыжая и рѣденькая, волоса бѣлесоватыя и висятъ, какъ мочалы. Въ одеждѣ опять-таки нѣтъ никакой разницы съ пермякомъ; и у вотяка она также невозможно грязна и выглядитъ еще невзрачнѣй, такъ какъ рубаху онъ спускаетъ мѣшкомъ на поясъ. На головѣ грѣшневикъ, или что-то въ родѣ суконнаго колпака, напоминающаго отрѣзанный рукавъ; на ногахъ-же, обернутыхъ въ суконныя онучи, остроконечные лапти. Въ одномъ женскомъ костюмѣ мы видимъ еще нѣкоторую особенность, и то въ однѣхъ монетныхъ украшеніяхъ, которыя составляютъ иной разъ все богатство вотяка. Костюмъ этотъ такой-же русскій. какъ и у пермячекъ,—сарафанъ, обшитый по подолу и рукавамъ красной каймой, передникъ, вышитый разноцвѣтными нитками, а на головѣ нѣчто въ

родѣ кокошника.—это айманъ, который у нѣкоторыхъ щеголихъ такъ высокъ, что достигаетъ трехъ четвертей аршина. Но главная особенность все-таки не въ такомъ уродливомъ кокошникѣ.—казовая сторона костюма, —это серебряные старинные полуполтинники, полтинники и даже рубли, которые висятъ въ видѣ ожерелья вокругъ шеи, унизываютъ на подобіе чешуи и бахрамы кокошникъ, и наконецъ на лентахъ, прикрѣпленныхъ къ кольцамъ серегъ, спускаются къ поясу, при чемъ своею тяжестью такъ оттягиваютъ уши, что мочки ушей становятся не только длинными, но и безобразными, особенно у старухъ. Въ этихъ монетныхъ украшеніяхъ заключаются иной разъ всѣ капиталы вотяка и всѣ его долголѣтнія сбереженія: а вотякъ такъ бережливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ скупъ, что каждую добытую имъ копѣйку онъ тщательно ото всѣхъ прячетъ. Онъ ее прячетъ и въ ржаную муку, и въ щели своей керки (избы), или же въ какомъ либо пустомъ пчелиномъ бортѣ, но главнымъ образомъ и чаще всего зарываетъ въ кубышкѣ въ землю гдѣ либо въ лѣсу. О скупости вотяка разсказываютъ множество анекдотовъ: между прочимъ весьма характеренъ слѣдующій разсказъ, обрисовывающій вотяка, какъ со стороны скупости, такъ и тупой хитрости. Является къ доктору зажиточный вотякъ и говоритъ:

— Бачка, мы слыхали, что ты глазъ дѣлаешь. Вотъ мой отца слѣпа; можно ему глазъ дѣлать?

Докторъ осмотрѣлъ больного и рѣшилъ, что болѣзнь излѣчима.

— А что возьмешь глазъ дѣлать?—спросилъ вотякъ.

— Что ты можешь дать?..

— Не знай, что просить станешь?

— Можешь дать десять рублей?

— Нѣтъ, бачка, много; возьми шесть рублей.

— Хорошо, возьму шесть рублей.

— И оба глаза дѣлаешь за шесть рублей?

— Разумѣется, оба.

— Хорошо. Такъ вотъ тебѣ, бачка, три рубля.—дѣлай ему одна глаза; онъ уже стара, ему и одна глаза довольно.

Другой разсказъ.

Нѣсколько человѣкъ вотяковъ подъѣхали въ темную ночь къ постоялому двору, гдѣ плата за ночлегъ взимается съ каждаго человѣка. Постучались они въ окно, хозяинъ и спрашиваетъ:— сколько васъ?—„Два, отвѣтилъ вотякъ,—я да мы“.

Еще разсказъ.

Убили разбойники мужа вотячки, а съ нея содрали платокъ. Слѣдователь при допросѣ говоритъ ей: „больно жалѣешь мужа“.—Жаль Петруши,— отвѣтила вотячка.—жаль, да не больно, а вотъ платокъ-то новый; его-то больно жаль.

И такихъ разсказовъ множество, и всѣ они вполнѣ справедливы. Скупость вотяцкая безпримѣрная; вотякъ въ городѣ на базарѣ ничего не купитъ, кромѣ соли и табаку; онъ наровитъ всегда обойтись только тѣмъ, что самъ дѣлаетъ и что у самого есть; деньги для него составляютъ такую цѣнность, что онъ даже и за жену наровитъ ничего не заплатить. Жену онъ покупаетъ, какъ и пермякъ, но при сватовствѣ или куплѣ онъ долго торгуется и кончаетъ въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что крадетъ, то есть у м ы к а е т ъ (тайно увозитъ) жену. Его за это побьютъ, но онъ увезетъ вторично, его и вторично побьютъ, и больно, но онъ по своему упрямству не уймется и въ концѣ концовъ достигнетъ своего. Жена у него главная работница. и, еслибъ не начальство, то онъ-бы укралъ не одну, а и двухъ женъ. Выбираетъ онъ жену не красивую, или молодую, а здоровую: къ бездѣтной-же относится съ презрѣніемъ и даже выгоняетъ ее изъ дома; у дѣвушки-же съ ребенкомъ отбоя нѣтъ отъ жениховъ. Жена у вотяка безропотная и неустанная работница: она и въ полѣ съ сохой и съ косой, она и по огороду и по дому; она-же плететъ лапти, мастеритъ изъ мочалы сбрую для лошади, валяетъ изъ овечьей шерсти шляпы, выдѣлываетъ сукно, шьетъ шубы, зипуны; однимъ словомъ все, что въ избѣ и все, во что одѣвается и чѣмъ кормится вотякъ, — все это

дѣла ея рукъ. Варитъ она такой-же шидъ (щи), какъ у пермяка,—варитъ мясо зайчины, или бѣлки, а по праздникамъ сушенаго или копченаго гуся, истертаго въ порошокъ; варитъ ячневую кашу съ кускомъ сала, печетъ лепешки, хлѣбы. Но шидъ—это горячая болтушка изъ овсяной муки, бѣлка и зайчина всегда тухлыя, вонючія, а хлѣбъ вотяцкій всегда сѣренькій, запахъ у него затхлый, мякоть липнетъ къ рукамъ; и въ этомъ хлѣбѣ попадаются не одни неразмолотыя зерна, но и всякая дрянь, которую только и можно найти, что въ непросѣянной вотяцкой мукѣ. Тѣмъ не менѣе сами вотячки и дѣти лѣзутъ въ квашню всегда пальцами и съ особеннымъ удовольствіемъ ѣдятъ даже сырое тѣсто. Вотячка ухитрилась сварить и свой собственный квасъ—сюкось, съ особымъ одному ему свойственнымъ способомъ тянуться. Обрусѣвшіе вотяки сами смѣются надъ этимъ квасомъ, говоря: „Ой, бачка, наша баба такой сюкось умѣетъ варить, что станешь ты пить его у стола, да изъ избы вонъ выйдешь, такъ онъ до самой двери протянется, а опосля быдто струна и лопнитъ“. Есть у вотячки и коровы, и птица, но ни молока, ни яицъ она не умѣетъ сберегать.—„Проклятый этотъ курекъ-и узъ (яйцо),—говорятъ вотяки,—лешакъ знаетъ, какъ русинъ беретъ его. Положишь на сукая мѣсто, она засыкаетъ, въ колодной мѣстѣ мерзнетъ, да лопнитъ, а въ подполкѣ пор-

тица; стапишь его порченый пекитъ, такъ онъ какъ сѣнопалъ (ружье) клопъ да клопъ".

Вотяцкія бабы вслѣдствіе этого выпускаютъ всегда яйца въ буракъ или кадочку и выставляютъ эту сырую яичницу на морозъ, когда-же захотятъ ѣсть, то разстаиваютъ.

Изъ овощей вотяки особенно любятъ рѣдьку и лукъ, а грибы собираютъ всякіе, — и гнилые, и червивые, и старые,—на ихъ вкусъ все баско (хорошо).

— Э, бачка,—говоритъ вотякъ,—гдѣ ты скоро мелкаго губи (гриба) наберешь, а съ червомъ-ли она, безъ черва-ли—все у ево одна скусъ. Солится да сушится, такъ и будетъ короша.

Кромѣ всѣхъ такого рода явствъ тухлыхъ, вонючихъ, съ червями, и кромѣ питья сюкась, которое тянется отъ стола до двери и лопается, какъ струна, вотячка дѣлаетъ и еще одинъ знаменитый напитокъ—такъ называемую кумышку, которой вотяки прославились по всему пермскому краю. Кумышка выкуривается также какъ водка, и тоже прескверная на вкусъ,—пахнетъ дымомъ, отдаетъ сивушнымъ масломъ, но крѣпка бываетъ до того, что съ одной рюмки и ногъ не подымешь. Вотякъ ее пьетъ изъ деревянной чашки медленно съ наслажденіемъ, какъ-бы втягивая въ себя какой-то божественный напитокъ; и вытянувши рюмку, или полрюмки онъ передаетъ чашку сосѣду, а тотъ слѣдующему; и такъ

круговая чаша кумышки обходитъ всѣхъ у стола сидящихъ, не исключая женщинъ, дѣвушекъ и даже дѣтей. Всѣ напиваются ею до хмѣля, а въ праздникъ и до пьяна, а не то и мертвецки. Праздниковъ-же у нихъ много; они справляютъ и свои, и русскіе. Самый шумный праздникъ тотъ-же, что и у пермяковъ,—это весна, день посѣва.

Едва снѣгъ спадетъ, земля еще не успѣетъ обсохнуть, какъ ужъ вотякъ приготовляетъ свои земледѣльческія орудія, выходитъ смотрѣть свои поля, поглядываетъ на небо, на тучки, на заходъ солнца, предугадываетъ погоду и разсчитываетъ по ней, какъ время посѣва, такъ и будущей жатвы. Тутъ является у вотяка больше жизни, больше энергіи, то есть стремленіе къ работѣ, къ дѣятельности. Онъ точно пробудившись отъ полусна и дремоты, овладѣвавшей имъ цѣлую зиму, чувствуетъ теперь въ себѣ новую силу, проснувшіяся желанія, надежды; онъ и ходитъ бодрѣй, и смотритъ веселѣй. Это время передъ посѣвомъ,—время общей радости, и всѣ собираются, совѣщаются, когда начать посѣвъ и назначить его торжественный день. Приготовляясь къ этому дню, они варятъ сообща возможно большее количество кумышки, пива, меда и затѣваютъ всякаго рода стряпню. Наканунѣ праздника, чтобы встрѣтить праздникъ какъ-бы обновленными, всѣ отправляются въ баню; а въ день праздника

одѣваются въ лучшіе костюмы и въ назначенный часъ, около полудня, выѣзжаютъ верхами на поле, захвативъ съ собою часть провизіи и сѣмянъ. Помолясь Богу, каждый распахиваетъ какой-либо небольшой участокъ своей земли, засѣваетъ его нѣсколькими горстями зеренъ, и тутъ-же заборанпваетъ; а потомъ зарываетъ въ эту распахашую и засѣянную землю яйцо, если есть, то пасхальное, кладетъ вмѣстѣ съ яйцемъ и кашу, и хлѣбъ, посыпанный солью, приговаривая: „ну, мать земля, кормила ты насъ до сей поры, прокорми-же и пынѣшній годъ". Или-же молитъ ее слезно такимъ образомъ: „Уроди, Господи, клѣбъ хорошій, чтобы зерна была, какъ куриный яйца, чтобы колосья была такая, какъ ломоть клѣба, а солома какъ ивовая лоза и притомъ желтая"... Вотякъ, надо замѣтить, любитъ полевое хозяйство, и хлѣбъ у него родится лучше, чѣмъ даже у сосѣдей русскихъ: онъ и землю старательнѣй уповаживаетъ, и поглубже ее пробораниваетъ, и почаще на пашню заглядываетъ. Празднество пашни продолжается много дней, пока не изсякнутъ всѣ заготовленные припасы; но передъ началомъ пиршества женщины съ полными ведрами поливаютъ пашни, а потомъ льютъ остатки и на головы сѣятелей. Во время-же пиршества молодые парни бѣгаютъ въ запуски, затѣваютъ конскія скачки, а не то становится въ кружокъ и начинается

пляска. Но пляска ихъ это что-то такое тупое, утомительное и скучное, на что даже и глядѣть тяжело. Сойдутся два человѣка другъ противъ друга и давай толочь ногами словно въ ступу; какъ кто уперся на одно мѣсто, такъ тутъ и толчется. И топчатся-то безъ всякихъ тѣлодвиженій, безъ скачковъ, безъ перемѣны такта, безъ поворотовъ въ ту или другую сторону, а также безъ возгласовъ, безъ улыбки или радости на лицѣ; и вся удаль или искусство заключаются въ томъ, чтобы топтаться какъ можно дольше. Остальные при этомъ стоятъ и тупо глядятъ имъ на ноги. Смотрите вы, смотрите на это утомительное топтанье и думаете,—авось войдутъ въ ражъ, авось разойдутся и, какъ дикіе, подобно, положимъ, тунгусамъ *), дойдутъ до изступленія; но скорѣе у васъ голова закружится, глядя на ихъ однообразныя движенія, чѣмъ проявится въ этомъ топтаньи что либо новое, какой либо жизненный порывъ и радость веселья. Одинъ изъ путешественниковъ разсказываетъ, что русскій ямщикъ, съ которымъ ему пришлось видѣть эту пляску, не выдержалъ, и, войдя въ ихъ кругъ, сталъ бойко отплясывать трепака. Кружокъ разступился, ямщикъ ухарски заломилъ шапку и сталъ выдѣлывать колѣно за колѣномъ, и въ присядку, и дробью, и ходуномъ, и въ повад-

*) См. „Народы Россіи". Выпускъ II. Очеркъ „Тунгусы", стр. 59.

ку: онъ и изгибался, и ходилъ гикая съ руками на отмашь, и закончилъ такимъ молодецкимъ колѣномъ, что, казалось-бы, какъ говорится, и мертваго-бы подняло на ноги. Но вотяки, когда онъ кончилъ, сомкнулись опять въ тотъ-же кружокъ на томъ-же мѣстѣ и снова стали также топтаться. Ухарскій трепакъ ямщика не вызвалъ въ нихъ ни удивленія, ни восторга, ни даже какого либо возгласа, или замѣчанія и разговора: они опять тупо уперлись глазами въ ноги топтавшихся. Если и раздадутся иной разъ при пляскѣ голоса, то не больше, какъ: „Ой, ой, дуй, дуй!“, а если послышится когда либо и пѣсня, то не иначе, какъ русская, и то искаженная, въ родѣ: „Подлѣ рѣчки, подлѣ мось, липовой береза росъ“.

Второй такой-же праздникъ и пиршество сообща бываетъ по окончаніи жатвы; и точно также продолжается до тѣхъ поръ, пока не изсякнутъ всѣ обильные запасы складчины.

Вотяки не только любятъ сообща веселиться, но и жить, и работать вмѣстѣ. Можно встрѣтить цѣлыя деревни, гдѣ всѣ работаютъ заодно,—и живутъ, и пашутъ въ одномъ полѣ, ходятъ также артелями на охоту, и дѣлятъ потомъ, какъ добычу, такъ и хлѣбъ поровну, безъ обиды. Относятся они другъ къ другу любовно, по-братски. Случится-ли у кого нужда какая, или просто задумаетъ онъ что-нибудь,—вездѣ и всегда вотякъ

прибѣгаетъ къ сосѣдямъ за помощью и совѣтомъ. У нихъ нѣтъ богатыхъ, но нѣтъ и нищихъ; придетъ къ кому бѣда, всѣ явятся на помощь; случится пожаръ, то принесутъ и привезутъ, что возможно, даже изъ другихъ деревень. Миръ и любовь царствуютъ также и въ семьѣ вотяка. Въ этомъ случаѣ они далеко не близнецы пермякамъ, у которыхъ, какъ мы знаемъ, дѣлятся и братъ съ братомъ, и сынъ съ отцомъ, и сынъ съ матерью. Вотяки, напримѣръ, живутъ семьями, человѣкъ по тридцать, сорокъ, въ одной избѣ, и строятъ рядомъ другую только тогда, когда становится тѣсно. Правда, грязь и бѣдность въ ихъ избахъ чувствуется еще сильнѣе, чѣмъ у пермяковъ; у нихъ нѣтъ даже полатей, на которыхъ, какъ мы видѣли, пермяки отдѣляются отъ животныхъ, пригрѣваемыхъ зимой ночью въ избѣ; нѣтъ и нары, и, ложась рядомъ съ коровами, овцами, гусями и курами, они говорятъ: „баско (хорошо), такъ и теплѣй.“ Грязь превышаетъ всякое описаніе, но когда вы спросите вотяка,—почему онъ такъ грязно и бѣдно живетъ?—онъ отвѣтитъ: „Мы вотяки, насъ Богъ не любитъ.“

И все это происходитъ не отъ лѣности и одной глупости, какъ говорятъ объ этомъ его русскіе сосѣди; онъ работаетъ въ полѣ съ утра до ночи, пчеловодствомъ онъ занимается съ успѣхомъ, на рѣдкомъ деревѣ возлѣ деревни нѣтъ бортей пчелъ, а сарапульскій медъ давно уже въ

славѣ; и перенимаетъ онъ все, что приноситъ выгоду, весьма быстро. Какъ то отставной солдатъ изъ вотяковъ сталъ разводить огурцы и получать съ трехъ, четырехъ грядъ отъ пятнадцати до двадцати рублей. Односельчане присмотрѣлись, какъ онъ разводитъ, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ огурцы разводились уже всей деревней.

Ясно, что онъ свыкся со всѣми жизненными невзгодами и нисколько не заботится о нихъ; онъ думаетъ, какъ бы достать денегъ и скопить ихъ; для него нѣтъ пріятнѣй и выше благодарности, если за его гостепріимство и угощеніе, гость воткнетъ въ щель или въ дверь какую либо монету. По какими способами добыть денегъ онъ не знаетъ; его до сихъ поръ сосѣди татары и русскіе только обирали и онъ бѣжалъ отъ нихъ. Стоило русскимъ поселиться на вотяцкой землѣ, и вотяки, бросая свои избы, уходили далѣе въ лѣса. Ихъ смущали татары и русскіе своимъ обманомъ, смѣлостью, и, не зная, какъ бороться съ этимъ, они стали робки, отчего русскіе и прозвали ихъ рябками (рябчиками); въ нихъ явилось недовѣріе ко всему, боязнь, а также упрямство и сплоченность. Знаетъ-ли вотякъ говорить по-русски или нѣтъ, но, сговорившись, и знающій, и незнающій —всѣ будутъ отвѣчать одно слово по-вотяцки у к т о ц к и, то есть „не знаю.“ Спросятъ вотяка:—Много ли тебѣ лѣтъ?—Уктоцки,—отвѣтитъ вотякъ.—Вотякъ ты или нѣтъ?—Уктоц-

ки,—отвѣтитъ онъ опять.—Такъ кто-же ты?! скажетъ раздосадованный спрощикъ,—вотякъ и на это отвѣтитъ:—„Уктоцки...“

Страхъ, который испытываетъ вотякъ передъ начальствомъ, доводитъ иногда его до самоубійства.

И онъ боится всего; его одолѣваетъ страхъ передъ будущимъ, онъ все ждетъ какой-то бѣды, чернаго дня; вслѣдствіе чего у него и развилась хитрость и молчаливость, а также безграничная покорность судьбѣ и способность терпѣть.

Зимой у вотяка въ избѣ безмятежная тишина; слышно только жужжанье веретена, трескъ горящей лучины, шуршаніе мочалы и изрѣдка короткія безсодержательныя слова, касающіяся какихъ либо житейскихъ мелочей. Такую-же тишину можно замѣтить и на полевыхъ работахъ. Иногда слышится разговоръ, но разговоръ тихій, сдержанный, какъ будто секретный, чтобы ни звука не дошло до постороннихъ.

Изъ боязни, или изъ страха передъ будущимъ у него развелось и множество суевѣрій, превосходящихъ всякія вѣроятія; изъ боязни-же онъ молится и русскимъ, и своимъ богамъ, умилостивляя всѣхъ и принося разныя жертвы, которыя не обходятся однако иной разъ безъ хитрости. Такъ, напримѣръ, скажетъ ему жрецъ или колдунъ, что Уромъ (Богъ) требуетъ въ жертву ягненка, но ягненокъ, положимъ, дороже поросенка, и вотякъ

схитритъ тогда такимъ образомъ. Онъ заколетъ поросенка дома, и уже заколотаго несетъ въ священное мѣсто Кереметь, находящееся обыкновенно въ лѣсу, гдѣ Уромъ при закалываніи могъ-бы узнать по голосу, какое животное приносится въ жертву, а тутъ вотякъ, заколовши дома, вмѣсто ягненка да и подсунетъ Урому поросенка.

Изъ боязни онъ умилостивляетъ даже и покойниковъ, и старается хоронить ихъ возможно скорѣе,—утромъ умеръ вотякъ, а къ вечеру его уже хоронятъ. Ни скорби, ни жалости къ потери отца, сына, матери, брата, онъ не чувствуетъ. Русскіе разсказываютъ, напримѣръ, такой случай. Умеръ гдѣ-то въ лѣсу вотякъ отъ удара. Онъ мертвый сидѣлъ, прислонившись къ дереву, и въ одной рукѣ была у него открытая табатерка, а въ другой онъ держалъ щепотку табаку. Увидѣвъ это, вотякъ, ѣхавшій мимо вмѣстѣ съ русскимъ, подошелъ къ мертвому и захохоталъ.

— Чего, дуракъ, тебѣ смѣшно,— возмутился русскій.

По вотякъ продолжалъ хохотать, приговаривая:

— Ну, ужъ смѣшилъ... живой-то всегда нюкалъ, да и мертвый-то будто нюкаетъ. Ну, смѣкъ, вотъ такъ смѣкъ!..

— Да развѣ ты знаешь мертваго? — спросилъ русскій.

— Какже не знаю,—отвѣтилъ вотякъ,—отецъ вѣдь мой она была...

Русскій отъ удивленія только ротъ раскрылъ и сталъ упрекать вотяка, а вотякъ, почесавъ затылокъ и вздохнувъ, проговорилъ:

— Жаль не жаль, и плачь кошь ослѣпни, а толка не будетъ,—коронить надо.

То есть надо расходоваться; почему и вздохнулъ вотякъ.

Но, когда положатъ покойника въ гробъ, положатъ вмѣстѣ съ нимъ начатый лыковый лапоть, кривое шило, которымъ точаютъ лапти, и сунутъ ему въ руку рубль денегъ, чтобы онъ могъ на случай откупиться отъ шайтана, тогда, закрывая крышкой гробъ, они говорятъ, обращаясь къ покойнику: „вотъ ты нашелъ новую избу, ее хорошо выстроили, живи хорошо не сердись.“ Когда-же зароютъ покойника въ землю и станутъ поминать его тутъ-же у могилы, то приглашаютъ ѣсть и пить, какъ самого покойника, такъ и всѣхъ мертвыхъ. Покойнику кромѣ того кладутъ въ землю хлѣбъ, соль, льютъ кумышку и просятъ, чтобы онъ берегъ ихъ скотину, лошадей и заботился о здоровьи дѣтей.

Духовное развитіе вотяковъ совершенно ничтожно; у нихъ нѣтъ ни пѣсенъ, ни сказокъ, ни преданій; и существуетъ также, какъ и относительно всего, одинъ смѣшной анекдотъ о книгѣ закона, которая будто-бы когда-то у нихъ была, но корова, принявъ ее за клокъ сѣна, съѣла.

ЛѢСНАЯ ОКРАИНА.

ЧЕРЕМИСЫ и ЧУВАШИ.

Дремучіе хвойные лѣса, которые начинаются на далекомъ сѣверѣ у тундры и тянутся на громадныя пространства—по Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, частью Казанской. Нижегородской, Симбирской и другимъ губерніямъ, населены множествомъ разноплеменныхъ инородцевъ; и одни изъ нихъ, какъ намъ извѣстно,—зыряне. пермяки и вотяки, засѣли въ самой глубинѣ лѣсовъ; другіе-же, какъ черемисы и чуваши, частью живутъ тамъ-же, гдѣ вотяки и пермяки, а частью вышли уже изъ лѣса и поселились по окраинамъ лѣсовъ,—у большихъ рѣкъ и дорогъ. Говоря о жизни тѣхъ и другихъ, озаглавленныхъ нами инородцевъ, мы постараемся объяснить, какая разница между тѣми,

что живутъ въ глубинѣ лѣсовъ, и тѣми, что поселились у лѣсныхъ окраинъ.

Начнемъ съ черемисовъ. Это близкіе и давніе сосѣди вотяковъ,—частію такой-же полудикій народецъ, какъ и вотяки, а частью несравненно выше ихъ и значительнѣе по числу; ихъ насчитываютъ около трехсотъ тысячъ. Живутъ черемисы въ Вятской и Пермской губерніяхъ, но болѣе всего въ Казанской, а также и въ Нижегородской. Живущіе въ Вятской—такой-же народецъ, какъ и вотяки; въ Казанской губерніи, въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, среди русскихъ, ихъ не отличишь отъ русскихъ; встрѣтятся затѣмъ черемисскія деревни рядомъ съ чувашскими,—и черемисы, ни дать-ни-взять, тѣ же чуваши, но есть и такіе, что смѣшались съ татарами и отатарились. „Съ кѣмъ сжился,—какъ говорится,—въ того и уродился“. Но много еще и такихъ черемисъ, которые ни съ кѣмъ не сжились. Въ старину, надо замѣтить, черемисы были народъ непокойный и воинственный. Такъ, мирно уже жили вотяки и чуваши, а черемисы все еще упрямо стояли за свою независимость, нападали на сосѣдей вотяковъ, ненавидѣли русскихъ,—и справедливо сложилась тогда пословица про нихъ: „по одну сторону черемиса, а по другую берегися“. Они тревожили русскія окраины вмѣстѣ съ казанскими татарами; что и вынудило тогда царя Іоанна IV построить, исключительно для усмиренія чере-

мисъ, крѣпость Козмодемьянскъ. Пытались они было неоднократно уничтожить эту крѣпость, а затѣмъ хотѣли уничтожить и Нижній-Новгородъ, но, разбитые подъ Свіягою, бросились къ Яткѣ и навели тамъ на всѣхъ ужасъ своимъ грабежомъ и разбойничествомъ. Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, черемисы не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ и подступали къ разнымъ русскимъ городамъ, проникая до Арзамаса и Мурома. Въ разбойничествѣ Стеньки Разина, они также принимали участіе; и, наконецъ, покорившись русскимъ, они при всякомъ удобномъ случаѣ старались сдѣлать имъ втихомолку зло; но, не устоявъ затѣмъ противъ русской силы, ушли громадными толпами въ дремучіе лѣса, за Волгу; и вотъ тутъ-то за Волгой гнѣздится и до сихъ поръ та часть черемисъ, которая не походитъ ни на русскихъ, ни на чувашъ, а только сама на себя; и которая совершенно въ лѣсахъ измельчала и одичала.

Эти, такъ называемые, „луговые“ *) или правильнѣе „лѣсные“ черемисы живутъ также, если не хуже, чѣмъ лѣтъ двѣсти назадъ; и ни по фигурѣ своей, ни по лицу, однимъ словомъ ни въ чемъ они не схожи съ тѣми черемисами, что живутъ на Волгѣ, среди русскихъ, и называются въ отличіе отъ луговыхъ „нагорными“. Посмотришь

*) Оттого, что живутъ на луговой сторонѣ Волги.

на нагорнаго черемиса, да тутъ-же взглянешь на лѣснаго,—и по неволѣ скажешь: „отъ одной матки, да не одни ребятки“,—„одинъ братъ сытъ и крѣпокъ, а другой—жидокъ и рѣдокъ“. На нагорномъ черемисѣ красная рубашка, верблюжьяго сукна чапонъ, или бѣлый кафтанъ съ шерстянымъ поясомъ, на головѣ ямщицкая шапка, на ногахъ шаровары и длинные сапоги; а самъ онъ смотритъ бойко, глаза карiе, волосы черные, иногда круто вьющіеся; въ его разговорахъ и движеніяхъ видна нѣкоторая смѣтливость и удаль... Посмотришь-же на его родича—лѣсного черемиса,—сухой онъ, тощій, блѣдный, глаза вѣчно полуоткрыты, уши длинныя, скулы выдаются; и съ виду кажется онъ какимъ-то сонным, неповоротливымъ, глупымъ, а изъ одежды только и есть на немъ, что—зимой суконный кафтанъ и суконная низкая шапка, а лѣтомъ холщевой кафтанъ, берестовая высокая шапка,—четверти три вышиной, а на ногахъ лапти и бѣлые онучи, туго перетянутыя бичевками. Живетъ онъ тоже куда какъ плоше нагорнаго черемиса. Горныя черемискія деревни дворовъ въ тридцать, а иногда доходятъ и до пятидесяти,—онѣ всѣ въ садахъ, въ зелени, и глядятъ на видъ весело, зажиточно; избы въ деревняхъ бѣлыя, вокругъ нихъ стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ; вблизи-же дворовъ огороды,—и каждый дворъ

обнесенъ плетнемъ, а иногда обсаженъ и березками. У лѣсныхъ-же — избы курныя, грязныя, съ маленькими оконцами, съ коровьими пузырями вмѣсто стеколъ, и въ избахъ только и убранства, что лавка, нары и чурбаны. Самоваровъ и чайниковъ, какъ у нагорныхъ черемисъ, и въ поминѣ нѣтъ. А вокругъ избъ таже голь, что и внутри. Есть на дворѣ маленькій шалашъ, куда на лѣто переселяется семья, но ни клѣтей, ни амбаровъ, ни садовъ,—ничего этого не видать. Ѣдятъ они сухой хлѣбъ да рѣдьку, ѣдятъ въ голодное время вмѣсто хлѣба кору, да сосновыя и еловыя шишки, а подчасъ сорокъ да галокъ. Молятся они, какъ дикари, всему: увидятъ, что солнце ярко свѣтитъ,—и думаютъ—это богъ,—молятся ему; свѣтитъ-ли ночью луна,—тоже богъ; и дождь, и свѣтъ, и молнія—все богъ. Но главные боги,—это одинъ добрый—Юма, а другой злой—Кереметь. Добрый богъ живетъ, по ихъ понятіямъ, въ хорошей топленой избѣ—на небѣ и пасетъ тамъ свои стада, а злой—Кереметь живетъ на землѣ. Злому богу они-то и поклоняются, ему и молятся, и приносятъ жертвы, и не знаютъ даже, какъ ублажить этого бога. Жертвы ему приносятъ при всякомъ удобномъ случаѣ,—и въ одиночку, и всей семьей, и цѣлымъ околодкомъ, а иногда и сборищами изъ нѣсколькихъ околодковъ и по нѣсколько сотъ человѣкъ. Жертвуютъ и курицу, и утку, и гуся, и барана,—все несутъ.

и, молясь въ своихъ рощахъ—кереметяхъ, совершаютъ при жертвоприношеніяхъ и разные обряды. Передъ закалываньемъ жертвъ, напримѣръ, вмѣсто колокольнаго звона, стучатъ они топоромъ объ столъ, и прислушиваются къ стуку, точно къ звону; разрѣжутъ жертву и начнутъ кадить зажженной головней, точно кадиломъ; угостятся-же приносимой жертвой, тогда кости и кожу — либо жгутъ, либо кожу вѣшаютъ на деревья. При всѣхъ этихъ жертвахъ всегда присутствуютъ колдуны, и колдунамъ своимъ они не только вѣрятъ, но почитаютъ ихъ, слушаются и повинуются имъ. Колдуны бѣжали къ нимъ отъ нагорныхъ черемисъ, гдѣ быстро развивалось христіанство и гдѣ, конечно, сдѣлалось уже не житье колдунамъ. Лѣсные черемисы тоже, положимъ, мало-по-малу принимаютъ теперь христіанство, но все-таки они больше принимаютъ колдуновъ и говорятъ: „нашу вѣру кончать—насъ кончать“. Они боятся злаго Кереметя, чтобы тотъ не напустилъ на нихъ за христіанство разныхъ бѣдъ и напастей, а бѣдъ у нихъ и безъ того много. Въ то время, когда горные черемисы живутъ съ достаткомъ,—есть у нихъ и хлѣбъ, и рыба, и мясо, и овощи, и когда ихъ выручаютъ разныя мастерства, разные промыслы, какъ рыболовство, пчеловодство,—въ это время лѣсные черемисы находятся въ бѣдности, ѣдятъ иногда, какъ мы знаемъ, только галокъ да сорокъ; пчеловодство-же у нихъ

бортовое; то есть пчелы водятся только дикія; лѣсныя-же издѣлія, какъ липовка и дубъ, производятся не въ большомъ количествѣ; и занимаются они одной лѣсной охотой, отлучаясь ради этой охоты отъ своихъ домовъ на цѣлые мѣсяцы и уходя верстъ за сто, за двѣсти.

Отчего-же такая разница и отчего горный черемисъ такъ превзошелъ лѣсного?.. А, вотъ, посмотримъ повнимательнѣе, что окружаетъ лѣснаго черемиса и какъ съ этимъ окружающимъ онъ справляется... Знаемъ мы, что живетъ онъ въ лѣсу, знаемъ также, что лѣсъ этотъ хвойный, дремучій, въ которомъ растетъ сосна, ель да береза; и идетъ этотъ лѣсъ непролазной чащей, вмѣстѣ съ болотомъ, охватывая сотни верстъ вдоль и поперекъ. По лѣсамъ этимъ и болотамъ медленно, чуть замѣтно, текутъ кое-гдѣ рѣки. Весною и осенью широко разливаются эти рѣки, а въ сухое время обнаженные берега ихъ покрыты болотною зеленью, сучьями, разными кореньями, снесенными весеннимъ потокомъ,—и все это тогда гніетъ, воздухъ наполняется гнилью, а комары и мошки тучами носятся по лѣсу. Обкуривается черемисъ отъ этихъ комаровъ кострами, и держитъ вслѣдствіе этого глаза полуоткрытыми, а домой возвращается съ опухшимъ и изуродованнымъ до нельзя лицомъ. Въ лѣсахъ этихъ мало земли, что годна была-бы для пашни,—а какъ ее сдѣлать пригодной,—черемисъ не знаетъ;

кромѣ того уноваживанье, вслѣдствіе плоской мѣстности и ея влажности, не идетъ впрокъ, а паръ и залежъ быстро покрываются растеніями. Мало-же мальски заброшенная пахоть сейчасъ-же превращается въ частый березнякъ. Въ лѣсахъ этихъ нѣтъ также и пастбищъ, а скотоводство, какъ извѣстно, самое важное подспорье для земледѣлія. Такимъ путемъ нѣтъ у лѣсного черемиса земли для пашни, нѣтъ скота для нея, и лишенъ онъ, стало быть, и хлѣба, и мяса. Что же тутъ дѣлать, какъ не идти въ лѣсъ и не искать лѣсной пищи? А что въ лѣсу есть?—есть грибы, брусника, коренья, сосновыя и еловыя шишки и есть также болотная вода, которой надо запивать сырую и холодную лѣсную пищу. Отъ этого конечно не разжиреешь... Вотъ почему лѣсной черемисъ съ дѣтства уже болѣнъ и слабъ здоровьемъ, и вотъ почему онъ тощъ и рѣдко когда доживаетъ до пятидесяти лѣтъ. Въ лѣсу однако есть еще и звѣрь, и птица; но звѣрь и птица не стоятъ передъ избой, чтобы въ нихъ стрѣляли; не всякій также лѣсной звѣрь годенъ въ пищу; и черемису, гоняясь за звѣремъ, приходится покидать свой домъ и покидать на цѣлые мѣсяцы. Поэтому и вся забота его внѣ дома,—онъ отъ дома какъ-бы отстраняется и дѣлается по отношенію къ нему совершенно безпеченъ. А отъ этого въ свою очередь и домъ его чуть не полуразвалившійся, и безъ досмотра стоитъ

спъ и сырой, и грязный. Ходитъ затѣмъ въ лѣсу черемисъ одинъ, — говорить ему не съ кѣмъ; и вотъ онъ молчаливъ, угрюмъ и грубъ. Въ то же время, когда отъ холода и стужи онъ продрогъ, отъ воды промокъ до костей, когда покровъ для него одно вѣтвистое древо, утѣшеніе—одна вѣчно дымящаяся трубка, — горе невольно давитъ и жметъ его душу. Забудется онъ отъ него, нападетъ на дешевую водку и напьется ею до остервенѣнія. Еслижъ пѣтъ ея, тогда бродитъ онъ тупо и безпечно, среди бушующихъ лѣсовъ и хищныхъ звѣрей; и вырывается изъ его груди не то пѣсня, не то заунывный и жалобный вой—а-а-а, о-о-о... Пѣсня эта, безъ словъ, сопровождаетъ лѣсного черемиса за Волгой повсюду, по всѣмъ лѣсамъ.

Лѣсъ заслонилъ такимъ образомъ отъ черемиса свѣтъ Божій и его самого отъ людей. Добраться къ нему по болотамъ и чащамъ—трудно, да и ему самому выбраться оттуда нелегко. Тутъ нужны сила и умѣнье, и нужно, чтобы помогли ему въ этомъ сосѣди русскіе, либо его-же родичъ—горный черемисъ.

Но горный черемисъ большого ума и самъ еще не набрался. Онъ хотя и вышелъ изъ лѣсной трущобы, хотя и живетъ въ сто кратъ лучше лѣсного черемиса, но и онъ все еще не больше, какъ полудикарь. Такъ, и въ немъ отзывается во многомъ лѣсная дичь. Онъ принялъ, напримѣръ,

христіанство, давно уже молится въ русскихъ церквахъ, но вѣритъ также и въ силу шайтана. вѣритъ отчасти и въ прежняго своего добраго бога, а въ злого Керемети и подавно.

— Вѣдь ты крещенъ,—отчего-же не можешь бросить шайтана?..—говорятъ черемису.

— Охъ, бачка, ты ничего не знаешь,—у насъ такая вѣра: безъ этого и жить пельзя. Еретикъ шайтанъ больно сердитъ.—онъ скорчитъ, уморитъ всю скотину, придушитъ, весь домъ опустошитъ,—отвѣчаетъ черемисъ.

И разъ въ году, въ Лазарево воскресенье, собираются молодые парни съ трещотками и рябиновыми прутьями, и выгоняютъ изъ домовъ, изъ клетей, изъ амбаровъ, — отовсюду, — сердитаго шайтана. Суевѣры также горные черемисы до смѣшнаго. Вѣрятъ они, напримѣръ, въ гнѣвъ мороза за сосульки,—черемисъ ни за что не осмѣлится проѣхать въ ворота, чтобы не сломать сосулекъ. Онъ сдѣлаетъ проломъ въ изгороди, и будетъ ѣздить черезъ этотъ проломъ. Странное понятіе имѣетъ онъ также о громѣ и молніи. Идучи лѣсомъ и захваченный грозою, черемисъ при каждомъ сильномъ ударѣ быстро посторонится. съ видимымъ ужасомъ начнетъ прятаться, и послѣ каждаго удара непремѣнно испугается, и какъ есть по-русски произнесетъ бранноеслово, а потомъ броситъ прутикъ поперекъ дороги и скажетъ: „громъ близко, догонитъ будетъ, но чо-

резъ прутикъ не переѣдетъ.“ Если же снова послышится ударъ и освѣтитъ молнія, тогда онъ снова выругается и, продѣлавъ все, что уже дѣлалъ, опять скажетъ сердито: „на кругъ обошелъ, на слѣдъ попалъ.“ Покойниковъ черемисъ также очень боится и думаетъ, что каждый покойникъ, чтобы достичь лучшей жизни, долженъ пройти по канату, и что дурной человѣкъ непремѣнно свалится въ кипящую смолу и будетъ дѣйствовать за одно съ кереметями. Покойниковъ поэтому черемисы стараются живо спровадить на кладбище и кладутъ имъ въ гробъ — и рубашку, и чулки, ставятъ и пиво, и вино, кончая розгою для шайтана. Они думаютъ, что во всемъ этомъ покойникъ будетъ нуждаться и что когда понадобится ему что-нибудь, тогда онъ не придетъ за этимъ на землю. Въ остальномъ, какъ въ житейскихъ обрядахъ, такъ и въ вѣрѣ, они мѣшаютъ свое прежнее съ перенятымъ отъ русскихъ, и во многомъ держатся еще за свое. Любовь къ лѣсу, какъ къ родинѣ, проглядываетъ у черемиса во всѣхъ его обычаяхъ и въ жизни,—уходя въ лѣсъ, онъ тамъ только и чувствуетъ себя, какъ дома. Береза и рябина — это священныя дерева для него. Береза растетъ во всѣхъ его садахъ, и березовой лучиной онъ освѣщаетъ свою избу, березой топитъ, березой покрываетъ кровлю, изъ березы дѣлаетъ кузовья, употребляетъ ее въ языческихъ обрядахъ, а рябина предохраняетъ

его отъ колдовства и шайтана. Хранятъ старину и лѣсную жизнь болѣе всего—это бабы. Нарядъ бабъ только въ будни чисто русскій, но и тутъ ноги ихъ обернуты всегда въ черные опучи, отчего и зовутъ ихъ „черноногія барыни". Въ праздникъ-же черемиска надѣваетъ на голову безобразную высокую кичку или шлыкъ, на грудь разныя украшенія изъ монетъ, на шею ожерелье, унизанное большими пуговицами и крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ: шаи-же повяжетъ еще передникъ, красиво вышитый по краямъ, серьги изъ монетъ; и вотъ она вся въ монетахъ и вся шитая, такая-же на видъ, какъ была и въ старину. За нее черемисъ, какъ и прежде, когда женится, даетъ калымъ; то есть покупаетъ ее у отца; но чаще, какъ вотякъ и какъ другіе его собратья, ворусть жену и справляетъ свадьбу все съ тѣми-же обрядами, съ какими справляли его отцы и дѣды. Игръ у черемиса немного, но годъ Рождество черемисы также, какъ и русскіе, гадаютъ, затѣмъ въ святки собираются на вечеринки: и тутъ они, либо играютъ въ жгуты, либо переодѣваются въ солдаты, въ козу, лошадь, медвѣдя, и поютъ однообразныя, скучныя пѣсни, гдѣ оплакиваютъ то свою судьбу, то бѣдность. Хоромъ обыкновенно дѣвицы поютъ на одинъ голосъ что-либо въ родѣ слѣдующей пѣсни:

Ой-ой! мой сынъ!
Въ солдаты ушелъ,

Малыхъ сыновей оставилъ,
Малый сынъ работать не умѣетъ;
Большую избу оставилъ: жить людей пѣтъ.
Лошадей оставилъ,—кормить не умѣю,
Коровъ оставилъ,—запирать не умѣю
Овечекъ оставилъ,—шерсть снимать не умѣю,
Пчелъ оставилъ,—смотрѣть не умѣю.

Присутствующіе обступаютъ поющихъ и горько плачутъ. Но рядомъ тутъ-же бываетъ и веселье. Черемисы перекрестятся и начнутъ плясать. Пляшутъ то дѣвицы, то парни, попеременно, и весьма однообразно, сводя то носки, то каблуки и разводя руками, а иногда и кружась на одномъ мѣстѣ. Бываетъ при этомъ и музыка,—черемисы большіе до нея охотники. Есть у нихъ и барабанъ, и гусли, и пузырь, и кобза, и дудка, что жужитъ, какъ комаръ; но музыка ихъ все таки скучная и не такъ богата, какъ русская. Отъ русскихъ въ этомъ случаѣ они еще не переняли ничего,—ни пѣсни, ни музыки. Скорѣе всего они научились отъ русскихъ тому, что даетъ деньгу. Такъ, между ними пѣтъ недостатка въ ремесленникахъ и мастеровыхъ. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ они сдѣлали огромные успѣхи по разнымъ мастерствамъ. Они стали извѣстны по нѣкоторымъ околодкамъ не только своею овчинною выдѣлкою, но и кузнечнымъ мастерствомъ, а теперь не трудно уже найти въ нихъ средѣ хорошихъ плотниковъ, маляровъ, каменьщиковъ, печниковъ и даже золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Послѣдніе рабо-

тают не только один сельскія произведенія, но съ прибылью занимаются и по городамъ. Главныя-же занятія горныхъ черемисъ зависятъ отъ того, гдѣ они живутъ. Такъ, по берегамъ Волги, по озерамъ и другимъ рѣкамъ, изобилующимъ рыбою, они занимаются съ успѣхомъ рыболовствомъ. Въ иныхъ мѣстахъ бурлачествуютъ и гоняютъ плоты: тамъ опять заняты огородничествомъ, и разводятъ всевозможные овощи; но болѣе всего и всѣ они слывутъ за отличныхъ пчеловодовъ, садовниковъ и хлѣбопашцевъ. Въ хлѣбопашествѣ они мало чѣмъ отличаются отъ чувашъ и нисколько не уступаютъ русскимъ. Въ Казани, Козмодемьянскъ, Чебоксары и по другимъ приволжскимъ городамъ и селамъ они сбываютъ на базарахъ и ярмаркахъ: рыбу, яблоки, но по преимуществу муку, медъ и воскъ. Женщины, кромѣ домашняго хозяйства, занимаются огородничествомъ, причемъ главный посѣвъ составляетъ хмѣль, необходимый, какъ для приготовленія пива, такъ и для продажи. Кромѣ того онѣ усердно занимаются тканьемъ, пряжею и вышиваньемъ. Такъ какъ ленъ почти не сѣется у нихъ, то его замѣняютъ вездѣ коноплею, которую выдѣлываютъ превосходно. Нѣкоторыя пряжи и тканье очень тонки, а вышиванье по холсту, разными узорами, шерстями и шелкомъ, дѣлается по счету, съ соблюденіемъ геометрической симетріи и съ большимъ вкусомъ. Въ свободное отъ другихъ занятій время, тканье,

пряжа и вышиваніе производятся цѣлымъ обществомъ родственниковъ и односелокъ, причемъ работающіе чередуются, занимаясь то тѣмъ, то другимъ, что болѣе нравится и болѣе по душѣ.

Благосостояніе горныхъ черемисъ далеко, какъ мы видимъ, превосходитъ лѣсныхъ; и въ то время, когда лѣснымъ и самимъ ѣсть нечего, горные черемисы избыткомъ своихъ промысловъ наполняютъ всѣ окрестные базары и ярмарки. Базары полюбили черемисы до того, что, если пріѣдетъ купецъ къ черемису на домъ, то черемисъ запроситъ за товаръ втридорога, ради того только, чтобы самому ѣхать на базаръ. На этихъ базарахъ и ярмаркахъ заключаютъ они условія, договоры, съ дюжинами свидѣтелей, роспиваютъ всласть могарычи, и никогда не продаютъ товара въ долгъ, но, завидя деньги, продаютъ иногда его и за безцѣнокъ. Черемисами и чувашами на приволжскихъ базарахъ и ярмаркахъ усѣяны всѣ площади.

Не привычный глазъ не отличитъ чувашина отъ черемиса, не смотря на ихъ разноплеменность, но кто присмотрѣлся, тотъ сразу распознаетъ чувашина по его неуклюжей переваливающейся походкѣ, по его узкимъ, чернымъ глазамъ, свойственнымъ болѣе всего его племени, и по нѣкоторымъ особенностямъ въ одеждѣ. Такъ, у черемиса въ большинствѣ случаевъ бѣлый кафтанъ и бѣлые онучи, а у чувашина кафтанъ всегда сѣрый

а онучи всегда черные. Показать голыя ноги считается у чувашей за стыдъ, и чуваши поэтому такъ и спятъ въ онучахъ. Чуваши живутъ, рядомъ съ черемисами, въ Казанской губерніи, по нагорной сторонѣ Волги, въ уѣздахъ: Чебоксарскомъ и Козмодемьянскомъ, но настоящая Чувашландія,—это уѣзды—Ядринскій, Цивильскій и затѣмъ въ Симбирской губерніи по рѣкѣ Сурѣ, а потомъ Курмышскій и Алатырскій уѣзды. Всѣхъ чувашей считается болѣе полумилліона; и они совсѣмъ иного племени, чѣмъ черемисы, — они принадлежатъ къ тюркскому племени; то есть къ одному племени съ татарами.

Но все-таки, какъ мы только что сказали, чуваши мало чѣмъ отличаются отъ черемисъ, и также, какъ послѣдніе, большіе охотники до базаровъ.

— Куда ѣдешь?—спрашиваете вы чуваша.

— Базаръ дѣлать...—весело отвѣчаетъ онъ.

И базары дѣйствительно для него веселье... Затo и устраиваютъ ихъ чуваши и черемисы—и по деревнямъ, и по большимъ дорогамъ, и возлѣ постоялыхъ дворовъ и у питейныхъ заведеній. Стоятъ обыкновенно на этихъ базарахъ въ рядъ телѣги съ проходомъ между ними, сидятъ на нихъ, покуривая свои трубочки, чуваши и черемисы, и идетъ у нихъ живой разговоръ съ русскими о новостяхъ, съ сосѣдними черемисами о цѣнѣ на тотъ или другой товаръ; идетъ тутъ-же

куплю и продажа,—покупаютъ табакъ, вино, а продаютъ муку въ кожаныхъ мѣшкахъ, овощи, фрукты, кожи, овчины, яйца, медъ; и разныхъ сценъ, и смѣшныхъ, и жалобныхъ, а подчасъ и ссоръ, и дракъ на каждомъ шагу. Вотъ продаетъ чувашъ купцу муку. Купецъ валитъ мѣшки на вѣсы, а чувашъ глядитъ зорко, чтобы купецъ, о чемъ предупреждали пріятели чуваша насчетъ обвѣса, не положилъ на лотокъ какого нибудь камня. Купецъ, какъ на грѣхъ, дѣйствительно положилъ нечаянно безмѣнъ, но возлѣ мѣшка, и чувашъ, увидя это, замахалъ сейчасъ-же руками, отбѣжалъ въ сторону и кричитъ:

— Э, нѣтъ, нѣтъ, бачка,—долой моя мука...

И торопится чувашъ снять мѣшки.

Но купецъ, улыбаясь, вѣшаетъ безмѣнъ на коромысло, на которомъ виситъ лотокъ съ мукой, и спрашиваетъ:

— Ну, такъ что ли?.. Вѣрно теперь?..

И чувашъ въ недоумѣніи смотритъ пристально на безмѣнъ, на коромысло, и думаетъ, что если безмѣнъ не на лоткѣ, стало быть и вѣсъ этотъ правильный.

Вотъ еще сцена:

Торгуетъ баба у чуваша рыбу бѣленку. Продавецъ запрашиваетъ дорого. Баба горячится, бранится,—чувашъ не уступаетъ.

— Побойся ты Бога, чувашская лопатка; вѣдь это неслыханная цѣна!..—восклицаетъ баба.

— Эхъ, мачка. что Бога бояться? — Богъ не писарь,—отвѣчаетъ спокойно дикарь.

— Да вѣдь у тебя-же есть Богъ?—вмѣшивается купецъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ дикарь, — мой Бога не знаетъ...

— Какъ не знаешь... а кто твой Богъ?..—пристаетъ купецъ.

— Не знай, бачка...

— Ну, а скажи. гдѣ Богъ?..—снова пристаетъ спрощикъ.

— Какъ можно знать, какой Богъ? кто Его видалъ, бачка? мы не видали Бога...

И этими разсужденіями заканчиваются всѣ его понятія о Богѣ.

У чувашей, также какъ и у черемисъ, съ принятіемъ христіанства перемѣшались и свои языческіе боги, и понятіе о христіанскомъ Богѣ. Теперь, впрочемъ, языческіе боги мало-по-малу забываются. Но не такъ давно еще чуваши приносили жертвы своимъ Кереметямъ, и только въ томъ случаѣ, когда не было отъ этихъ жертвъ успѣха, шли въ церковь и ставили свѣчку Чудотворцу Николаю. Ставя свѣчку, чувашъ помянетъ непремѣнно и сивку, и бурку, помянетъ и каждую свою курицу, а, выйдя изъ церкви, броситъ кусокъ хлѣба собакѣ, чтобы такимъ образомъ узнать,—принята ли его жертва и хорошо ли живется на томъ свѣтѣ его родственникамъ и прія-

телямъ. Ѣла собака хлѣбъ,—и онъ былъ увѣренъ, что жертва принята и живется родственникамъ хорошо; если-же не ѣла собака,—тогда чувашъ былъ въ горѣ. Икона въ избѣ у чуваша называлась „богъ угла". Случалось священнику узнавать по запаху, что чувашъ ѣлъ въ постъ скоромное. Священникъ журилъ чуваша за это; а чувашъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, думалъ, что это передаетъ все священнику икона. Вслѣдствіе этого, желая полакомиться въ постъ скоромнымъ, чуваши обращали икону ликомъ къ стѣнѣ и говорили: „не увидитъ-де теперь и бачкѣ не скажетъ". Такимъ образомъ давно уже у каждаго чуваша была въ избѣ икона, но вмѣстѣ съ иконой хранился въ завѣтномъ мѣстѣ и идолъ. Связанный лыкомъ пукъ шиповника, съ привѣшаннымъ къ нему оловомъ,—это и былъ ихъ идолъ. Къ нему никто не смѣлъ не только прикасаться, но и приблизиться. Молились ему по пятницамъ.

Теперь однако послѣ того какъ русскіе сожгли ихъ священныя рощи или керемети, чуваши перестаютъ уже бояться своихъ злыхъ духовъ керемети и христіанство развелось между ними весьма быстро. Они теперь и русскихъ не стали бояться, и даже сами хотятъ походить на русскихъ. Теперь для чуваша верхъ благополучія отдать дочь замужъ за русскаго, или женить сына на русской. Стараются также они научиться русскому языку и многіе говорятъ на немъ весьма

Черемисы и Чуваши.

свободно, и не только съ русскими но даже и между собою. Лѣтъ-же тридцать еще назадъ было далеко не то. Черемети существовали въ каждомъ почти поселкѣ и, боясь русскихъ, чуваши селились какъ можно далѣе отъ большихъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ; селились обыкновенно въ лѣсныхъ оврагахъ, котловинахъ, или у какого-нибудь ручья и непремѣнно по скатамъ двухъ ложбинъ. Каждое чувашское село расположено такъ, что вы и теперь примѣтите его только тогда, когда уткнетесь въ него. Скрывать отъ русскихъ дорогу къ своимъ селамъ, — это осталось святымъ долгомъ каждаго „Василія Ивановича“, то есть каждаго чуваша, которымъ общее прозвище „Василій Ивановичъ“ явилось, по преданію, вслѣдствіе того, что одинъ іеромонахъ крестилъ ихъ толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій, а воспріемникомъ былъ діакомъ Иванъ. Этотъ-то Василій Ивановичъ никогда не укажетъ дороги къ чувашскому селу, а, запутались вы, и спросили встрѣтившагося чуваша: „молодецъ, какъ проѣхать въ такую-то деревню?“ — „прямехонько ступай.“ — отвѣтитъ онъ вамъ непремѣнно; и кто неопытенъ и послѣдуетъ его совѣту, тотъ заѣдетъ либо въ болото, либо въ лѣсъ.

Селенія чувашскія, какъ прежде, такъ и теперь, не строятся въ линію, подобно черемисскимъ, а всегда идутъ по кругу отдѣльными хуторками. Произошло это по той причинѣ, что чуваши рабо-

тають семьями неразлучно, и каждая семья, разростаясь, ставитъ новую избу возлѣ избы своихъ дѣдовъ и отцовъ. Если-же нѣтъ мѣста на той полянѣ, гдѣ живутъ отцы,—только въ этомъ послѣднемъ случаѣ новая семья разыскиваетъ себѣ по близости новое мѣсто для своей избы. Избы у нихъ черныя, внутри отъ постоянной копоти покрыты какимъ-то глянцемъ, полъ глиняный и такъ черенъ, какъ уголь. Въ избахъ, кромѣ нары шириною въ ростъ человѣка, и подполья, куда прячутся для храненія цѣнныя вещи, другого и нѣтъ ничего. При входѣ-же въ чувашскую избу—справа чулапъ, а слѣва волоковое окно. Въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, зачастую свѣтится коровій пузырь; около-же избы амбары, и иногда въ два этажа; въ особомъ углу на дворѣ у каждаго чуваша непремѣнно пивоварня и затѣмъ погребъ. Лѣтомъ чуваши живутъ въ лачугахъ или шалашахъ, и тогда ихъ жизнь походитъ на стародавнюю кочевую. Посреди лачуги виситъ котелъ, гдѣ варятъ пищу, а кругомъ лачуги лавки да чурбашки. Деревню чувашскую осенью всегда отличишь отъ русской или татарской. Какъ въ Казанской, такъ и въ Симбирской губерніяхъ, проѣзжая по деревнямъ въ ноябрѣ или въ декабрѣ, стоитъ только взглянуть на гумно, и, если нѣтъ на гумнахъ ни одной хлѣбной копны, а стоитъ только на верхушкѣ каждаго овиннаго пнина необмолоченный снопъ на съѣденіе птицъ, это

значитъ деревня чувашская. Чуваши отличаются уборкой хлѣба, и когда придетъ пора молотьбы, то, не смыкая глазъ, они работаютъ на гумнѣ по двое и по трое сутокъ безпрерывно и день и ночь. И не только въ этой одной работѣ, но и вообще въ земледѣліи чуваши превзошли всѣхъ своихъ сосѣдей и даже русскихъ. Русскіе сами сознаютъ такое превосходство и вѣрятъ, что чуваши могутъ предсказать всегда, какой будетъ урожай. Они дѣйствительно изъ рода въ родъ передаютъ свои примѣты о бывшемъ въ томъ или иномъ году урожаѣ или не урожаѣ, и примѣты эти приносятъ имъ свою пользу. Разъ пріѣхалъ въ одно село какой-то исправникъ, самъ сельскій хозяинъ, и поругалъ чувашей, что у нихъ не засѣяны озими. Исправникъ доказывалъ имъ и священнику того-же села, что надо уже сѣять, и священникъ, послушавшись хозяина исправника, засѣялъ свои поля, а чуваши нѣтъ. Возвращаясь изъ Казани, исправникъ снова увидѣлъ тѣже поля чувашей не засѣянными и снова сталъ бранить ихъ, говоря, что они сами себѣ не желаютъ добра.

— Какъ, бачка, себѣ добра не хотѣть?—отвѣчали ему чуваши.—мы потому-то до сихъ поръ и не сѣяли, что добра себѣ хотѣли.

— Какъ это?—спросилъ исправникъ.

— Сѣять-то, бачка, нельзя; по солнцу-бы и можно, да примѣта дурная есть,—бѣда выйдетъ,—говорили въ одинъ голосъ чуваши.

— Какая примѣта?

— Да много, бачка, примѣтъ есть; нехорошо будетъ, если теперь посѣемъ,—настаивали чуваши.

— Да какія-же это примѣты?—допытывался исправникъ.

— Да вотъ тѣ, что старики наши отъ своихъ стариковъ слышали,—отвѣчали чуваши.

И напрасно хозяинъ исправникъ старался разузнать эти примѣты. На всѣ его разспросы чуваши отвѣчали одно: „такъ, бачка, знаемъ, что нехорошо будетъ; отцы наши и отцы отцовъ нашихъ такъ говорили.“

И чуваши впослѣдствіи оказались правы. Они засѣяли, спустя недѣлю послѣ отъѣзда исправника, и у нихъ взошли озими чудесныя, а у священника зерно поѣлъ червь.

Люди, бывалые среди чувашей, разсказываютъ много подобныхъ примѣровъ и утверждаютъ, что на примѣты чуваши очень памятливы, и примѣты ихъ справедливы. Одинъ ученый, знавшій и описавшій хорошо ихъ жизнь, говоритъ, что ему пришлось видѣть одного чувана Михалку, который удивительно вѣрно предсказывалъ всегда наканунѣ слѣдующаго дня, ведро или ненастную погоду. Спроситъ онъ бывало Михалку, какая завтра будетъ погода?.. Михалка посмотритъ на небо, на лѣсъ, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ, и отвѣтитъ: „завтра будетъ ясная, хорошая погода,“ хотя бы во

время его предсказанія все небо покрыто было облаками; или скажетъ: „завтра будетъ сильный дождь; хотя бы наканунѣ небо было чистое и безоблачное; или-же заявитъ, что завтра будетъ небольшой дождь съ утра до обѣденной поры. И всегда, по увѣренію ученаго, предсказанія Михалки сбывались совершенно точно.

Предсказанія Михалки, какъ и другихъ чувашей, дѣйствительно перешли къ нимъ отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрены и самими. Разные случаи, которые замѣчали отцы были переданы дѣтямъ, а тѣ, провѣривъ эти случаи. сами еще кое-что высмотрѣли, и такимъ путемъ, то по ранней или поздней, по сухой или сырой веснѣ, по жаркому или холодному лѣту, по поздней, сухой или сырой осени, наконецъ по холодной или гнилой зимѣ, по глубокому или рыхлому снѣгу и т. п., узнаютъ они объ урожайномъ или не урожайномъ годѣ. Они запоминали послѣ чего что́ случается, они вглядывались, какъ солнце восходитъ и садится, что бываетъ при томъ, когда роса сильно падаетъ. и что послѣ того, когда туманы подымаются. Всѣ эти и подобные имъ случаи они примѣтили и, любя земледѣліе, передаютъ свои примѣты изъ рода въ родъ. А земледѣліе,—это жизнь чуваша. Между ними нѣтъ ни ремесленниковъ, ни мастеровыхъ, чѣмъ изобилуютъ деревни черемисъ. Чуваши всѣ и повсюду занимаются однимъ зем-

ледѣліемъ и пчеловодствомъ. Поля свои чуваши засѣваютъ всѣмъ, что только можетъ на нихъ родиться. Вы увидите на чувашскихъ поляхъ: рожь, ячмень, гречу, ленъ, коноплю; увидите и пшеницу для домашняго употребленія, а также горохъ и хмѣль. Отъ хмѣля въ прежнее время, по его дороговизнѣ, они имѣли большую прибыль. Пашутъ чуваши косулями, но встрѣчаются и сохи и плуги. Поля ихъ, прибранныя и выпаханныя, точно огороды. Земля вдоволь унавожена, навозъ они покупаютъ и у сосѣдей русскихъ; камни съ полей прибраны, въ сырыхъ мѣстахъ для осушки прорыты канавы; и поля ихъ не особенно боятся засухи, такъ какъ вблизи каждаго поля ростетъ непремѣнно и роща. И неутомимо, и дѣятельно, а главное смышленс работаютъ они и ухаживаютъ за своими полями. Ни одинъ чувашъ не потерпитъ, чтобы хлѣбъ у него не былъ въ свое время сжатъ, свезенъ на гумно и обмолоченъ. И съ самаго ранняго дѣтства каждый чувашенокъ становится полевымъ работникомъ. Отъ семи до десяти лѣтъ,— тутъ онъ еще не въ полѣ, тутъ онъ помогаетъ только матери прясть, да, когда всѣ на полевыхъ работахъ, онъ кормитъ и загоняетъ скотину, но съ десяти лѣтъ мальчикъ начинаетъ уже выѣзжать пахать, а въ восемнадцать лѣтъ чувашъ считается совершенно взрослымъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ инородцевъ, за-

сѣкущихъ наши дремучіе лѣса, горные черемисы, живущіе по окраинѣ лѣсовъ, а въ особенности чуваши, сдѣлались настоящими земледѣльцами. Къ охотѣ за лѣснымъ звѣремъ они хотя и имѣютъ влеченіе, но занимаются ею мало, а полюбили, кромѣ поля, пчеловодство и затѣмъ огородъ. Въ лѣсахъ же плетутъ кули и лапти. Сообразно раздѣленію полевыхъ работъ, они дали названіе и разнымъ мѣсяцамъ,—такъ у нихъ: „Апаойхъ,"—мѣсяцъ пашни, „Уда-ойхъ"—мѣсяцъ сѣнокоса, „Пиднинь-ойхъ,"—мѣсяцъ льна, „Авыпъ-ойхъ,—мѣсяцъ овинный. Изъ праздниковъ у нихъ—чукленье, такъ называемое, моленье о хлѣбѣ,—это самый большой праздникъ въ году. Празднуютъ они его дома, въ каждомъ селѣ, всѣ поодиночкѣ и вмѣстѣ поочереди. Тутъ они пьютъ пиво безустали и ѣдятъ разныя явства. Но, не смотря на всю свою зажиточность, и не смотря на то, что между ними нѣтъ почти нищихъ, ѣдятъ они, также какъ и живутъ, грязно и скупы до крайности. Ѣдятъ они больше всего одну яшку,—это такіе особыя щи; и изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ и люди, и овцы, и телята; и тутъ-же моютъ маленькихъ ребятъ, и стираютъ даже бѣлье. Скупы они до того, что продаютъ свое все; на покупку-же даже необходимаго сильно жмутся. Не разъ можно встрѣтить, что чувашъ смазываетъ колеса имѣющимся у него коровьимъ масломъ, ради того единственно,

чтобы не покупать деготь. Кромѣ того, они крайне боятся обнаружить свои деньги, и не такъ давно еще они прятали всѣ деньги на случай „сухой бѣды“. При прежнихъ судахъ сухой бѣдой назывался наѣздъ суда. По робости своей, чуваши рѣдко когда между собой ссорятся, они боятся всѣхъ и каждаго. но, выведенные изъ терпѣнія, рвутся, мечутся, какъ звѣри, и чтобы отомстить обидѣвшему. они прежде вѣшались у него на дворѣ. Больше этой мести, по ихъ понятіямъ, нѣтъ другой; такъ какъ на тотъ дворъ, гдѣ обиженный повѣсился, наѣзжалъ судъ и производилось слѣдствіе. Покойниковъ они боятся до сихъ поръ также, какъ и черемисы. Поминая покойниковъ накануиѣ Семика, чуваши ставятъ въ избѣ столъ съ пирогами, блинами и яйцами, зажигаютъ свѣчи и по свѣчамъ узнаютъ о загробной жизни своихъ родичей. Когда свѣча горитъ ярко, они думаютъ. что покойники живутъ на томъ свѣтѣ хорошо и весело, а, если свѣча погасла или упала, говорятъ. что покойника постигла „сухая бѣда“. Полагая также, что покойники могутъ ходить по домамъ, они кладутъ имъ на могилы по кусочку разныхъ явствъ и приговариваютъ при этомъ: „мы поминаемъ васъ, ничего не жалѣемъ для васъ, но вы. за это будьте смирны, не бранитесь въ могилахъ, не безпокойте насъ. не ходите къ намъ. Вставайте ночью, ѣшьте до сыта, вотъ вамъ и по-

лотенце утираться"... Но тѣ женщины, которыя недовольны мужьями и умершими родственниками, бранятся, ругаются и топчатъ ихъ могилы.

Веселятся чуваши во время свадебъ; и тутъ у нихъ и игры бываютъ, и музыка, и пляска. Женъ они себѣ, также какъ и всѣ сосѣдніе инородцы, покупаютъ, но относятся къ женамъ дружественно и съ почтеніемъ. До рожденія сына, они называютъ женъ просто женами, но жена, родившая сына, величается „маткой" Васпья или Михалки и вообще первенца. Любимая игра чувашъ,—это лычки. Игра эта состоитъ въ томъ, что, взявъ пучекъ лычекъ, концы ихъ раздаютъ по рукамъ, и та пара, у которой концы оказались отъ одного лычка, должна цѣловаться. Любимый музыкантъ чувашей.—это пузырщикъ. Къ музыкѣ, по увѣренію многихъ хорошо ихъ знающихъ, они способны не менѣе евреевъ. Изъ инструментовъ, кромѣ пузыря, есть еще у нихъ гусли, гудокъ, гармоника, дудка, балалайка, а въ послѣднее время въ большомъ ходу и скрипка. На свадьбѣ, послѣ жениха, пузырщикъ играетъ самую видную роль. Пѣсни поютъ они и однимъ голосомъ, и съ припѣвомъ хора. Иногда по дорогѣ изъ села въ село вы встрѣтите цѣлый поѣздъ, мчащихся кибитокъ и повозокъ съ гикомъ и шумомъ. Женщины ѣдутъ въ кибиткахъ стоя, а молодежь возлѣ нихъ верхами,—это, стало быть, свадебный поѣздъ. Такой поѣздъ отправляется

за невѣстой въ ея деревню, и при звукахъ пузыря, колокольчиковъ, бубенчиковъ, хлопанья въ ладоши и свистѣ, слышатся и хоровыя пѣсни. Женщины хоромъ запѣваютъ:

„Непремѣнно, непремѣнно увеземъ, увеземъ!
Не взявши не поѣдемъ, не взявши не поѣдемъ, не взявши не поѣдемъ!

Мужчины подхватываютъ голосъ стиха и переливаютъ его на разные лады съ прибавками: „Эй, ре, ре; ряй, ре, ре, ряй, рой, ой, рой, рой, ро. ро! Эсхъ, оіохъ, оіохъ.“ Чѣмъ ближе поѣздъ приближается къ невѣстиной деревни, тѣмъ онъ становится шумнѣе. Увозя-же невѣсту изъ деревни. они уже поютъ: „Увезли таки увезли и веземъ“...

Кромѣ однако свадебныхъ пѣсенъ, есть у нихъ еще и много другихъ; и кромѣ, наконецъ, пѣсенъ, немалое удовольствіе для чувашъ составляютъ въ зимнее время.—это сказки. Въ сказкахъ у нихъ яблоки пляшутъ, листья бьютъ въ ладоши, а пузырщики приворажываютъ дѣвушекъ и совершаютъ чудеса

Чуваши способны также и къ грамотѣ. Въ школахъ отличаются они особымъ прилежаніемъ, любопытствомъ; и теперь уже есть священники. изъ чувашъ. есть значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя. появился какъ-то между ними даже и писатель.

Такъ, съ выходомъ изъ лѣсной трущобы, вы-

ходятъ люди и на свѣтъ Божій. Какъ ни прятались чуваши по оврагамъ да котловинамъ, но, живя по окраинамъ лѣсовъ, они чаще встрѣчались съ русскими, невольно поэтому сближались съ ними и многому вслѣдствіе этого научились отъ нихъ. Теперь чуваши только походятъ на русскихъ, но близится время, когда они совсѣмъ войдутъ въ русскую семью и не только будутъ любить русскій языкъ, но даже забудутъ и свой родной. Это, какъ мы увидимъ, случилось съ другими инородцами, также живущими по окраинамъ лѣсовъ, среди русскихъ,—съ Мордвой, Мещеряками и Тептерями, о которыхъ и будемъ говорить въ слѣдующемъ очеркѣ.

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ *).

Гдѣ былъ, князь?—Волгамъ шагалъ, базарамъ гулялъ. „Пословицы русскаго народа“ В. Даля.

Такой поговоркой русскій человѣкъ охарактеризовалъ теперешнее положеніе татарина, который въ прежнія времена былъ княземъ—и бралъ дань съ Россіи; былъ воиномъ—и своими полчищами разорялъ Россію. Извѣстно изъ исторіи, что послѣ освобожденія Россіи отъ татарскаго ига и послѣ разоренія Золотой Орды, явились царства: Казанское, Астраханское, Сибирское и ханство Крымское. Царство Казанское образовалось изъ Кипчакской орды и изъ остатковъ нѣкогда обширнаго сильнаго Болгарскаго царства. Татары и болгары.—оба народа, принадлежащіе одному тюркскому племени и исповѣдующіе одну магометанскую, ре-

*) Этотъ очеркъ долженъ слѣдовать послѣ „Пермяковъ и Вотяковъ“ (Смотр. стр. 35).

лигію, слились въ единое и самое могущественное татарское царство. Еще и до сихъ поръ казанскій татаринъ называетъ иногда себя бургарлыкомъ; то есть булгариномъ.

Но могущественное царство Казанское при царѣ Іоаннѣ Грозномъ пало; и, какъ куликовская битва служила началомъ освобожденія Россіи отъ татарскаго ига, такъ и взятіе Казани было концомъ татарскаго могущества.

Историкъ Карамзинъ такъ описываетъ знаменательный день взятія Казани: „Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне передъ ними подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнью знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь Іоаннъ оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь!“ грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ.

Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ Царскими дверями громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго.— и тогда, воскликнувъ: „съ нами Богъ!“ полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: „Алла! Алла!“ призывали магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей: мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ: уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту,

какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастился Св. Тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскіе уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду".

Но передъ этимъ днемъ побѣды прошло пять недѣль въ осадѣ Казани, въ приступахъ къ ней, въ рѣзнѣ, въ голодѣ, во всевозможныхъ лишеніяхъ, невзгодахъ; и много надо было претерпѣть русскому народу, много совершить такихъ побѣдъ, чтобы избавить русскую страну отъ татаръ, подавить ихъ могущество и усмирить ихъ хищничество. Прошло нѣсколько столѣтій; русскіе съ своими побѣдами шли все впередъ и впередъ; разрушали одно татарское царство за другимъ, пока не исчезли всѣ ихъ царства; и теперь одна только исторія гласитъ о томъ, что было когда-то монгольское или татарское иго и были царства: Астраханское, Казанское, Сибирское и ханство Крымское. Отъ всѣхъ этихъ царствъ не осталось теперь и признака, а бывшіе грозные властители и воины живутъ мирно и спокойно, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ; самая Казань занята вся русскими, а татары пріютились возлѣ бывшей своей столицы въ отдѣльныхъ татарскихъ слободахъ, называющихся Старой и Новой; живутъ по всей Волгѣ среди русскихъ, и занимаются отчасти хлѣбопашествомъ, но та-

кихъ мало, отчасти-же пчеловодствомъ и ремеслами. Пчеловодство они любятъ, но главное ихъ занятіе: какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ,— это мелочная торговля. Въ самой Казани есть и крупные торговцы, имѣющіе сношеніе, подобно своимъ предкамъ болгарамъ, съ восточными азіатскими государствами, но такихъ немного; всѣ вообще татары не только базаромъ гуляютъ по Волгѣ, но шатаются и по всѣмъ городамъ и торговымъ мѣстамъ Россіи. Они не выносятъ никакой тяжелой работы; земли свои они сдаютъ либо исполу, то есть, пользуются половиной получаемаго съ нихъ дохода, либо-же въ аренду, то есть за деньги на извѣстный срокъ, а сами нанимаются въ кучера, дворники, промышляютъ извозомъ, чуть-же завелись у татарина деньги, и татаринъ является уже съ узломъ мелкаго товара за плечами. Его повсюду и вездѣ сейчасъ можно отличить отъ всякаго другого торговца. Бритоголовый, онъ либо въ ермолкѣ, плотно прилегающей къ головѣ, или, въ такъ называемой, тюбетейкѣ, вышитой золотомъ; либо въ шапочкѣ, отороченой мѣхомъ, а лѣтомъ въ бѣлой поярковой шляпѣ съ широкими полями, или-же въ войлочной бѣлой конусообразной шапкѣ. Одѣтъ онъ въ зилянъ—камзолъ безъ рукавовъ до колѣнъ, большею частью легкій изъ ситца; подъ камзоломъ виднѣется широкая рубашка съ большимъ отложнымъ воротникомъ; поверхъ же зиляна надѣвается и еще камзолъ суконный или

панковый, но только подлиннѣе и съ рукавами, а затѣмъ, смотря по погодѣ, то халатъ, то шуба, подпоясанные гарусным или шолковымъ кушакомъ. Штаны у него широкія, запущенныя въ высокіе сапоги. у деревенскихъ-же въ шерстяныя онучи, а сапоги непремѣнно съ калошами; или-же съ особыми острокопечными башмаками безъ задниковъ; и только въ деревняхъ всѣ обуваются въ лапти. Такой костюмъ носятъ, какъ богатые такъ и бѣдные, но у богатыхъ нижніе камзолы изъ шолковыхъ разноцвѣтныхъ матерій, а верхній изъ дорого сукна; у бѣдныхъ-же изъ крашенины и паники. Кромѣ того богатые любятъ щеголять множествомъ цѣнныхъ украшеній; у нихъ на пальцахъ массивныя кольца съ алмазами, на груди толстыя золотыя цѣпочки, и камзолы подпоясаны ремянными поясами, которые убраны серебряными фигурными бляхами. Не богатые также любятъ носить цѣпочки и кольца, но у нихъ онѣ, конечно, серебряныя или мѣдныя;—хотя и въ этомъ видѣ это главное ихъ щегольство.

Въ такомъ костюмѣ, и никогда ни въ какомъ другомъ, широкоплечій, стройно сложенный, средняго роста, казанскій татаринъ выглядитъ молодцомъ. Онъ красивѣе всѣхъ другихъ татаръ, разсѣянныхъ по Россіи. У него глаза бойкіе, блестящіе, лицо овальное и продолговатое, носъ прямой, скулы выдаются весьма слабо, бородка

маленькая, жидко окаймляющая только нижнюю часть челюсти, но что нѣсколько портитъ лицо,— это тонкія и отстающія а иногда и отвислыя уши.

Перегнувшись на одинъ бокъ отъ тяжести узла на спинѣ, татаринъ ходитъ, размахивая аршиномъ, изъ дома въ домъ, крича по дворамъ: „халатъ! халатъ!"; и то онъ что нибудь покупаетъ, то продаетъ. Покупаетъ онъ все, начиная съ тряпья и старыхъ вещей; онъ знаетъ всему цѣну и сбытъ; и иногда, что покупаетъ въ деревнѣ, тащитъ въ городъ, а городской товаръ продаетъ или мѣняетъ на деревенскій. Въ казанской губерніи, напримѣръ, онъ въ одинѣхъ русскихъ деревняхъ скупаетъ яблоки и вишни, мѣняя ихъ выгодно въ другихъ на яйца; отыскиваетъ мерлушки, перекупаетъ лошадей,—и все это мѣняетъ и продаетъ съ большой прибылью для себя. При торгѣ онъ зорко вглядывается въ покупателя или продавца, а также въ его костюмъ, обстановку; и тутъ-же поэтому соображаетъ, какъ и что ему говорить. Торгуется онъ безустали; и много разъ то уйдетъ отъ покупателя или продавца, то опять вернется; и какъ оборотистый, пронырливый и ловкій, онъ никогда и нигдѣ не упуститъ своего. Нѣтъ торговца разговорчивѣе и веселѣе татарина, и онъ любитъ поговорить, какъ при торговлѣ съ покупателемъ, такъ равно и съ пріятелями во время отдыха гдѣ либо въ трактирѣ. Трактиръ,—

это излюбленное имъ мѣсто; онъ тамъ за разговоромъ выпьетъ чашекъ двадцать чаю, или около дюжины пива, иногда-же закажетъ селянку и пропуститъ три, четыре рюмки бальзамчику, признавая бальзамъ не за вино, пить которое запрещено его закономъ, а за травяную настойку.

По своей смѣтливости въ торговлѣ, расторопности, ловкости и малой совѣстливости, почему и говорятъ, что „татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ“,—многіе изъ этихъ разносчиковъ татаръ быстро обогащаются, но и обогатившись, они живутъ весьма умѣренно и скромно.

Въ Казани можно видѣть богатыхъ татаръ на гуляньяхъ, въ театрахъ, гдѣ они сидятъ большею частью въ ложахъ съ укрывающимися за нихъ женами; можно встрѣтить и на балахъ, и въ собраніяхъ, но они не кутятъ, какъ русскіе купцы, и не роскошествуютъ, какъ бары. Дома ихъ такіе-же, какъ у русскихъ; и первая пріемная комната убрана по-европейски; въ ней мягкая мебель, цвѣты, зеркала, бронзовыя канделябры; остальныя-же жилыя помѣщенія азіатскаго характера,—тамъ уже на низкихъ диванахъ сидятъ, поджавши подъ себя ноги, татарки и тамъ повсюду ковры, пуховики, подушки, кованные сундуки и стекляные шкафчики съ ярко раскрашенной фарфоровой посудой. Какъ кованный, расписанный цвѣтами, сундукъ, такъ равно само-

варъ и яркораскрашенная фарфоровая посуда,—это принадлежность всѣхъ татарскихъ жилищъ, даже и бѣдныхъ. Въ деревняхъ вы также увидите цвѣтную посуду и самоваръ, хвастливо выставленные на показъ, и также женщины по ихъ закону спрятаны отъ мужчинъ. Въ избѣ всегда изъ сѣней двѣ двери,—одна на мужскую, другая на женскую половину; и женщины, когда входитъ мужчина въ избу, прячутся за занавѣски, отдѣляющія мужскую половину отъ женской. Въ избахъ у нихъ лавки, нары, на нарахъ пуховики, постели, подушки; на полахъ-же кое-гдѣ циновки, на окнахъ бываютъ цвѣты; и окна всегда во дворъ, а въ большинствѣ случаевъ и самыя избы стоятъ во дворахъ, обнесенныхъ высокими заборами съ калитками и воротами. Планировки въ деревняхъ нѣтъ никакой; строятся, какъ попало безпорядочно; и деревни ихъ отличаются невозможной грязью, кривыми закоулками и множествомъ собакъ, бросающихся сотнями на проѣзжающихъ. Въ послѣднее время правительство стало заставлять ихъ строиться ровно съ избами на улицу, но и при этомъ татаринъ, согласно восточному обычаю, укрываетъ свое жилье, также какъ женщину, отъ посторонихъ глазъ, насадивши передъ окнами крыжовникъ и другіе густые кусты. Изба у него низенькая, но такая-же какъ русская, и раздѣлена сѣнями на двѣ части,—на грязную избу, гдѣ онъ работаетъ, и

на чистую, гдѣ онъ живетъ. И тамъ, и тамъ грязи достаточно; онъ вообще живетъ грязнѣе русскаго, но у него все на показъ,—и самоваръ, и зеркало, и всегда выбѣленная печь. Онъ считаетъ себя выше русскаго; и, несмотря на то, что вотъ уже болѣе трехсотъ лѣтъ живетъ съ русскимъ бокъ-о-бокъ, тѣмъ не менѣе не перенимаетъ отъ него ничего и продолжаетъ вести все ту-же свою восточную жизнь со всѣми ея особенностями.

Этому, конечно, способствуетъ болѣе всего его магометанская религія и тѣ правила жизни, которыя предписаны к о р а н о м ъ (закономъ) Магомета и которыя онъ твердитъ ребенкомъ буква въ букву въ продолженіи пяти и семи лѣтъ. Онъ твердитъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его". И онъ вѣритъ въ единаго Бога, не признавая даже изображенія Его; его учителя муллы (священники) и муззины (діаконы) говорятъ ему: „Коранъ переданъ съ неба архангеломъ Гавріиломъ высшему изъ всѣхъ пророковъ на землѣ — Магомету, Святыя слова корана предписываютъ вѣру въ Единаго Бога, вѣру въ Магомета, вѣру въ предопредѣленіе судьбы (х ы с м е т ъ); такъ какъ человѣкъ не произволенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; вѣру въ существованіе ангеловъ и сатаны, въ грѣхопаденіе, въ будущее воскресеніе мертвыхъ и въ страшный судъ. Чтобы явиться съ неомраченнымъ лицомъ на страшномъ судѣ,

правовѣрный долженъ молиться въ опредѣленное время, очистивши напередъ тѣло, то есть совершивъ омовеніе, должень также поститься, дѣлать пожертвованія и странствовать въ Мекку, гдѣ родился Магометъ".

И татаринъ свято исполняетъ ученіе корана; онъ молится самое меньшее три раза въ день, а не то и пять: передъ восходомъ солнца съ двѣнадцатью поклонами, въ полдень съ тридцатью, передъ заходомъ солнца опять съ двѣнадцатью, послѣ захода съ пятнадцатью и наконецъ вечеромъ или передъ ночью съ двадцатью девятью поклонами. Молитва (намазъ) для него обязательна, гдѣ-бы онъ не былъ; даже въ дорогѣ въ непогодь онъ останавливаетъ лошадь и среди поля или въ горахъ, въ лѣсу, подстилая подъ ноги коврикъ, творитъ намазъ. Въ мечетяхъ (церквахъ) татары рѣдко бываютъ; но когда муэзинъ или мулла съ минарета, то есть съ высокой башни, замѣняющей у нихъ колокольню, громко и на распѣвъ прокричитъ на всю окрестность: „Ля илъ Алла ве Мухаметъ ресюль-ласъ", что означаетъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ посланникъ Божій",—тогда татары бросаютъ все и сейчасъ-же предаются молитвѣ. Казанскіе богатые татары ѣздятъ на поклоненіе въ Мекку почти ежегодно. Женщины не имѣютъ права входить въ мечеть, а также и молиться публично; онѣ совершаютъ намазъ у себя въ комнатѣ и не

иначе, какъ со сложенными на груди руками, но никакъ не преклоняясь головою къ землѣ. Согласно также корану, татары охотно помогаютъ ближнимъ, говоря: „блаженъ тотъ, кто обмоетъ и накормитъ сироту“; и по корану они обязаны отдавать бѣднымъ десятую часть своего имущества. Вслѣдствіе этого-же закона они весьма гостепріимны, и всегда пріютятъ и накормятъ путешественника или чужестранца, всегда позаботятся о больномъ, а при словѣ Аллахъ-ючунь (Богаради) не устоитъ даже и отъявленный скупецъ. Старики разсказываютъ дѣтямъ, что самъ Богъ принимаетъ образъ человѣка и ходитъ по дворамъ, прося милостыню, чтобы испытать сердца, исповѣдующихъ коранъ. Но ни во что такъ сильно не вѣруетъ татаринъ, какъ въ хысметъ (предопредѣленіе—судьба). Онъ убѣжденъ, что всякое счастье и несчастье, какъ и вся жизнь начертаны Аллахомъ заранѣе до рожденія человѣка. Выѣзжаетъ-ли татаринъ изъ дома, и при вопросѣ,—когда возвратится,—у него одинъ отвѣтъ,—хысметъ знаетъ; спросите ли вы его,—будетъ-ли женой его такая-то,—онъ непремѣнно отвѣтитъ:—„хысметъ знаетъ“.

Въ школѣ учителя поясняютъ ему всѣ правила жизни, все до мелочей,—что надо ѣсть, что можно и чего нельзя пить. Они говорятъ, напримѣръ, что животное для пищи мусульманина должно быть убито непремѣнно мусульманиномъ-же; что убива-

ющій долженъ перерѣзать сначала пищепріемное горло животнаго, потомъ дыхательное, а затѣмъ артеріи, и что животное должно висѣть или стоять въ это время головою къ Меккѣ. Они говорятъ, что мусульмане не должны употреблять въ пищу—собакъ, кошекъ, свиней, мышей, крысъ и всѣхъ тѣхъ животныхъ, которые пили молоко отъ свиньи, или вино. Все умершее, все опьяняющее и одуряющее также сквернитъ душу мусульманина.

Такимъ образомъ коранъ даетъ не только правила религіи, но и всѣ правила жизни, самое главное изъ которыхъ,—это распространеніе магометанской религіи; то есть ислама. Коранъ проповѣдуетъ распространеніе ислама даже съ помощью меча и говоритъ, что войну должно вести противъ невѣрныхъ, не признающихъ власти мусульманъ, и противъ повинующихся, но не платящихъ дани.

И все это вошло какъ бы съ молокомъ матери въ кровь и плоть татарина черезъ школу, гдѣ онъ учится съ ранняго дѣтства, и гдѣ онъ даже живетъ въ продолженіи пяти, семи лѣтъ. Его тамъ учатъ читать, писать, арабскому языку, чтобы знать коранъ, бухарскому и персидскому языкамъ ради торговыхъ сношеній съ этими государствами: ему читаютъ разныя поясненія на коранъ, изданныя въ Казани на татарскомъ языкѣ и онъ помимо всего этого знакомится также въ школѣ съ кни-

гой „Наставленіе въ торговлѣ“. Тѣ-же изъ учениковъ, которые готовятся въ муллы, остаются въ школѣ дольше другихъ и потомъ для окончательнаго образованія отправляются въ Бухару а въ послѣднее время въ Египетъ.

По-русски татары говорятъ почти всѣ, но изъ татарокъ многіе не только не говорятъ, но и не понимаютъ ни слова: по своей замкнутой восточной жизни онѣ совсѣмъ не имѣютъ сношеній съ русскими. Ихъ также учатъ грамотѣ либо сами матери, либо жены муллъ: такъ какъ съ мужчинами, даже съ муллами, коранъ не дозволяетъ никакихъ общеній. И татарки скрываются отъ мужчинъ не только въ своихъ избахъ за занавѣсками, но и выходя на улицу, онѣ тщательно кутаются съ головы въ халаты, или-же въ особыя пестрыя, а не то и бѣлыя покрывала, называющіяся у нихъ чадрами. Жизнь татарокъ по восточному проходитъ въ совершенной праздности и чисто въ однихъ животныхъ наслажденіяхъ. Онѣ цѣлый день ѣдятъ, пьютъ чай; и то наряжаются, то мажутся. Загляните въ щелку за занавѣску, и вы непремѣнно увидите, какъ татарка ежеминутно вынимаетъ изъ кармана маленькій ящичекъ съ зеркальцемъ и съ разными косметиками. Смотрясь въ зеркальце, она хватаетъ то одинъ косметикъ, то другой; и то подкраситъ рѣсницы, то наведетъ сюрьмою брови, и наведетъ такъ, что онѣ точно пластыремъ покроются; то подмажется тамъ или

тутъ бѣлилами, которыя прилипнутъ къ лицу какими-то комками, то опять наложитъ слой румянъ; а не то зачернитъ бывшіе нѣкогда бѣлыя прекрасныя зубки черными орѣховымъ настоемъ; и сдѣлаетъ ихъ похожими на гнилые; или-же займется ногтями и ихъ начнетъ красить отваромъ изъ череды и квасцовъ. Во всемъ этомъ она усердствуетъ иной разъ до того, что даже и красивое личико дѣлается грубымъ и даже противнымъ. Ея костюмъ, дѣйствительно изящный и нарядный, идетъ къ ней, пока она молода, пока тѣло ея не отвисло, не ожирѣло отъ сидячей жизни, и пока она не ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ, какъ утка, а держится прямо и стройно. Тогда, маленькія ножки въ красныхъ туфелькахъ, вышитыхъ ею-же самой шелками и золотомъ, или-же въ вышитыхъ сафьянныхъ ботиночкахъ— и ч е г а х ъ, кокетливо выглядятъ изъ подъ длинной ситцевой или шелковой рубашки, окаймленной оборочками съ разными прикрасами. Тогда, при всякомъ ея движеніи, слышится шелестъ широкихъ шелковыхъ шальваръ, надѣтыхъ подъ рубашкой; а на дѣвственной груди блеститъ нагрудникъ, обшитый позументами и унизанный монетами. Гибкій станъ ея обрисовывается сперва камзоломъ - безрукавкой (зилянъ) изъ цвѣтной ситцевой или шолковой матеріи, поверхъ котораго надѣтъ еще камзолъ, но уже длинный, съ длинными съуживающимися къ концамъ рукавами,

и сшитый изъ болѣе тяжелой матеріи.—у бѣдныхъ изъ китайки, а у достаточныхъ изъ парчи; въ довершеніе-же всего весь этотъ шумъ и блескъ позументовъ, парчи и шолка покрывается распахивающимся иногда парчевымъ халатомъ, который накидывается или на плечи, или съ головы. Головы татарокъ тоже иной разъ можно видѣть открытыми или просвѣчивающими изъ подъ кисейныхъ вуалей; и головы ихъ повязаны узорчатыми по концамъ полотенцами, но большею частью на нихъ надѣты красивые шапочки колпачки, украшенные бахрамою и галунами, или-же шапочки съ соболью, а не то и какою другою мѣховою оторочкою. Весь такого рода блестящій нарядъ разукрашивается еще множествомъ отдѣльныхъ цѣнностей; такъ, въ косы вплетаются монеты, шея унизывается дорогими иногда ожерельями; на рукахъ браслеты, на каждомъ пальцѣ искрятся кольца съ каменьями, а черезъ лѣвое плечо перекинута, унизанная каменьями и монетами, перевязь, въ концѣ которой въ карманѣ хранится мелко-написанный коранъ.

Для того, чтобы покрасивѣе нарядить свою жену, каждый самый бѣдный татаринъ силится купить ей и шелкъ, и позументы, почему даже и деревенскихъ лапотницъ, носящихъ лапти и кожаныя опучи, вы зачастую можете видѣть въ яркихъ шолковыхъ камзолахъ и нагрудникахъ, обшитыхъ позументами. Татаринъ холитъ и ласкаетъ молодую жену, а она, пока молода, или

нѣжится на пуховикахъ, или вышиваетъ тюбетейки. ичети, а не то играетъ иной разъ съ дѣтьми, или-же ѣздитъ въ гости къ знакомымъ, гдѣ опять таки, также, какъ и у себя дома. ѣстъ, пьетъ чай и разговариваетъ о нарядахъ. Всѣ домашнія работы и по хозяйству справляютъ старухи и состарѣвшіяся жены. Жень у татаръ большею частью по двѣ, хотя по закону они могутъ имѣть до четырехъ, а невольницъ сколько угодно. И какъ-бы не прятались дѣвушки за занавѣски и подъ чадры, или халаты, но зоркій глазъ татарина замѣтитъ лукаво улыбающіеся глазки; и, если не на праздникѣ джуюнъ, на который собираются всѣ татары съ семьями, то гдѣ нибудь втихомолку онъ преступитъ законъ. Магомета и повидаетъ свою будущую невѣсту, тайное свиданіе съ которой устроитъ ему потомъ при сватовствѣ расторопная сваха. Сваха играетъ у татаръ весьма видную роль на свадьбахъ; она первая и по сговору, и по подаркамъ, и по ухаживанью за невѣстой, и по охраненію ея; она хлопочетъ какъ за жениха, такъ и за невѣсту. Послѣ того, какъ родители сговорятся въ колымѣ; то есть въ платѣ за невѣсту, которая бываетъ отъ десяти въ рублей до нѣсколькихъ тысячъ, сейчасъ-же изъ одной половины колыма дѣлается приданое, а другая половина удерживается родителями невѣсты на случай развода, когда мужъ скажетъ женѣ талыкъ (затылокъ),

и она должна будетъ безпрекословно уйдти изъ его дома. Это бываетъ нерѣдко, точно также, какъ и вторичная женитьба на бывшей женѣ, совершающаяся иногда и въ третій разъ. Все это дѣлается по закону и во всемъ участвуетъ одинъ мулла, творя молитву и выдавая разводное письмо.

За недѣлю до дня свадьбы начинаются пиры: и у невѣсты пируютъ разряженныя женщины, а у жениха мужчины. Невѣста на своихъ пирахъ не присутствуетъ, она сидитъ въ особой комнатѣ а въ день свадьбы, когда мулла опроситъ отца невѣсты о колымѣ и о согласіи, вступающихъ въ бракъ, и когда прочтетъ молитву, тогда невѣста запирается въ спальню, а женихъ становится у дверей ея. Гости пируютъ, какъ и въ предыдущіе дни: и первое блюдо на этомъ свадебномъ пиру главный свадебный подарокъ жениха—кадка меда и кадка топленаго масла. Татары намазываютъ и то, и другое на хлѣбъ, и, смакуя, ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ. Но тутъ на свадьбѣ всѣ ихъ любимыя блюда.—все мучнистое, жирное и сладкое. Тутъ и пироги съ разной начинкой, и жареная дичь, и непремѣнная баранина, и лапша, и пильмени, а у бѣдныхъ,—обыденная ежедневная болтушка изъ муки съ солью, лепешки изъ гречневой муки, с а з м а, то есть мучные шарики съ мясомъ, а также кошма, к а й м а к ъ,—это очень вкусныя вареныя сливки:

и у богатыхъ бываетъ на свадьбѣ блюдъ до двадцати; но, какъ богатые, такъ и бѣдные ѣдятъ всю ночь до утра; ѣдятъ медленно съ разговорами и затѣмъ начинаютъ всѣ откашливаться,—что означаетъ,—довольные гости благодарятъ хозяевъ и расходятся по домамъ.

Сваха въ это время впускаетъ жениха къ невѣстѣ, запираетъ ихъ на замокъ, и только по прошествіи четырехъ дней даетъ имъ свободу. Конечно, это дѣлается не всегда вполнѣ точно: угодливая сваха и впуститъ пораньше, и дастъ молодымъ во всемъ свободу,—что прямо зависитъ отъ ея расторопности и ловкости отвести посторонній любопытный надзоръ.

Свадебное такимъ образомъ веселье проходитъ въ скучныхъ однообразныхъ обжорствахъ изо дня въ день; въ немъ нѣтъ собственно никакого веселья; всѣ сидятъ по коврамъ на полу, поджавши ноги, и ѣдятъ. Веселятся татары только въ женскій праздникъ джуюнъ, о которомъ было уже упомянуто и который, какъ гласитъ преданіе, установленъ какимъ-то богатымъ татариномъ, желавшимъ выдать замужъ своихъ дочерей и поэтому устроившемъ въ полѣ всеобщее угощенье, въ которомъ принимали участіе и его дочери. Этотъ праздникъ, устраиваемый въ честь женщинъ, самый шумный; онъ бываетъ въ іюлѣ въ одну изъ пятницъ, и въ разныхъ мѣстахъ

Казанской губерніи существуетъ подъ разными названіями.

Въ полѣ разводятся костры, въ котлахъ варятъ пильмени, раскидываются палатки съ разными пряностями для утѣшенія женщинъ, разстилаются повсюду коврики и возлѣ нихъ дымятся самовары. Тутъ вы увидите и важно возсѣдающихъ муллъ въ бѣлыхъ чалмахъ, и потомковъ Магомета въ зеленыхъ чалмахъ: гдѣ либо въ сторонѣ стоятъ и русскіе, любопытствующіе посмотрѣть на татарское гуляньe; а въ кибиткахъ, въ таратайкахъ и въ тарантасахъ, неподалеку отъ пирествующихъ мужчинъ, сидятъ гурьбами скучившись и женщины, прячущіяся одна за другую и по привычкѣ укрывающіяся халатами. Но это ихъ праздникъ; и тутъ какъ-бы дозволяется нарушать законъ Магомета; многія открываются по временамъ, какъ-бы незамѣтно; и свахи пристально слѣдятъ за тѣмъ, какой парень на какую заглядывается и какая изъ красавицъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе. Парни при этомъ затѣваютъ разныя игры, чтобы показать свою удаль, скачки, бѣга, борьбу, а не то затянутъ пѣсни и пѣснями-же красавицы имъ отвѣчаютъ. Поютъ они, напримѣръ:

„Разсвѣтъ-ли, разсвѣтъ-ли теперь. Видитъ-ли кто нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ-ли кто-нибудь друга, какъ я жду ее? Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она.

сколько Іосифъ любилъ Зулейку, столько люблю я тебя".

А красавицы въ отвѣтъ поютъ что-нибудь въ родѣ этого:

„Твои наряды—оружіе, твоя пища фрукты, а моя одежда—любовь къ тебѣ, моя пища—мысль о тебѣ. О, Боже! Ты одинъ знаешь, какъ люблю я его!". Или—„Брови твои черньѣе ночи, ростъ твой красивѣе пальмы; подобные тебѣ рѣдко родятся на свѣтѣ". Мотивы этихъ пѣсенъ такіе-же, какъ у русскихъ, только нота за нотой переходятъ не плавно, а съ трелями и съ какимъ-то иной разъ дребезжаньемъ въ родѣ струны. Вы слышите звонкіе голоса, горловые восточные звуки, но звуки рѣзкіе, а не мягкіе, сильные, но не задушевные. Поютъ татары также и веселыя, и плясовыя пѣсни, а въ иномъ мѣстѣ, смотрите, и танцуютъ, что также запрещено Магометомъ. Танцуютъ они обыкновенно казачка, камаринскую подъ свою національную музыку к у р а й ч е й (музыкантовъ), играющихъ на самодѣльныхъ скрипкахъ: и танцуютъ уродливо, какъ-то прыгая да подскакивая, а поютъ плясовыя пѣсни большею частью русскія, и зачастую нѣсколько русскихъ пѣсенъ, какъ напримѣръ, камаринская, барыня и казакъ, составляютъ одну.

Есть у нихъ еще и другой народный праздникъ с а б а н ъ (такъ называется у татаръ соха или плугъ), установленный въ честь весны и на-

чала весенних работъ. Этотъ праздникъ далеко не такъ шумливъ, какъ предыдущій; но справляютъ его также на полѣ, также въ кибиткахъ сидятъ разряженныя женщины, а мужчины шествуютъ и предаются различнаго рода играмъ. Въ числѣ игръ есть одна довольно оригинальная и какъ-бы воинственная, заключающаяся въ томъ, что нѣсколько человѣкъ ложатся, плотно прижавшись другъ къ другу, животами на землю и покрываются кожею. Имъ въ руки дается веревка, къ которой привязана рука атамана, обязаннаго защищать ихъ отъ нападенія другой партіи нападающихъ. Нападающіе должны бить жгутами лежащихъ, но атаманъ въ свою очередь долженъ отражать эти удары и стараться ударить кого либо изъ нападающихъ. Онъ кидается по этому случаю во всѣ стороны, нерѣдко топчетъ своихъ; но когда ударитъ одного изъ противниковъ, тогда нападающіе бросаются на лежащихъ и бьютъ ихъ жгутами до тѣхъ поръ пока послѣдніе не встанутъ. Послѣ этого ложатся подъ кожу нападавшіе, а атаманомъ дѣлается тотъ изъ нихъ, кого при нападеніи ударили.

Кромѣ такой игры есть и еще игры, а также борьба, съ вознагражденіемъ побѣдившаго мелкою серебряною монетою; есть еще бѣгъ, скачки, на которыхъ перегнавшій получаетъ въ видѣ приза платокъ, или какую другую вещь. Однимъ словомъ, на этомъ народномъ праздникѣ, про-

должающемся цѣлую недѣлю, отъ пятницы до пятницы, хотя и происходитъ почти все тоже, что и на д ж у ю н ѣ; но джуюнъ, какъ мы уже замѣтили, шумнѣе, веселѣе всякаго другого праздника, такъ какъ на немъ видимо воодушевляетъ всѣхъ—праздникъ женскій, то есть необычное право женщинъ показывать себя.

Кромѣ двухъ народныхъ праздниковъ, есть еще у татаръ и два церковныхъ,—р а м а з а н ъ-б а й р а м ъ и к у р б а н ъ-б а й р а м ъ. Рамазанъ—это мѣсячный постъ, установленный въ память дарованія корана и оканчивающійся на 27 день, который проходитъ въ молитвѣ и въ раздачѣ милостыни. Ночь съ 26 на 27 день считается мусульманами самою торжественною, такъ какъ по преданію въ эту ночь данъ былъ корапъ и въ эту ночь, по ихъ вѣрованію, ангелы сходятъ на землю для исполненія божескихъ предопредѣленій. Весь постъ татары днемъ ничего не ѣдятъ и не пьютъ, такъ что, если постъ приходится лѣтомъ въ рабочію пору, то болѣе всѣхъ страдаетъ пахарь, который не можетъ въ знойный день ни утолить жажды глоткомъ воды, ни подкрѣпиться какой либо пищею. Зато каждую ночь этого поста татары наѣдаются и напиваются досыта. Проголодавшись за день, они ѣдятъ и пьютъ по ночамъ совсѣмъ по праздничному; и по городамъ наполняютъ всѣ трактиры и кофейни,

откуда постоянно слышится шумный говоръ, музыка, пѣсни и гамъ.

Другой церковный праздникъ Курбанъ также ознаменовывается обильной ѣдой, но онъ и есть праздникъ жертвоприношенія, когда каждый хозяинъ дома, кто бы онъ ни былъ, самъ закалываетъ корову или овцу, положивши животное непремѣнно головой къ Меккѣ. Всѣ точно также церковные обряды.—и родины, и похороны ознаменовываются только ѣдой. Родины справляются дважды: въ день, когда мулла совершитъ молитву, держа въ рукахъ ребенка, и даетъ ему имя, и по прошествіи трехъ или шести лѣтъ, когда совершается обрѣзаніе. Покойниковъ поминаютъ трижды: на третій или седьмой день, по прошествіи сорока дней и черезъ годъ. Поминки, кромѣ обѣдовъ, отличаются щедрой раздачей милостыни, за которую, по словамъ алкорана, каждому воздастся на небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ.

Изъ похоронныхъ татарскихъ обрядовъ интересны.—день смерти и погребеніе. Передъ смертью мулла или близкій родственникъ умирающаго читаетъ надъ нимъ изъ алкорана о воскресеніи мертвыхъ и окликаетъ его. Умирающій, если еще въ памяти, отвѣчаетъ на окликъ. „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его". Услышавъ отвѣтъ, чтецъ продолжаетъ чтеніе, но, спустя нѣкоторое время, онъ снова окликаетъ; и, если уми-

рающій опять произнесетъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его", то чтеніе продолжается; если же нѣтъ, то чтеніе прекращается, и покойника кладутъ на столъ, ногами къ Меккѣ. Женщины его обмываютъ и завертываютъ въ нѣсколько простынь; и, если онъ умеръ утромъ, то хоронятъ въ тотъ-же день вечеромъ; если-же умеръ вечеромъ, то хоронятъ на другой день утромъ. Тѣло покойника переносится въ это время со стола на лубокъ, и затѣмъ покойника весьма быстро несутъ на плечахъ на кладбище, останавливаясь для краткой молитвы у мечети (церкви), а на кладбищѣ опускаютъ въ вырытую заранѣе могилу, въ которой продѣлана съ боку нишь, куда и вкладываютъ покойника лицомъ къ Меккѣ. По понятіямъ татаръ ангелы тутъ-же совершаютъ памогильный судъ; и у праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго-же она выбирается съ трудомъ при конвульсіяхъ. Души падшихъ въ битвѣ воиновъ и до страшнаго суда живутъ въ раю, а всѣхъ остальныхъ правовѣрныхъ скитаются, какъ духи, надъ могилами. Женщины на похоронахъ не присутствуютъ; онѣ въ это время дома читаютъ молитвы и раздаютъ милостыню. Татарскія могилы имѣютъ весьма печальный видъ,—это или каменныя плиты, иногда стоймя стоящія, или столбы, а не то и просто деревянныя загородки. Над-

гробныя надписи содержать всегда текстъ изъ алкорана и имя покойника.

Такимъ образомъ, скажемъ въ заключеніе настоящаго краткаго очерка, что и по религіи, и по правиламъ жизни своей татаринъ совершенно отчужденъ отъ русскаго; и, какъ его историческое прошлое, когда онъ властвовалъ надъ русскимъ, о чемъ и до сихъ поръ онъ не забылъ, такъ и религіозная нетерпимость, въ силу которой онъ считаетъ русскаго не чистымъ, поселили въ немъ неизгладимую рознь, препятствующею, какъ сліянію съ русскимъ, такъ равно и его собственному развитію, при которомъ онъ могъ-бы отнестись къ русскому иначе. И, когда еще истинный свѣтъ проникнетъ въ его религіозныя воззрѣнія, когда европейская цивилизація омоетъ его отъ пагубныхъ предразсудковъ и укоренившихся правилъ корана,—это трудно рѣшить; такъ какъ прошло уже много столѣтій его жизни въ Европѣ среди христіанъ, а онъ и до сихъ поръ не признаетъ за грѣхъ убить христіанина, и до сихъ поръ смотритъ на русскаго, какъ на поганаго, единственно потому только, что русскій ѣстъ мясо свиньи, питающейся падалью. И тѣ татары, которые крещены (хотя такихъ немного), и тѣ все-таки держатся больше своего восточнаго и упорно сохраняютъ, какъ свой языкъ, такъ и многіе изъ своихъ обычаевъ. По внѣшности крещеные татары отличаются только тѣмъ, что не бреютъ

головъ, а отращиваютъ волосы и стригутъ ихъ въ кружокъ; костюмъ-же у нихъ остался все-таки свой національный, который носятъ и магометане татары. Несмотря также на то, что они христіане, но ни русскіе не женятся на ихъ женщинахъ, ни они на русскихъ, — обособленность и тутъ полная. Русскіе въ этой розни платятъ татарамъ той-же монетой, говоря: „У татарина, что у собаки—души нѣтъ: одинъ паръ“, или: „Перваго татарина свинья родила, отъ того они и не ѣдятъ ее“, а про ихъ прежнія доблести русскій сложилъ такую пословицу: „Нынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слыхать;“ надъ бывшимъ-же величіемъ и властвованіемъ ихъ подсмѣиваются такимъ образомъ: „Князь, а князь, возьми-ка тройчатки, пособи навозъ навалить“.

Конечно, русскій подсмѣивается и говоритъ о татаринѣ добродушно, кротко, но не таковъ въ своей непріязни къ русскому азіатъ-татаринъ...

ОБРУСѢВШІЕ И СМѢШАННЫЕ ИНОРОДЦЫ.

МОРДВА, МЕЩЕРЯКИ и ТЕПТЯРИ.

Когда-то была мордовская независимая земля имѣвшая своихъ князей,*) и когда-то была мещерская область, занимавшая довольно обширныя пространства на сѣверо-востокѣ Россіи. И та, и другая находились у Оки и Волги; но съ паденіемъ при Іоаннѣ Грозномъ царства Казанскаго, и мордва, и мещера, тѣсниные русскими, разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Многочисленное мордовское племя, доходящее теперь до 700.000 душъ и приписываемое учеными къ финскому племени, дѣлится и само еще по себѣ на нѣсколько разныхъ племенъ, главными изъ которыхъ считаются Мокша и Эрзя. Эти два племени не смѣшиваются между собою, и хотя жи-

*) Еще и теперь на монетахъ, украшающихъ мордовскія одежды, попадаются изображенія какой-то ихъ княжны Нарчатки.

вуть отдѣльными деревнями, но живуть совершенно одинаково, во всемъ другъ съ другомъ вполнѣ сходствуютъ, и только такъ разнятся по языку, что мокшанинъ часто не понимаетъ, что говоритъ эрзянинъ. У русскихъ вслѣдствіе этого и сложилась извѣстная поговорка: „У мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а шкура одна". Мордва живетъ теперь въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской и Астраханской; преимущественно же она разселилась по берегамъ рѣкъ: Оки, Волги, Суры, Цны и Мокши, а ядромъ ея населенія слѣдуетъ считать Пензенскую губернію. Мещеряки въ количествѣ около 150,000 душъ обрѣтаются въ губерніяхъ: Уфимской, Пермской, Пензенской и Саратовской, а нѣкогда они жили по правую сторону Волги и въ предѣлахъ царства Казанскаго; но съ паденіемъ царства бѣжали оттуда въ Башкирію. Вслѣдствіе этого одна ихъ часть совершенно обрусѣла, другая-же въ Башкиріи совершенно отатарилась.

Что однакоже считается совершеннымъ обрусѣніемъ инородцевъ, каковыми, по общимъ отзывамъ, признаются: мордва и мещеряки?..

Есть на Волгѣ мордовскія деревни, гдѣ мордва до того обрусѣла, что потеряла свой языкъ, нравы и обычаи; въ большей части Казанской губерніи она совершенно усвоила жизнь, нравы, обычаи и пѣсни русскихъ; есть однако, деревни,

гдѣ она и отатарилась, но есть и такія, гдѣ мордва овладѣла чуждою народностью,—такъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ по Волгѣ чуваши до того слились съ мордвою, что извѣстны уже теперь за чувашей только по преданію. Вообще-же мордвины настолько воспріимчивы и общительны, что нерѣдко можно встрѣтить мордвина, говорящаго на русскомъ, татарскомъ и чувашскомъ языкахъ,—онъ обучается имъ съ дѣтства, такъ шутя, среди игръ и обиходныхъ сношеній, живя съ этими народами по сосѣдству.

Деревни мордовскія большія, населенныя, избы у нихъ такія-же, какъ у русскихъ; одѣваются они также по-русски; по лицу и по сложенію опять таки, ни дать ни взять, тоже русскіе...

Но во всемъ этомъ, надо однако замѣтить, есть у нихъ нѣчто особое, на что мы и укажемъ въ настоящемъ очеркѣ.

Деревни мордовскія всегда можно отличить отъ русскихъ,—онѣ расположены неправильно, съ кривыми улицами и разными закоулками, какъ вообще у всѣхъ инородцевъ; ихъ русскія избы лицомъ обращены во дворъ, а на улицу выходятъ покатостью крыши; то-есть стоятъ бокомъ къ улицѣ и съ однимъ маленькимъ окномъ, которое у русскихъ прорубается во дворъ. Ихъ русскія одежды украшены по своему; ихъ опять таки пища таже, да не та; о религіи-же и говорить нечего, хотя они всѣ давно христіане.

Однимъ словомъ, они какъ-бы съ одного только боку совершенно обрусѣли; все же старое, свое мордовское и даже языческое держится еще довольно крѣпко, и въ дѣйствительности они не больше, какъ смѣшали все свое вмѣстѣ съ русскимъ.

Мордвинъ средняго роста, широкоплечъ, мускулистъ, руки и грудь весьма широкія, волосы по-преимуществу свѣтлорусые и рѣдко когда темные, глаза голубые или сѣрые; добродушное лицо выражаетъ здоровье и крѣпость; стрижется онъ по-русски въ кружало, подрѣзая волосы нѣсколько выше надъ лбомъ; говоритъ по-русски довольно твердо и внятно, но, когда вы всмотритесь въ его физіономію, то невольно замѣтите, что скулы у него нѣсколько выдались, а глаза чуть-чуть раскосы; когда-же вслушаетесь въ его говоръ, то ясно разслышите особое произношеніе нѣкоторыхъ словъ и непріятное для уха цыканье: мордвинъ никогда не скажетъ легче, а говоритъ легце, точно также —хоцешь, а не хочешь, цай, а не чай и т. п.

Русская бѣлая рубаха съ косымъ воротомъ заткана у мордвина по подолу, рукавамъ, воротнику и плечамъ пестрыми или красными узорчатыми каймами; на ногахъ-же у него лапти и ноги обернуты въ бѣлые суконные или шерстяные онучи, — вотъ и вся разница его костюма отъ русскаго. У женщинъ тоже русскій костюмъ и съ тѣмъ-же

отличіемъ вышивокъ; но ноги мордовокъ, какъ самая главная красота по ихъ мнѣнію, обматываются длинными хорошо выбѣленными холстинами, обматываются много разъ, чтобы казались прямыми и толстыми, какъ бревна; а,—чтобы щеголять этими бревнами, мордовки стараются поддергивать свои рубахи повыше спереди. И въ сказкахъ, и въ пѣсняхъ одно изъ видныхъ достоинствъ женщинъ заключается въ толстотѣ ногъ. „И красива была изъ себя,—говорится въ одной ихъ сказкѣ,—и работящая, и ноги толстыя, какъ бревна", а въ мордовской пѣснѣ красота воспѣвается такъ: „Бѣло ея тѣло, какъ облупленная липа, на ногахъ ея обувь, какъ скатанный льняной холстъ, а походка ея, какъ у дѣтища лучшей лошади". Но у женщинъ сохранился еще и ихъ прежній національный костюмъ, такъ что по праздникамъ во многихъ деревняхъ вы встрѣтите мордовокъ въ полномъ блескѣ ихъ собственнаго наряда. Мордовка идетъ по улицѣ бодрою походкою, держа голову прямо и высоко, не опуская глазъ; она ступаетъ сильною, ровною поступью; и все въ ея нарядѣ колышется, развѣвается, шумитъ, звенитъ... Голова ея, съ подстриженными въ видѣ бахромокъ волосами на вискахъ, вся искрится, блеститъ и пестрѣетъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, лентами, позументами, мишурными нитками, металлическими бляхами, пуговицами, раковинами, стеклярусомъ и всевозможнаго рода бисеромъ. Это

на ней платка, или сорока, которую русскіе называютъ „рогами“. И, дѣйствительно, высокая съ двумя рогообразными концами кичка, представляетъ собою нѣчто въ родѣ прямыхъ бычачьихъ роговъ. Она надвинута на лобъ и обтянута спереди бѣлымъ полотномъ, который расшитъ мишурой и унизанъ разными блестками, а сзади она покрываетъ темя и затылокъ ситцевой лопастью, подшитой по бокамъ кумачемъ и разукрашенной по краямъ вышивками, бисеромъ, бляхами, раковинами и стеклярусомъ. По лбу вокругъ кички, обхватывая уши и затылокъ, идетъ бисерный вѣнокъ, а отъ вѣнка болтаются надъ ушами длинныя мишурныя кисти съ гремящими раковинами и мѣдными пластинками: въ ушахъ-же длинныя оловянныя серьги съ стеклянными привѣсками. Но и этого мало,—блестки, вышивки, стеклярусъ, кисти, ожерелья и разныя привѣски идутъ больше по всему костюму. Сверхъ узорчатораспитой по подолу, груди и рукавамъ рубахи, спину и грудь покрываетъ бисерный съ разными украшеніями наплечникъ, а по верхъ наплечника на груди висятъ, прикрѣпленные ремнями къ шеѣ, разукрашенныя, длинныя, бѣлыя лопасти съ разными къ нимъ привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ; а сверхъ еще и этого шею обхватываетъ, шириною вершка въ полтора, тесьма изъ холста, унизанная опять-таки бисеромъ, стеклярусомъ и окаймленная мѣдными цѣпочками съ привѣсками

на нихъ старинныхъмонеть, крестиковъ, металлическихъ пластинокъ, раковинъ и даже медвѣжьихъ когтей. Шерстяной поясъ, которымъ низко, подъ животомъ, опоясывается рубаха, также съ кистями и съ стеклярусомъ. По бедрамъ опять-таки висятъ кисти съ кольцами и бляхами. Подъ животомъ еще есть красный кушакъ, и за этотъ послѣдній заткнуты расшитыя полотенца, которыхъ у истыхъ щеголихъ бываетъ не менѣе двѣнадцати. Казалось-бы, что тутъ уже все, весь комплектъ украшеній; но нѣтъ; мордовки и бѣлыя ноги свои, подобныя бревнамъ и обутыя въ лапти, перевиваютъ крестообразно полосатыми кушаками, выткапными изъ разноцвѣтной шерсти. И щеголихи рѣдко когда покрываютъ такого рода блестящій и пестрый уборъ верхнимъ платьемъ, которое, впрочемъ, въ видѣ бѣлаго холщеваго кафтана также обшито все по краямъ подола и рукавовъ сплошными рядами красной бумаги, цвѣтныхъ шолковыхъ лентъ, позумента и съ широкой вырѣзкой на груди, выставляетъ на показъ блестки и узоры грудныхъ украшеній.

Такая пестрая расписная краля — мордовка дорожитъ этимъ старинпымъ нарядомъ и сохраняетъ его также, какъ и нѣкоторые старые свои обычаи и прежній порядокъ своей жизни. Изба у мордовки курная; и убрана она хотя также, какъ у русскихъ,—въ ней лавки, столы, та-же посуда; но въ избѣ опять-таки такая-же грязь и такой-же

удушливый воздухъ, какъ и во всѣхъ инородческихъ жилищахъ, гдѣ вмѣстѣ съ людьми помѣщаются обыкновенно: куры, гуси, овцы съ ягнятами, свиньи съ поросятами, а подчасъ и корова съ телешкомъ. Семья-же мордовская доходитъ иной разъ человѣкъ до двадцати; такъ какъ они живутъ дружно, не дѣлятся; и только у каждой изъ снохъ своя клѣть и свои амбарушки, отчего и всѣ дворы мордовскіе загромождены различнаго рода пристройками. Вдятъ мордвины много, они любятъ поѣсть; и, какъ говорится въ ихъ сказкахъ, пѣсняхъ и преданіяхъ, они и Мордовскую свою землю проѣли. Такъ въ пѣснѣ про „Мурзу“ поется:

„Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ моляна судили, рядили:
Что намъ мурзѣ въ даръ дать,
Что московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взяли,
Блюда могучія поклали,
Съ молодыми ребятами послали...
Молодые ребята, пріуставши сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли,—
Говорятъ: «старики не узнаютъ!»
Земли и желтаго песку въ блюда поклали,
Наклавши пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песокъ честно принимаетъ,*)
Крестится, Бога благословляетъ:
«Слава Тебѣ, Боже Царю!
Что отдалъ въ мои руки Мордовску землю».

*) Это считалось у Мордвы знакомъ покорности и подчиненія.

Мордва.

Въ одномъ изъ преданій опять-таки говорится что праотцы мордвы жили прежде въ мѣстахъ дикихъ и скудныхъ, и захотѣла мордва найти лучшую землю. Князь повелъ ихъ въ такого рода землю, но на пути передъ переходомъ черезъ море, онъ сдѣлалъ отдыхъ и велѣлъ сварить много каши. На другой день князь съ приближешыми перешелъ черезъ море, которое передъ шимъ разступилось, а остальные, жадно доѣдавшія кашу, такъ и остались изъ-за каши жить на прежнемъ мѣстѣ.

И теперь изъ-за каши и вкусной ѣды, они проѣдаютъ иной разъ свои заработки. Такъ, случается напримѣръ, что мордвинъ наймется въ извозъ за высокую цѣну; но, добравшись до хорошаго постоялаго двора, онъ на кашѣ, на медѣ, на бѣломъ хлѣбѣ да на лепцахъ проѣстъ весь дневной заработокъ; и какъ потомъ, выѣзжая со двора, не кается и не охаетъ, тѣмъ не менѣе на слѣдующемъ дворѣ повторяется тоже, и такимъ образомъ вся высокая провозная плата проѣдается безслѣдно. Дома-же у себя онъ также любитъ поѣсть вплотную; онъ ѣстъ хорошо пропеченный и мягкій ржаной хлѣбъ, русскія щи, блины изъ гречневой муки, пирогъ ржаной съ начинкою, маленькій трехугольный пирогъ съ начинкою изъ молочной каши; а въ праздникъ пшенную кашу съ говядиной, курицей и яйцами, любитъ онъ и зайца, но болѣе другихъ любимая

его ѣда,—это гречневая каша и медъ. Изъ напитковъ, кромѣ кислаго кваса и меда, самымъ вкуснымъ считается медовая брага, отъ которой у русскаго отнимаются ноги и болитъ голова, а мордвинъ пьетъ ее цѣлыми ковшами и дѣлается только веселъ. Вообще напивается мордвинъ до одурѣнія, какъ обыкновенно инородцы, весьма рѣдко; напротивъ, онъ пьетъ большею частію съ толкомъ, съ разсчетомъ,—съ субботы, напримѣръ, на воскресенье, чтобы къ рабочему дню въ понедѣльникъ быть вполнѣ трезвымъ и бодрымъ. Онъ хорошій земледѣлецъ, отличный и неутомимый пчеловодъ, весьма искусный плотникъ; и одинъ изъ военныхъ офицеровъ, командовавшій саперами, говоритъ, что мордвинъ незамѣнимъ по смѣтливости и своимъ дѣйствіямъ въ саперныхъ работахъ, а царь Іоаннъ Грозный, идя на Казань, употреблялъ мордву и чувашъ на сооруженіе мостовъ, гатей и прокладыванья дорогъ. Какъ исконный житель лѣсовъ, онъ ловкій также охотникъ; съ собакою, съ ружьемъ и съ тенетами онъ ходитъ цѣлой разъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу или по берегамъ рѣкъ и озеръ, отыскивая зайцевъ, волковъ, лисицъ и всякую другую дичь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ тотъ-же лѣсной инородецъ, съ тою-же страстью къ лѣсной охотѣ и съ тѣми-же вѣрованіями въ лѣсныхъ злыхъ боговъ—Кереметей, какъ и всѣ его собратья,—чуваши, черемисы, вотяки. Правда, онъ

твердо и неуклонно исполняетъ всѣ христіанскіе обряды и правила нашей церкви, но исполняетъ согласно своимъ прежнимъ языческимъ вѣрованіямъ. Онъ молится теперь Св. Николаю Чудотворцу, и молится такъ: „Благослови насъ, Никола—пасъ (пасъ—это Богъ), множиться, уроди хлѣба, были-бы большія копны, умножь скоть, дай семьѣ жить легко, здорово". А прежде къ своимъ языческимъ богамъ онъ обращался съ такой молитвой: „Истинный пасъ! Высокій пасъ! дай намъ хлѣбъ насущный, дай все, что я прошу у тебя! дай лошадку, чтобы могла соху возить, дай ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, дай побольѣ дѣтей, и паче всего хлѣба дай!" И какъ прежде онъ вмѣстѣ съ молитвой приносилъ пасу и всѣмъ своимъ богамъ разныя жертвы, въ видѣ каши, браги, гусей, приподымая на рукахъ эти жертвы къ небу и говоря: „Чамъ-Пасъ (верховный добрый богъ), гляди бери! Мастырь-Пасъ (Кереметь, или злой богъ), гляди, бери!.. Анге-Патяй (богиня жизни, охраняющая человѣка), гляди, бери! — такъ равно и теперь въ день Св. Николая Чудотворца (6 декабря), мордвинъ собираетъ всю семью, зажигаетъ передъ иконой свѣчку и, кланяясь иконѣ съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ, говоритъ: „Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши, сколько крупинокъ, столько подай добра;—солоница соли, рыбья голова, брага и вино: все на

твое имя варили и жарили, больше отъ усердія съ чистымъ сердцемъ, кланяемся тебѣ!“ Обращаясь къ Пресвятой Богородицѣ, онъ произноситъ: „Анге-Патяй, Матерь Пресвятая Богородица, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ“; въ день Василія Великаго, совпадающаго съ днемъ празднества одного изъ языческихъ боговъ—Таупсяго, онъ молится Святителю такимъ образомъ: „Велькй Васяй Таупсяй, давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какихъ самъ любишь“.

Моляны свои, то есть молитвы съ жертвоприношеніями, мордвины совершаютъ почти во всѣ русскіе праздники. Въ четвергъ на Пасху выходятъ на гумна съ блинами, яйцами, мясомъ, брагой и водкой, молясь о плодородіи, и подбрасываютъ при этомъ повыше яйца, чтобы показать—какой-бы высоты они желали своимъ хлѣбамъ. Передъ Троицей варятъ брагу, а въ самый праздникъ рѣжутъ за селомъ быка или овцу; на Петровъ-же день сходятся въ какомъ либо мѣстѣ съ горшками каши, и молятъ „тихаго дождя, теплаго воздуха, хлѣба рожденія, скота умноженія“. Въ іюнѣ мѣсяцѣ молятся о здоровьи лошадей и закалываютъ козла, а лошадей перегоняютъ черезъ ровъ, въ которомъ зажигается костеръ; 15 сентября сходятся у завѣтныхъ деревьевъ, ставятъ бочку браги съ прилѣпленными къ ней восковыми свѣчами и произносятъ благодарственную молитву за благополучное окончаніе полевыхъ работъ. Въ Дмитров-

скую-то субботу у нихъ языческій праздникъ „Кереметь“, когда среди деревни ставятъ на столбѣ икону, зажигаютъ передъ нею свѣчи, и, моля Бога о всякихъ милостяхъ, поминаютъ усопшихъ и тутъ-же съѣдаютъ сваренаго наканунѣ гуся, запивая его, сваренной также наканунѣ, медовой брагой.

Помимо такихъ какъ-бы обрусѣвшихъ моленій, мордва сохранила еще и множество другихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, которые сопровождаютъ у нихъ всякаго рода случаи въ жизни. Такъ, родился ребенокъ, и, кромѣ христіанскаго имени, даютъ ему еще свое мордовское. Оно большею частью бываетъ или птичіе,—скворецъ, дятелъ, гусь; или-же дается по тому мѣсту, гдѣ въ это время находится отецъ новорожденнаго; то есть овинъ, огородъ, базаръ, гумно и т. п. Болѣе всего языческими обрядами изобилуютъ свадьбы, но самымъ главнымъ образомъ похороны и поминки. Свадьбы у нихъ бываютъ,—самохотки или самукрутки; то есть кража невѣсты, а потомъ вѣнчаніе въ церкви; затѣмъ покупка невѣсты; то есть колымъ, или плата извѣстной суммы за невѣсту,—и свадьбы, какъ тѣ, такъ и другія, сопровождаются разнаго рода обрядами. Преимущественно эти обряды заключаются въ слѣдующемъ. Засватанная невѣста должна жить въ домѣ отца своего годъ или болѣе, а женихъ долженъ из-

дить къ ней каждую недѣлю, или каждый мѣсяцъ, и каждый разъ привозить разные продукты но главнымъ образомъ худь меду. За три дня до свадьбы невѣста принимается плакать; и есть такіе, что умѣютъ плакать съ утра до вечера. Въ это время, когда она усердно плачетъ, поѣзжане приготовляютъ съѣстные припасы къ свадебному торжеству, а наканунѣ свадьбы они ѣдутъ къ невѣстѣ, но не входятъ въ ея домъ, а ночуютъ лѣтомъ у околицы, зимою-же въ какой нибудь наятой ими избѣ. Переночевавши, они рано утромъ стучатся въ избу невѣсты, зная, что тамъ широко передъ ними раскроютъ двери, и что невѣста въ ожиданіи ихъ сидитъ уже по обряду подъ краснымъ платкомъ, а ихъ ждетъ першественный столъ, уставленный разными вкусными яствами и хмельной медовой брагой.

И пока до церкви, а свадебный пиръ ужъ начался,—ѣдятъ во всю, пьютъ всласть, шумъ и говоръ не умолкаютъ,—но, какъ только невѣста уйдетъ въ сѣни, чтобы еще разъ поплакать и проститься съ подругами, и какъ только она снова появится, ее тотчасъ-же хватаютъ, выводятъ изъ избы, сажаютъ въ телѣгу и везутъ въ церковь. Въ воротахъ избы поѣздъ остановитъ дружко,—онъ долженъ съ хлѣбомъ, ножемъ и кнутомъ обойти три раза дворъ, долженъ повсюду начертить ножемъ кресты и отмахнуть кнутомъ злую силу. Иной разъ для охраненія невѣсты онъ

стоитъ съ кнутомъ и въ церкви. Послѣ вѣнца новое зрѣлище: невѣсту ведутъ къ рѣкѣ, гдѣ она, поднявъ руки кверху, кланяется водѣ, а, окружающіе, бросая кусочки хлѣба въ рѣку, становятся на колѣни и, обращаясь къ сѣверу, кладутъ трижды земные поклоны. Тутъ-же изъ дома жениха приносятъ ушатъ, наливаютъ его водой, а затѣмъ плящутъ вкругъ ушата и наконецъ везутъ невѣсту въ домъ жениха. Тамъ, снимаютъ невѣстину телѣгу съ передковъ, осыпаютъ ее хмѣлемъ, а родные, встрѣтивъ молодыхъ съ хлѣбомъ солью, вводятъ ихъ въ избу, усаживаютъ за пиршественный столъ въ передній уголъ и начинается второе свадебное пиршество. По этимъ свадебный обрядъ все еще не кончается, и на другой день молодыхъ выводятъ на дворъ, обводятъ ихъ съ пѣснями и плясками три раза вокругъ двухъ наполненныхъ водою ведеръ; а затѣмъ молодая вноситъ эти ведра на коромыслѣ въ избу, а тамъ дружко, или какая либо почтенная старуха ударяетъ ее караваемъ хлѣба по головѣ, говоря: „да будешь ты мазай“,—что обозначаетъ домашнее имя молодой; или „да будешь ты тезяй“,—а не то тетяй,—такихъ имешъ много, и ими косвенно обозначаются нравственныя качества молодой.

Понятно, что въ свадебные дни, какъ и вездѣ, поютъ, шумятъ, плящутъ, но, встрѣтивъ въ мордовской избѣ пиршество, а также пѣніе и пляску,

нельзя еще быть увѣреннымъ, что это свадьба или празднество, такъ какъ съ пѣніемъ и даже пляской они справляютъ и поминки. Поминки далеко не представляютъ у нихъ какого либо особопечальнаго зрѣлища. Мордвины вполнѣ вѣруютъ въ загробную жизнь. Они обряжаютъ покойника въ лучшую одежду съ ногъ до головы, надѣвая на него даже и шапку, чтобы не зазябла голова, кладутъ ему въ гробъ, что, впрочемъ, дѣлаютъ и всѣ инородцы, разные припасы, прорѣзаютъ шилъ разъ въ гробу отверстіе или окошечки, чтобы покойнику было свѣтло и недушно, чтобы онъ могъ черезъ эти окошечки имѣть сношеніе съ живыми, и наконецъ даютъ ему деньги, приговаривая: „вотъ тебѣ деньги, чтобы на томъ свѣтѣ отъ смерти откупиться, по базарамъ ходить, все нужное купить и знакомыхъ не забывать, а вмѣстѣ съ ними тамъ пить и гулять“, и чтобы было чѣмъ заплатить за перевозъ черезъ рѣку, которую придется переѣзжать по пути въ рай. Они на могилѣ пьютъ, ѣдятъ, утѣшаются съ покойникомъ, но самый интересный поминальный обрядъ совершается у нихъ на сороковой день. Тутъ разыгрывается цѣлая комедія въ лицахъ. Сперва кланяются на дворѣ приносимому въ жертву быку и закалываютъ его, а потомъ идутъ въ избу, и одни готовятъ изъ быка обѣдъ ожидаемому дорогому гостю, а другіе приготовляютъ самого гостя. Для этой цѣли берется одежда, оставшаяся отъ

умершаго, и раскладывается на лавкѣ въ такомъ видѣ, чтобы напоминала человѣческую фигуру. Вставивъ въ эту фигуру зажженную восковую свѣчку, преклоняются передъ фигурой, плачутъ и тутъ-же окружаютъ ее разными яствами и питьемъ, и тутъ-же сами все это ѣдятъ, пьютъ; послѣ чего просятъ всѣхъ сходить и за самимъ покойникомъ. Тогда съ плачемъ и воплемъ идутъ на могилу, а тамъ уже съ утра сидитъ спрятавшись мордвинъ, охочій изображать умершаго, и, какъ только начнутъ вызывать умершаго, спрятавшійся является. Съ шумомъ и крикомъ его встрѣчаютъ, одѣваютъ въ принесенную одежду умершаго, а затѣмъ подъ руки ведутъ въ деревню и съ почетомъ усаживаютъ въ избѣ въ передній уголъ. Тутъ его угощаютъ и онъ всѣхъ угощаетъ, какъ-бы самъ хозяинъ; и каждый кланяется ему, становясь на одно колѣно и упираясь рукой въ землю, и каждый разспрашиваетъ его о житьѣ-бытьѣ на томъ свѣтѣ.

— Цто мой братъ Скворецъ подѣлываетъ?— спрашиваетъ хозяинъ дома.

— Плотницаетъ...—отвѣчаетъ живой мертвецъ.

— А сноха тетяй, цѣмъ занимается?—справляется хозяйка дома.

— Кашу ѣстъ и брагой запиваетъ...—слѣдуетъ отвѣтъ.

И всѣмъ живой мертвецъ отвѣчаетъ,—кому что,—а вашъ промотался, а вашъ пьянствуетъ.

а Гусь разводитъ пчелъ, а Утка вышиваетъ бисеромъ и т. п.

Послѣ такихъ разспросовъ, наступаютъ проводы загробнаго жителя,—зажигаютъ свѣчу, и женщины, становясь передъ ней въ рядъ, плачутъ, иныя-же въ знакъ скорби царапаютъ себѣ лицо; провожаютъ покойника съ пожеланіями всякихъ благъ, а, придя на могилу, быстро его раздѣваютъ, и онъ, смѣшиваясь со всѣми, принимается за принесенныя на могилу яства и питье. Прощаясь-же съ покойникомъ на могилѣ, ему говорятъ: „Теперь ужъ болѣе къ намъ не ходи; твой пиръ конченъ! Ступай, живи въ своемъ мѣстѣ, но, когда придетъ праздникъ, опять милости просимъ,—ну. прощай!“ И съ этими словами всѣ опрометью бѣгутъ домой; и въ дверяхъ избы толкаются, опережаютъ другъ друга, такъ какъ въ силу извѣстнаго суевѣрія,—кто раньше войдетъ въ избу, тотъ и жить будетъ дольше. Суевѣрны-же мордвины, какъ рѣдко кто изъ инородцевъ.—повѣріямъ и примѣтамъ у нихъ нѣтъ конца, а къ ворожеямъ-мордовкамъ даже русскіе ѣздятъ за десятки верстъ. Онѣ гадаютъ на пивѣ. на водкѣ. а лѣчатъ знахарки также, какъ и многія русскія,—лихорадку—кожей летучей мыши, или ужа; часотку—сѣрой съ кислой сметаной, а не то прибѣгаютъ къ разнымъ умываніямъ и травамъ.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что мор-

двины давно христіане,—ихъ обращалъ въ христіанство еще патріархъ Никонъ, происходившій также отъ обрусѣвшаго мордвина; но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ они сохранили свои стародавніе языческіе обряды, смѣшавъ или слившихъ ихъ вмѣстѣ съ христіанскими, и до сихъ поръ они живутъ какъ по своему, такъ равно и по-русски. Даже въ играхъ, въ забавахъ; и тутъ все у нихъ смѣшано: зимою они также, какъ русскіе устраиваютъ посидѣлки, на которыхъ дѣвушки прядутъ ленъ, а парни играютъ на балалайкахъ или гармоніяхъ и пляшутъ; на святкахъ наряжаются, гадаютъ, а въ день Богоявленія, чтобы шайтанъ не смѣлъ трогать ихъ лошадей, они всѣ катаются, ѣздятъ въ скачь по всей деревнѣ изъ утла въ уголъ, такъ что въ этотъ день трудно даже проѣхать по ихъ селу,—отчего и сложилась у русскихъ поговорка: „разъѣздился, какъ Мордва на Богоявленье“.

Болѣе, чѣмъ Мордва, слились съ русскими—мещеряки. Эти послѣдніе въ Пензенской, напримѣръ, губерніи совсѣмъ утратили свой языкъ и говорятъ только по-русски, а въ Рязанской въ Спасскомъ уѣздѣ утратили все, и только называютъ себя мещеряками. Но, несмотря однако и на такое обрусѣніе, они во многомъ также сохранили свои старинные обычаи, обряды и суевѣрія; главнымъ-же образомъ, это, конечно, при свадьбахъ и похоронахъ. При свадьбахъ у нихъ

бываетъ много пиршествъ, но самыя важныя.— это запой, пиръ и затѣмъ отпиръ. Видную роль на свадьбахъ играетъ не сваха, какъ у русскихъ, а схожатый. „Дѣло начинается съ того, что отецъ жениха, угостивши отца невѣсты и родственниковъ, беретъ благословеніе на сватовство у священника и посылаетъ въ домъ невѣсты схожатаго. Этотъ, послѣ извѣстнаго угощенья, приступаетъ къ дѣлу такимъ образомъ:

— Я къ вамъ пришелъ, дядюшка и тетушка! Я купецъ, у васъ, слышалъ я, есть товаръ.

— Есть, родимый, да дорогъ...— отвѣчаетъ мать невѣсты.

— Намъ такого и нужно: мы люди не простые,— отвѣчаетъ въ свою очередь схожатый.

И тутъ, съ намековъ и обиняковъ, дѣло переходитъ на простой торгъ или уговоръ, при которомъ мать невѣсты выговариваетъ столько-то или столько десятковъ рублей платы за невѣсту, да полушубокъ, да зипунъ, да опучи и лапти, и наконецъ одно или два ведра водки для угощенья гостей на столъ и одно или два ведра для дома невѣсты подъ столъ. Послѣ этого схожатый приходитъ съ отцомъ жениха для рукобитья; и тутъ идетъ разговоръ о приданомъ, и, когда отецъ жениха обращается къ отцу невѣсты, то этотъ послѣдній, указывая на мать невѣсты, заявляетъ постоянно: „вонъ съ ней говорите; это не нашъ, а ея товаръ“. Послѣ

рукобитья черезъ нѣсколько дней слѣдуетъ пиршество запой, на которое приглашаются всѣ родственники и знакомые и на которомъ не присутствуютъ только ни женихъ, ни невѣста. Наканунѣ свадьбы уплачиваются деньги (калымъ) за невѣсту и снова совершается пиршество; въ день-же свадьбы жениха сажаютъ въ сани или телѣгу, а дружко обходитъ съ иконой три раза поѣздъ, приговаривая: „кто съ нами, тотъ садись въ сани, а кто не съ нами, тотъ поди прочь". Послѣ этого съ разными церемоніями отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ, угостившись, выводятъ на дворъ и жениха, и невѣсту, разсаживаютъ ихъ на разныя телѣги или сани, и дружко опять съ иконой обходитъ три раза поѣздъ. Женихъ и невѣста, а также и всѣ гости разряжены въ свои особые костюмы, нѣсколько отличающіеся отъ русскихъ. У всѣхъ шапки съ плисовымъ верхомъ о четырехъ углахъ; у всѣхъ бѣлыя русскія рубахи, обшитыя красными оподольниками и съ вышитымъ красной шерстью косымъ воротами, поверхъ-же рубахъ черные шерстяные зипуны, а поверхъ зипуновъ полушубки и тулупы; ноги-же въ лаптяхъ и обернуты въ бѣлые шерстяные онучи. Невѣста и ея подруги въ длинныхъ бѣлыхъ-же рубахахъ съ вышитымъ, попреимуществу красными шерстями, воротомъ, и низко подпоясанныхъ поясомъ съ кистями на концахъ; кромѣ того, онѣ въ бѣлыхъ сукопныхъ

кафтанахъ, называющихся чуприпами, которые ниже колѣнъ и обшиты по подолу и поламъ зелеными и красными суконными лентами; на головахъ-же у нихъ ситцевые платки, а на ногахъ бѣлые онучи и лапти, и кромѣ того колѣни, оголенныя высоко поддернутой рубахой, покрыты особыми черными онучами, называемыми повилами.

По выходѣ изъ церкви, невѣсту уводятъ въ церковную караулку, гдѣ дѣвическій костюмъ замѣняется костюмомъ замужней женщины, вся разница котораго въ одномъ головномъ уборѣ,— вмѣсто дѣвическаго платка надѣвается кичка въ родѣ мордовской съ рогами, покрытая бѣлымъ холщевымъ платкомъ.

При обратномъ пріѣздѣ въ домъ невѣсты, у воротъ стрѣляютъ изъ ружей для предохраненія молодыхъ отъ злой силы, или отъ порчи, обсыпаютъ молодыхъ хмѣлемъ и по разостланному холсту вводятъ въ избу. За столомъ женихъ сидитъ въ шапкѣ, а невѣста покрыта платкомъ, пока дружко не обойдетъ ихъ три раза, стуча каждый разъ головой жениха о голову невѣсты и приговаривая при этомъ: „сколько у меня пенечковъ, столько за вами сыночковъ, сколько въ лѣсу кочекъ, столько-бы у васъ дочекъ“.

На другой день пиръ у жениха; и пиръ продолжается два дня, а черезъ недѣлю пиръ у отца невѣсты, называющійся отпиръ. На всѣхъ пирахъ они угощаются также аппетитно, какъ и

мордвины, пирогами, блинами, поросятами, и также, конечно, водкой и въ изобилiи хлѣбной брагой. Но на этихъ пирахъ, какъ и при всѣхъ описанныхъ нами свадебныхъ обрядахъ, нѣтъ тѣхъ языческихъ обрядовъ, какъ поклоненiе водѣ, пляски вокругъ ушата и ведеръ, что мы видѣли у мордвы, и вмѣсто кнута и ножа, чертящаго кресты, является одна икона. Такое-же самое отсутствiе язычества мы замѣчаемъ и во всемъ остальномъ, даже и при похоронахъ, когда мужчины идутъ за гробомъ, повязанные бѣлыми платками, а женщины не много поодаль съ плачемъ и причитанiями; и, когда въ сороковой день, вмѣсто комедiи, разыгрываемой мордвинами съ живымъ покойникомъ, приглашается священникъ, служится панихида; и поминки ограничиваются тѣмъ, что на могилу приносятъ блины, пироги, брагу, яйца; и, съѣдая все это, кусочки откладываютъ для покойника въ ямку.

Вообще мещеряки далеки уже отъ всего языческаго, они религiозны, хотя суевѣрiй у нихъ много и русскихъ, и своихъ. Они вѣрятъ, напримѣръ, если ребенокъ родился въ началѣ мѣсяца, то будетъ долго жить, а въ концѣ—скоро умретъ, они радуются рожденiю мальчика, и при его рожденiи устраиваютъ пиръ; они выбираютъ въ кумовья тѣхъ, крестники которыхъ долго живутъ и т. п. Но все-таки и въ этомъ послѣднемъ, они больше сходятся съ русскими, чѣмъ мордва.

По смѣтливости и работѣ они не уступаютъ мордвѣ, но также грязно живутъ, въ такихъ-же избахъ со множествомъ пристроекъ, въ такихъ-же деревняхъ; и занимаются земледѣліемъ, а у пензенскихъ мещеряковъ есть и свой особый промыселъ,—битье коноплянаго масла.

Отатарившіеся мещеряки еще болѣе отатарились, чѣмъ обрусѣвшіе обрусѣли; и у отатарившихся нѣтъ и признаковъ чего либо своего мещерякскаго. Они живутъ въ деревняхъ въ хорошо устроенныхъ домахъ по русскій образецъ; одѣваются точь въ точь какъ татары,—въ тѣ-же бешметы, азямы, халаты; носятъ на головахъ тѣ-же шитыя тюбетейки, или мерлушковыя шапки, а женщины рубашки съ оборками, нагрудники изъ серебряныхъ монетъ и также опять-таки бешметы и халаты. Всѣ они точно также ревностно исповѣдуютъ магометанскую религію, строго исполняютъ всѣ законы Магомета; но только женщины у нихъ живутъ несравненно свободнѣе, чѣмъ у татаръ: и въ хороводахъ, и въ играхъ дѣвушки зачастую участвуютъ вмѣстѣ съ парнями. Занимаются отатарившіеся мещеряки хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и въ работѣ несравненно выше своихъ собратьевъ татаръ. Впрочемъ, ниже татаръ только и могутъ быть, что тептяри,—этотъ, такъ сказать, смѣшанный народъ; то есть помѣсь татаръ съ чувашами, черемисами и вотяками. Они живутъ въ Вятской,

Пермской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ и всѣхъ ихъ, также какъ и мещеряковъ, до полутороста тысячъ. Они дѣлятся на тептярей-магометанъ и тептярей-язычниковъ, рѣзко разнясь одни отъ другихъ. Ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ, ни въ самой жизни и дѣятельности они ни въ чемъ не сходствуютъ между собой; только и есть у нихъ одно общее, что кличка—тептяри. Тептяри-магометане по внѣшнему виду болѣе походятъ на татаръ, тептяри-язычники болѣе на вотяковъ. Первые довольно плотно сложены, лица длинныя съ узкими плутоватыми глазами; и по праву они невѣроятно лѣнивы, злы и очень мстительны; язычники-же небольшаго роста, худого сложенія, у нихъ маленькіе красноватые глаза, тоненькій голосокъ, рыжеватые волосы, клинообразная рѣденькая бородка, и они кротки, смирны, трудолюбивы; и въ то время, какъ магометане извѣстны мошенничествомъ, воровствомъ и ябедничествомъ, язычники славятся трудолюбіемъ, бережливостью и неподкупной честностью. У тептярей-магометанъ все напоказъ, все ради хвастовства и все ради ничего недѣланья. Деревни ихъ бѣдныя, грязныя, улицы кривыя, узкія, избушки ветхія безъ сѣней, окна безъ стеколъ, затянутыя пузырями; но, войдете въ избушку, и все напоказъ чисто, опрятно, печка, какъ и у татаръ, всегда выбѣлена, полъ вымытъ, въ переднемъ углу надъ

столомъ развѣшаны вышитыя полотенца, на нарахъ перины, подушки; у иныхъ-же, болѣе зажиточныхъ, самоваръ, шкафъ съ чайной посудой, кованные сундуки. Тѣмъ не менѣе,—откроете вы шкафъ и увидите, что всѣ чайники или безъ носа, или безъ бока, а не то безъ дна, и одной цѣлыной стороной поставлены напоказъ; посмотрите на чашки, на блюдца—то же самое; возьметесь за самоваръ,—и онъ весь побитъ или искалѣченъ; откроете-же кованый сундукъ,—и тамъ пусто. Точно такую-же хвастливость и желаніе пощеголять они обнаруживаютъ во всемъ.

Нѣтъ у тептяря хорошаго костюма, а ему надо ѣхать въ другую деревню въ гости, или на праздникъ, и онъ береть хорошій костюмъ у кого-нибудь на прокатъ, и платитъ за это почти то же, что стоитъ самъ костюмъ, выплачивая за костюмъ землей, или какимъ либо имуществомъ. Нѣтъ у него видной сбруи, чтобы пощеголять въ сосѣдней деревнѣ, и онъ точно также береть у кого либо на прокатъ сбрую; а жена его, если отправляется съ нимъ къ своей родни, то ужъ непремѣнно ходитъ по всей деревнѣ и собираетъ,—тамъ новый красивый платокъ, тамъ обористую рубашку, –гдѣ что,—но ужъ нарядится, какъ говорится, на всѣ мѣдныя. И въ какой-бы день вы не проѣзжали тептярскую деревню, вы подумаете, что у нихъ праздникъ: всѣ сидятъ кучками у воротъ, грѣются на солнцѣ и балагурятъ о разныхъ разностяхъ. Одинъ не идетъ

работать, потому что нѣтъ лошади, какъ онъ говоритъ, другой потому, что соха на два дома, третій долженъ-бы рыбачить, такъ какъ рыбы въ озерѣ или рѣкѣ много, но у него снасти испортились, а четвертый—хорошій охотникъ, да порохъ дорогъ, и т. п. Сколько-же нибудь зажиточный тептярь считаетъ всякую работу равной тѣлесному наказанію: вотъ, мелкая торговля, да мошенничество, это ему на руку. Но и тутъ онъ далеко не представляетъ собою того, что мелочной торговецъ-татаринъ, трудящійся изо дня въ день и наживающій деньги съ помощью своей смѣтливости и расторопности. Тептярь купитъ въ городѣ булавокъ, иголокъ, тесемокъ и всякой такого-же рода мелочи и ѣдетъ съ товарищемъ по деревнямъ, гдѣ, какъ случится,—то надуетъ, то втридорога продастъ, то, что плохо лежитъ, скрадетъ, и, наживши такимъ порядкомъ два и три рубля на рубль, опъ, возвращаясь домой, не покупаетъ снова товаръ для дальнѣйшей торговли, а ложится на свои пуховики, пьетъ съ утра до вечера чай, ѣстъ конину и ни за какія деньги не пойдетъ уже ни на какую работу.

Совсѣмъ не таковъ, какъ мы уже и замѣтили, тептярь-язычникъ, у котораго нѣтъ ничего напоказъ и который не только бережливъ, но и весьма скупъ для себя. За то у него есть всегда запасный хлѣбъ, хорошій скотъ; онъ живетъ не въ гнилушкѣ, а въ прочно построенномъ домѣ со

всѣми хозяйскими принадлежностями; и между тептярями-язычниками также трудно встрѣтить нищаго, какъ среди тептярей-магометанъ—богатаго. И все у тептяря-язычника просто, все незатѣйливо. Вѣрить онъ въ одно высшее существо—въ Бога и боится одного злого духа—Кереметя, въ честь котораго разъ въ году и совершается жертвоприношеніе. О загробной жизни у него тѣже представленія, что и у всѣхъ язычниковъ-инородцевъ; покойнику онъ непремѣнно положитъ въ гробъ хворостину, чтобы было чѣмъ отгонять на томъ свѣтѣ кусающихся собакъ. Но зато у него нѣтъ никакихъ особыхъ обрядовъ ни при погребеніи, ни на поминкахъ; ко всѣмъ языческимъ обрядамъ онъ относится довольно равнодушно, исполняя только нѣкоторыя изъ нихъ; и точно также ни свадьбы, ни родины не ознаменовываются у него ничѣмъ изъ ряда выходящимъ. Сговорится онъ съ какой либо понравившейся ему дѣвушкой, и въ одинъ прекрасный день увезетъ ее къ себѣ, о чемъ будутъ знать и ея, и его родители; и послѣ чего отецъ дѣвушки, какъ-бы въ погоню за ней, пріѣдетъ къ его отцу, чтобы условиться въ колымѣ, то есть въ платѣ за нее; и его примутъ, какъ дорогого гостя, и по окончаніи условій или торга, начнется пиршество, на которомъ, какъ не бережливъ тептярь-язычникъ, но угощаетъ всѣхъ радушно, какъ можетъ и чѣмъ только въ состояніи.

Такимъ образомъ, скажемъ въ заключеніе, какъ тептярь-магометанинъ самый не привлекательный изъ инородцевъ, такъ тептярь-язычникъ самый добродушный и болѣе другихъ склонный къ полному слиянію съ русскими, что уже съ принятіемъ тептярями христіанства и стало весьма очевиднымъ. Христіане-тептяри сливаются съ русскими весьма быстро. И это понятно: при ихъ простой и кроткой натурѣ, у нихъ никогда не было ни закоренѣлаго язычества, ни своихъ обособленныхъ правовъ и обычаевъ, храпимыхъ и передаваемыхъ изъ рода въ родъ, какъ у мордвы,—они народъ смѣшанный.

ЭСТЫ. ЛИВЫ И ЛАТЫШИ.

(Прибалтійскій край).

Финское племя, которому посвящена большая часть настоящаго выпуска, заняло почти всю лѣсную полосу европейской Россіи. На этихъ обширныхъ пространствахъ его раздѣлили въ странѣ великихъ озеръ новгородцы: прибалтійскія-же земли также принадлежатъ ему испоконъ вѣковъ и оно населяло ихъ подъ тѣмъ-же названіемъ чуди, какъ и сѣверовосточную Россію. Эта чудь, подъ именемъ ямп и карелъ, или подъ общимъ именемъ финновъ заняла всю Финляндію, подъ именемъ эстовъ—образовала Эстляндію, теперешнюю Эстляндскую губернію, подъ именемъ ливовъ—Лифляндію, теперешнюю Лифляндскую губернію, и подъ именемъ ку-

ровъ—Курляндію, Курляндскую губернію *). Ливы и эсты постоянно враждовали съ сосѣдями латышами,—вѣтвью литовскаго племени; и латыши оттѣснили эстовъ къ рижскому и финскому заливамъ, а ливы слились съ ними въ одинъ народъ и только небольшая часть ихъ за недоступными болотами и лѣсами укрылась на берегу Балтійскаго моря; куры-же совершенно исчезли давнымъ давно: теперь они даже и по имени не существуютъ.

Балтійское море издавна служило главнымъ путемъ, соединяющимъ западную Европу съ Востокомъ; къ его восточнымъ гаванямъ являлись купцы изъ Германіи, Польши, Литвы и Россіи съ произведеніями своихъ странъ и вели мѣновую торговлю съ Швеціей, Англіей, Голландіей Франціей и Испаніей. Вслѣдствіе этого балтійскимъ краемъ хотѣли владѣть всѣ сосѣдніе съ нимъ государства, и всѣ они изъ-за него вели продолжительныя войны; почему край былъ постоянно раззоряемъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Имъ владѣли и русскіе, и поляки, и датчане, и нѣмцы, и шведы; но ни отъ кого такъ не страдало народопоселеніе края, какъ отъ нѣмцевъ. И до сихъ поръ эсты и латыши ненавидятъ нѣмцевъ; и до сихъ поръ эстонки пугаютъ дѣтей возгласомъ: „нѣмецъ идетъ“!.. Эта нена-

*) Названіе ливовъ означаетъ на финскомъ языкѣ жителей песчаной мѣстности, а куровъ возвышенной мѣстности.

висть зародилась къ нѣмцамъ не какъ къ завоевателямъ, а какъ къ разорителямъ и грабителямъ народа.

Нѣмцы вводили христіанство насильно и, когда первое нѣмецкое ополченіе явилось въ землю ливовъ, ливы спросили предводителя нѣмцевъ „зачѣмъ онъ пришелъ“, и послѣ отвѣта „за тѣмъ, чтобы обратить васъ въ христіанство“, они сказали ему: „ты можешь это сдѣлать безъ войска: привлекай въ него любовью, а не палками“. Но нѣмцы въ продолженіе шести ста лѣтъ своего владычества въ прибалтійскомъ краѣ только и дѣйствовали однѣми палками. Сначала они раздали всѣ завоеванныя земли рыцарямъ, или воинамъ и духовенству, которые и обратили народъ въ полное рабство. Эти воины и духовенство сдѣлались обладателями всей крестьянской собственности, а затѣмъ и самой личности крестьянъ; право неограниченнаго господства надъ личностью и имуществомъ крестьянина вошло въ полную силу. Все, что крестьянинъ пріобрѣталъ, принадлежало помѣщику; все, чѣмъ онъ владѣлъ, было его собственнымъ лишь на столько, насколько допускалъ это помѣщикъ; продать свое произведеніе или купить что нибудь, даже съѣздить на рынокъ, крестьянинъ могъ только съ разрѣшенія помѣщика. Браки совершались и расторгались по волѣ помѣщиковъ; продажа мужа и жены въ разныя руки и отнятіе дѣтей отъ

родителей были явленіями совершенно законными, и въ заключеніе беззаконность дошла до того, что помѣщики присвоили себѣ надъ крестьянами даже право жизни и смерти. Когда крестьяне бѣжали отъ нихъ въ другія страны, бѣглецовъ ловили и отсѣкали имъ руки и ноги. Полный разгулъ и развратъ царили среди рыцарей, помѣщиковъ и духовенства; они давали пиры за пирами; они одѣвались въ шелки, въ бархатъ, въ дорогіе мѣха, украшали свои одежды золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями; и наряды барынь такъ были тяжелы, что надо удивляться, какъ расфранченныя барыни двигались въ нихъ. Погреба въ замкахъ или усадьбахъ были открыты для прислуги; и кто перепивалъ другихъ, считался лучшимъ слугой; при собираніи-же податей съ крестьянъ господа пиршествовали на счетъ послѣднихъ; и расточительность на пиршествахъ и развратъ доходили до того, что одинъ изъ лѣтописцевъ того времени отказывается говорить объ этомъ, чтобы „не оскорблять цѣломудренныхъ ушей и очей юности“.

При владычествѣ поляковъ король Стефанъ Баторій хотѣлъ было облегчить тяжелую участь крестьянъ, но сдѣлать этого ему не удалось; и только при подчиненіи страны Швеціи, сталъ наступать конецъ всякимъ злодѣйствамъ и варварству. Тутъ заведены были суды, ограничена во

всемъ власть помѣщика, отмѣнены наказанія, учреждены учебныя заведенія, переведена на эстонскій языкъ Библія; но, когда Петръ Великій завладѣлъ краемъ, то нѣмецкое дворянство снова овладѣло прежними своими правами надъ народомъ; и только съ царствованія Екатерины II начались различныя облегченія. Она однимъ указомъ отмѣнила продажу крестьянъ на площадяхъ, другимъ—запретила расторженіе помѣщиками крестьянскихъ браковъ; при Александрѣ-же I улучшенія въ бытъ крестьянъ шли одно за другимъ, и наконецъ при Александрѣ II бытъ крестьянскаго сословія устроенъ окончательно.

Но шестисотлѣтнее порабощеніе края нѣмцами не могло, конечно, не отразиться не только на благоустройствѣ самого края, но и на правахъ его обитателей. И эсты, и латыши во многомъ сохранили и до сихъ поръ свою первобытную жизнь; ихъ жизнь не развивалась и не совершенствовалась; она слишкомъ была забита и придавлена. Такъ, жилища эстовъ и понынѣ тѣже первобытныя, что были и въ отдаленныя времена; та-же бѣдность, та-же скудость во всемъ и то же неряшество и грязь, что и у дикарей. Деревянный длинный срубъ, рѣдко когда на каменномъ фундаментѣ, покрытъ большею частью соломенной крышей и безъ трубы, такъ какъ вмѣсто печки въ одномъ изъ угловъ хижины положена куча камней и возлѣ въ стѣнѣ прорублено

дымовое окно. Вокругъ раскаленныхъ камней, подъ черной крышей безъ потолка, сидитъ толпа эстовъ и эстонокъ съ ползающими тутъ же по земляному или глиняному и грязному полу полунагихъ ребятишекъ; въ котлѣ варится картофель, или жидкая кашица изъ крупъ, а по то салакушка да рямушка; по избѣ то тамъ, то сямъ расхаживаютъ куры, у корыта съ овсомъ или сѣномъ жуетъ лошадь; а старики, лежа передъ огнемъ, колятъ лучины, иные-же дѣлаютъ деревянную посуду, плетутъ корзины; одна, двѣ женщины прядутъ или ткутъ; а лучина коптитъ и дымитъ, едва освѣщая убогую обстановку, состоящую изъ одного простого стола да двухъ трехъ лавокъ съ короткой деревянной кроватью и ларя, гдѣ хранится одежда и весь домашній скарбъ. Подслѣповатые отъ дыма эстонцы съ безцвѣтными глазами, съ выдавшимися скулами и съ выбритыми усами и бородой, но съ длинными космами льняныхъ волосъ, ниспадающихъ на плечи изъ подъ мѣховыхъ овчинныхъ или лисьихъ шапокъ - треуховъ, сидятъ и въ своемъ холодномъ жилищѣ въ той-же одеждѣ, что и на улицѣ. Всѣ они въ черныхъ суконныхъ кафтанахъ; и нѣкоторые въ сапогахъ, а иные въ берестовыхъ или кожаныхъ лаптяхъ; у женщинъ-же изъ подъ кафтана видѣется красная безрукавка и полосатая юбка, а на головахъ у дѣвушекъ платки, изъ подъ которыхъ выбиваются не-

расчесанные волосы, а у женщинъ конические колпаки, украшенные сзади бантами и лентами. Всѣ смотрятъ мрачно, угрюмо и даже какъ-то боязливо, точно только и думаютъ, что „вотъ, нѣмецъ придетъ“; и въ ихъ тощихъ, слабыхъ маленькихъ фигуркахъ проглядываетъ одна немощность, вялость и лѣность. Въ ихъ разговорахъ невольно чувствуется упрямство, хитрость, скрытность, а также суровость и безчувственность, — на все наложило свою тяжелую печать нѣмецкое рабство и гнетъ. У нихъ нѣтъ ни музыки, ни танцевъ, ни пѣсенъ; они издревле унаслѣдовали отъ предковъ разсказы про своихъ героевъ, и изъ пѣсенъ объ этихъ геройхъ сложилась особая поэма, называемая „Калевала“. Въ ней главный дѣйствующій герой—Ваинемуненъ,—богъ пѣнія; и о немъ говорится слѣдующее: „У людей и звѣрей былъ одинъ языкъ. И до сихъ поръ есть люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для будничнаго употребленія, для нуждъ жизни. Однажды-же всѣ твари были созваны на общій соборъ, чтобы научиться праздничному языку, то есть пѣснямъ,—въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось у Дерпта (нынѣ Юрьевъ), вокругъ соборной горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздалось въ воздухѣ вѣяніе, умиляющее сердце, и спустился на землю Ваинемуненъ.

Онъ раскинулъ свои кудри, оправилъ одежду, разгладилъ бороду и ударилъ по струнамъ. Сперва сыгралъ онъ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Все было въ восторгѣ, а самъ онъ больше всѣхъ. Тишина водворилась въ собраніи: все внимало пѣснію. Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость, деревья, звѣри и птицы напрягли слухъ, и, любящее дразнить эхо, притаилось за лѣсомъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья, рощи почуяли вѣяніе при нисхожденіи бога, и если, идя по рощѣ, услышите вы шумъ, то, знайте, что божество недалеко отъ васъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ его одежды, и весною, когда празднуетъ онъ возвратъ юности, журчаніемъ своимъ старается подражать этому шелесту. Вѣтеръ поймалъ на свою долю самые рѣзкіе звуки; изъ звѣрей же однихъ поразилъ скрипъ колковъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды головы свои лишь по уши, онѣ видѣли только движеніе устъ Вэнемуйнена и научились подражать имъ, но остались нѣмы. Только человѣкъ понялъ все: оттого и пѣсни его доходили до глубины души и до жилищъ боговъ".

Въ другой пѣснѣ „Калевалы" объ утренней и вечерней зарѣ говорится такъ: „эти зори были нѣкогда слугой и служанкой Вэнемуйне, они вло-

бились другъ въ друга, и богъ хотѣлъ соединить ихъ бракомъ, но они предпочли остаться навсегда женихомъ и невѣстой. Только разъ въ годъ они сходятся въ продолженіе четырехъ недѣль въ полночный часъ, и когда вечерняя заря кладетъ потухающее солнце въ руку своего возлюбленнаго, то онъ жметъ ей руку и цѣлуетъ ее, и она краснѣетъ, что отражается на небѣ, пока возлюбленный опять зажигаетъ свѣтило. Ванемуинэ ко дню пламенной встрѣчи всегда украшаетъ поля великолѣпными цвѣтами, и соловьи взываютъ къ вечерней зарѣ: „мѣшкотная дѣвушка! ночь длинна“!...

Есть у эстовъ и новыя пѣсни, но онѣ не дышатъ такими поэтическими вымыслами; онѣ болѣе шуточныя и не представляютъ собою ничего интереснаго. Да и среди эстонцевъ, какъ мы уже сказали, совсѣмъ почти не слышно пѣсенъ, не смотря на окружающую ихъ красивую природу,— на горы, покрытыя дремучими зелеными лѣсами, на свѣтлыя голубыя озера и рѣки, окаймляющіе эти горы, на вѣчно бушующее безбрежное море и на полную всякаго рода невзгодами ихъ жизнь. Они и тутъ точно придавлены шестистолѣтнимъ ярмомъ до безмолвія и безчувствія. И у эстонцевъ нѣтъ ни шумныхъ праздниковъ, ни веселыхъ обрядовъ. Самымъ веселымъ праздникомъ считается время жатвы, а самымъ веселымъ и шумнымъ изъ обрядовъ можно назвать свадьбу, при кото-

Прибалтійскіи краи.

рой сохранилось еще много языческаго. По, какъ праздникъ, такъ и свадьба отличаются болѣе всего непомѣрнымъ пьянствомъ, до котораго, надо замѣтить, эстонцы весьма большіе охотники, и которое какъ-бы развязываетъ имъ языкъ и отводитъ душу. Пьяный эстонецъ и шумливъ, и говорливъ. Свадьба и начинается и оканчивается попойками. Тутъ уже играетъ главную роль не ихъ обыденный и излюбленный напитокъ—квасъ изъ ячменя съ хмѣлемъ, называемый тааръ, а одна водка да пиво. Жениховъ, или сваты являются въ домъ невѣсты съ водкой, и, когда родители невѣсты выпьютъ по стакану,—это обозначаетъ согласіе, а когда выпьетъ и невѣста стаканъ,—это обозначаетъ и ея согласіе; послѣ чего слѣдуютъ подарки, а затѣмъ совершеніе брака по правиламъ лютеранской церкви, черезъ три-же недѣли начинается такое пьянство, которое нѣкоторыхъ доводитъ до окончательнаго разоренія, такъ что иной крестьянинъ въ нѣсколько дней расточаетъ всѣ свои сбереженія, и изъ зажиточнаго превращается въ бѣдствующаго и нуждающагося. Попойки и пиршества сперва устраиваются въ домѣ родителей молодой и продолжаются дня три четыре безостановочно, а потомъ дня три четыре и въ домѣ молодыхъ. Тутъ уже на столѣ не одна кашица, салака да картофель и кислая капуста, но, какъ лакомство, и селедка, и свинина, и пироги, яйца, сыръ, а водка не только

не сходить со стола, но безъ нея ни шагу, какъ говорится, никто не ступитъ. Ѣдетъ молодой на пиршество въ домъ родителей жены, и, сопровождающіе его, пьютъ водку, а музыканты играютъ на волынкѣ (дудка); при чемъ у дома родителей сопровождающіе стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ и пьютъ, а мать молодой и старухи, встрѣчающія молодого на крыльцѣ, поютъ дребезжащими голосами привѣтствіе; за столомъ-же на пиршествѣ постоянно слышется: „попробуйте; это не горько, а сладко“, а молодой, уходя спать, ломаетъ ложки свою и жены, и опять таки при этомъ не безъ того, чтобы не выпить. Когда-же настаютъ пиршества въ домѣ молодыхъ, тогда молодая уже ѣдетъ въ домъ мужа въ сопровожденіи родственниковъ и музыканта, а за ними слѣдуетъ молодой съ бочонкомъ водки и пива. Тутъ опять при каждомъ обрядѣ пьютъ и говорятъ: „попробуйте; это не горько, а сладко“; по окончаніи-же всѣхъ пиршествъ молодая одариваетъ гостей чулками, рубахами, полотенцами, ради приготовленія которыхъ она работала до замужества долгіе годы и долгія ночи. Но, получающіе подарки, одариваютъ и ее въ свою очередь

Послѣ пиршествъ молодая выметаетъ избу и принимается, какъ хозяйка, за хозяйство. Хозяйство состоитъ изъ огорода, домашней птицы и скота, то есть коровъ и овецъ; такъ какъ за ло-

шадью эстонецъ ухаживаетъ самъ и бережетъ ее пуще глаза.

Эстонскія лошади давно уже въ славѣ; и еще Петръ Великій, покоривши Эстляндію, обратилъ вниманіе на ихъ породистость; и по его повелѣнію для улучшенія породы Вятской и Пермской губерній были отправлены туда изъ Эстляндіи большіе табуны, отъ которыхъ и произошли знаменитыя вятки и обвинки.

Главная однако производительность прибалтійскаго края, еще издревлѣ до прихода нѣмцевъ, былъ хлѣбъ; и прибалтійскій край считался житницею Швеціи. Хлѣбопашество у эстонцевъ и теперь стоитъ на высокой степени совершенства, благодаря ихъ заботливости о землѣ и уходу за хлѣбомъ; то есть, благодаря осушенію болотъ и орошенію полей, а также плугу и сельскохозяйственнымъ машинамъ. Первое мѣсто занимаетъ рожь, которая гораздо доброкачественѣе, чѣмъ заграничная и нашихъ внутреннихъ губерній; за нею идетъ ихъ любимый хлѣбъ—ячмень и кое-гдѣ производится пшеница; для домашняго же употребленія сѣется овесъ и гречиха, а въ послѣднее столѣтіе стало сильно развиваться разведеніе картофеля и льна.

Кромѣ хлѣбопашества эсты занимаются: лѣсоводствомъ, охотой и рыбнымъ промысломъ. Лѣсоводствомъ занимаются по преимуществу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть возможность сплавлять лѣсъ

по рѣкамъ въ какой либо приморскій портъ для продажи заграницу. Охота въ лѣсахъ, — это самое древнее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любимѣйшее занятіе эста. На охоту они собираются въ свободное отъ работъ время партіями; и, настрѣливая въ лѣсахъ всякой дичи, набираютъ тутъже въ большомъ количествѣ и ягодъ, и грибовъ и орѣховъ. Рыболовство, какъ промыселъ, является по берегамъ большихъ рѣкъ и озеръ, гдѣ водятся миноги, налимы, ряпушка, корюшка, снѣтки, и много другой мелкой рыбы. Но главный рыболовный промыселъ, — это берега Балтійскаго моря, которые уннзаны рядами рыбачьихъ хижинъ, обнесенныхъ заборами съ развѣшанными на нихъ сѣтями и съ валяющимися повсюду возлѣ хижинъ и на берегу веслами, рулями и челноками. Легкіе лодочки и днемъ и почью цѣлыми флотиліями носятся по морю верстъ за двадцать отъ берега съ горящими на нихъ кострами для привлеченья почью рыбы, и рыбаки ловятъ въ изобиліи угрей, миногъ, кильки, камбалу, а главнымъ образомъ салакушку, которая сбывается, также какъ и кильки, во внутреннюю Россію и приноситъ порядочный доходъ.

Приморскіе рыбаки—эсты и по наружности, и по образу жизни во многомъ отличаются отъ хлѣбопашцевъ. Они красивѣе, стройнѣе, выше ростомъ и болѣе походятъ на эстовъ, живущихъ на островахъ Балтійскаго моря,—Эзелѣ, Даго и дру-

гихъ, которые въ прежнія времена служили притономъ ихъ разбойническихъ шаекъ. Эти островитяне извѣстны тогда были какъ неустрашимые морскіе пираты. Теперь они также занимаются рыболовствомъ; и по внѣшнему виду болѣе походятъ на шведовъ, которыхъ послѣ ихъ владычества осталось между эстами весьма много. Костюмы эстовъ-островитянъ схожи со шведскими, а женскіе наряды и украшенія, особенно головные уборы, такъ разнообразны, что на островѣ Эзелѣ чуть не каждый приходъ щеголяетъ своимъ особымъ нарядомъ.

Съ этими-же островитянами весьма сходно и другое финское племя—ливы, которые въ прежнія времена занимали всю Курляндскую губернію и большую часть Лифляндской, но, изгнанные латышами, они кое-гдѣ смѣшались съ ними и превратились въ латышей, весьма-же немногіе, въ количествѣ двухъ тысячъ душъ, заселяютъ теперь только маленькую узкую полосу Балтійскаго побережья на разстояніи шестидесяти верстъ въ Курляндской губерніи.

Ихъ жилища и образъ жизни совершенно сходны съ эстонскими; и по своимъ внутреннимъ качествамъ и по характеру они тѣ же эсты-островитяне. Они отличаются тѣмъ, что не только мужчины, но и ихъ женщины и дѣвушки прекрасныя морячки, и, занимаясь всѣ безъ исключенія рыболовствомъ,—они привыкли съ малолѣтства ко

всѣмъ опасностямъ моря. Предпріимчивые и отважные они пускаются на своихъ одномачтовыхъ небольшихъ судахъ въ дальнія плаванія и доходятъ съ рыбою до Петербурга. Ихъ одежда состоитъ изъ куртки съ стоячимъ воротникомъ и длиннаго суконнаго кафтана, сшитаго на подобіе эстонскаго, а у женщинъ изъ кафтана съ длинной таліей и полосатой юбки. Они также, какъ и эсты, живутъ бѣдно и неряшливо въ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучиной, и также по характеру упрямы, мстительны и любятъ пьянствовать. Кромѣ однако и этихъ недостатковъ морская безшабашная жизнь развила въ нихъ много другихъ пороковъ, изъ которыхъ выдающимися надо назвать воровство и грабежъ морскихъ судовъ, которыя претерпѣвали крушеніе.

Не смотря однако на всю ихъ предпріимчивость, храбрость и отвагу, кроткіе и добродушные латыши не только покорили ихъ, но и совсѣмъ какъ бы уничтожили. Даже и оставшіяся двѣ тысячи ливовъ теперь олатышиваются,—они исполняютъ всѣ религіозные обряды на латышскомъ языкѣ, не зная на своемъ языкѣ ни одной молитвы, читаютъ и пишутъ тоже по-латышски, перенимаютъ многое отъ латышей и въ образѣ жизни, и въ одеждѣ, и, видимо, не далеко то время, когда они будутъ и говорить по-латышски, и забудутъ свой языкъ, слившись съ

латышами также, какъ слились уже давно и всѣ остальные ливы.

Латыши при всемъ ихъ добродушіи и незлобливости оттѣснили также и эстовъ отъ ихъ прежнихъ земель, но, воюя противъ эстовъ и направивъ затѣмъ противъ нихъ нѣмцевъ, они и въ свою очередь попали нѣмцамъ въ руки, и выдержали отъ нихъ тотъ-же шестистолѣтній гнетъ. Вслѣдствіе этого и они теперь живутъ также, какъ жили въ старину; ихъ жизнь была та же что и эстовъ, о чемъ мы уже упоминали; — она не развивалась и не совершенствовалась. Они только по своему веселому и миролюбивому праву легче перенесли нѣмецкій гнетъ, онъ меньше отразился на ихъ незлобливомъ характерѣ, въ которомъ явились только скрытность, низкопоклонство и боязнь, отчего эсты и зовутъ ихъ трусами; но они тоже ненавидятъ нѣмцевъ и даже въ пѣсняхъ поютъ:

О, Боже, куда мнѣ дѣваться!
Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Поля наполнены господами...

Другая пѣсня:

Боже, накажи отца,
Накажи и мать мою,
Которая дала мнѣ вырости
Въ этой невольничьей землѣ.

И эта неволя, или крѣпостное нѣмецкое право довели ихъ до многихъ пороковъ: они стали пьянствовать, чего прежде не было, они перестали считать воровство тяжкимъ преступленіемъ и признаютъ его таковымъ только по отношенію имущества крестьянъ; они, принявъ давнымъ давно лютеранское вѣроисповѣданіе, весьма мало религіозны, въ ихъ избахъ вы увидите одинъ только гдѣ нибудь закоптѣлый крестъ съ распятіемъ; въ ихъ обрядахъ осталось много языческаго и они крайне суевѣрны. У нихъ только два праздника въ году: Ивановъ день, который приходится во время языческаго праздника -бога Лиго—любви и радости, совершавшагося во время лѣтняго солнцестоянія, и Рождество, которое тоже совпадаетъ съ языческимъ праздникомъ зимняго солнцестоянія.

Праздники, какъ и всѣ свои обряды, они справляютъ весело, шумно; да и живутъ они вообще далеко не такъ угрюмо и скучно, какъ эсты. Если вы услышите въ прибалтійскомъ краѣ на поляхъ и въ деревняхъ пѣсни и увидите танцы, то значитъ вы находитесь среди латышей. Подъ вечеръ при возвращеніи съ полевыхъ работъ, раздаются хоровые пѣсни то тамъ, то сямъ по пригоркамъ и хуторамъ. Дѣвушки, разукрасивъ себя полевыми цвѣтами, что латыши весьма любятъ, идутъ, взявшись за руки, и поютъ:

«Береза, березынька моя,
Кто тебя опечалилъ?
Холодный-ли сѣверный вѣтеръ?
Или рука жестокаго мороза
Оцѣпенила твои листья?
Не сердито-ли потокъ воды
Размылъ подъ твоими корнями
Опору матери—сырой земли?
— Не морозъ меня оцѣпенилъ,
Не вода меня одолѣла:
Пришли, одолѣли басурманы,
Сгибая и ломая мои сучья,
Притоптали, уничтожили
Зелену траву въ березовой рощѣ.
Каждое утро красное солнышко
Всходитъ печально, грустно».

Но большею частью они поютъ короткія пѣсни, по четыре стиха въ пѣснѣ; и обыкновенно одна дѣвушка, называемая вѣщательницей, пропоетъ первыхъ два стиха, а хоръ протяжно и полнымъ голосомъ подхватываетъ послѣдніе стихи. И въ одномъ мѣстѣ слышится одна пѣсня, въ другомъ другая, точно дружки соперничаютъ съ дружками, но не перепѣть имъ всѣхъ своихъ пѣсенъ, какъ о томъ и сами онѣ поютъ:

„Кто можетъ пропѣть всѣ пѣсни?
Кто можетъ проговорить всѣ рѣчи?
Нельзя же перейти черезъ быстрый ручей
Не перекинувъ перекладины».

Дома по вечерамъ послѣ работъ раздаются

пѣспя за пѣсней, пока не настанетъ пора спа. Но въ Ивановъ день поютъ отъ зари до зари, всю ночь напролетъ; и тутъ веселью, шуму, пляскамъ нѣтъ конца. Разряженныя дѣвушки, женщины, а также и мужчины гуляютъ тутъ, какъ никогда въ году. Еще наканунѣ Иванова дня, убравшись по хозяйству, женщины и дѣвушки выходятъ группами изъ всѣхъ дворовъ и идутъ по полямъ и садамъ собирать цвѣты и травы; такъ какъ собранныя въ этотъ день цвѣты и травы по ихъ суевѣрнымъ преданіямъ весьма цѣлебны и полезны для животныхъ. Дѣвушки съ пѣснями обходятъ всѣ поля, приглашая и самого Ивана такой пѣсней:

«Черезъ годъ приходитъ Иванъ
Навѣстить своихъ дѣтушекъ.
Что они ѣдятъ, что пьютъ,
Чѣмъ засѣваютъ поля.
Возьми, Иванъ, вороного коня,
Объѣзжай мою ниву,
Вытопчи плевелы и куколь,
Пускай растетъ чистая рожь.»

Съ большими пучками набранныхъ травъ и цвѣтовъ сходятся потомъ всѣ на возвышенныхъ мѣстахъ у разведенныхъ костровъ или зажженныхъ смоляныхъ бочекъ; и тамъ поютъ, танцуютъ, веселятся всю ночь, а, возвратясь домой, гадаютъ о судьбѣ. Кто воткнетъ въ стѣну цвѣтокъ, и, если цвѣтокъ за ночь завянетъ, стало быть въ этомъ году тому умереть; иная дѣвушка

умоется и не утираясь ложится спать, полагая, что кто во снѣ подастъ ей полотенце, тотъ и суженый. Въ самый-же Ивановъ день и пиршествуютъ и веселятся съ утра. Въ одной избѣ собрались уже за столомъ и, кромѣ обычнаго ихъ супа—скабепутеръ—изъ кислаго молока съ ячменной крупой, тутъ и капуста, и горохъ, и картофель, а также селедки; иногда-же мясо, но непремѣнно, какъ самое любимое блюдо, сыръ, который производится латышами въ большомъ количествѣ и который весьма вкусенъ, чего никакъ нельзя сказать о самой главной ихъ пищѣ—хлѣбѣ, изобилующимъ у латышей мякиной и не размолотыми зернами, иногда смѣшанными съ папоротникомъ и мхомъ. По дворамъ и у воротъ стоятъ латыши съ фаянсовыми трубками, а иные раздобылись и дешевыми русскими сигарками, и, разговаривая, не выпускаютъ изъ рта цѣлый день ни того, ни другого. Всѣ они, противоположно сумрачнымъ эстамъ, одѣвающимся, какъ мы знаемъ, во все черное, облечены во все бѣлое или свѣтло-сѣрое. Суконные бѣлые кафтаны безъ воротниковъ съ длинной таліей и со множествомъ складокъ опоясаны цвѣтными поясами и застегнуты не пуговицами, а шнурками и петлями; такъ что у шеи кафтаны совершенно открыты, и изъ подъ нихъ видиѣется расшитый, узорчатый воротъ рубашки, съ мѣдными или серебряными застежками. Ноги, либо въ длинныхъ сапогахъ,

либо-же въ берестовыхъ лаптяхъ, или кожаныхъ пастолахъ (башмакахъ), причемъ до колѣнъ онѣ обернуты или платками, или онучами. Шляпы у парней разукрашены живыми цвѣтами; у женщинъ на головахъ особыя маленькія шапочки, а у дѣвушекъ вѣнки изъ цвѣтовъ, которые зимой замѣняются вѣнками изъ бисера и блестокъ съ красными вьющимися позади лентами. Латыши питаютъ особенную склонность къ цвѣтамъ; и дѣвушки-латышки такъ любятъ ихъ, что цвѣты разводятся даже у самыхъ бѣдныхъ хижинъ. Одежды у женщинъ всѣ также бѣлыя, какъ и у мужчинъ, кромѣ полосатыхъ и разноцвѣтныхъ юбокъ; но одежда ихъ незатѣйливая,— платье безъ рукавовъ, замѣненныхъ бѣлыми рукавами рубашки, поясъ сдѣланъ изъ мѣдныхъ колецъ, башмаки и лапти тѣ же, что и у мужчинъ и ноги также обернуты до колѣнъ въ голубые платки или онучи; но что въ ихъ нарядѣ представляетъ собою нѣкоторую особенность, — это большею частью бѣлые, а иногда и цвѣтистые платки съ бахромой, которые носятся раскинутыми поверхъ всего костюма и, покрывая почти всю фигуру во весь ростъ, застегиваются на груди большими серебряными бляхами.

Танцы, музыка, пѣніе не прерываются во весь Ивановъ день; и то на полянѣ, то возлѣ лѣса или у избы слышится волынка, или особаго рода шестиструнная балалайка (коткле); и вы-

сокіе,но плоскогрудые и узкоплечіи латыши, большею частью безъ бородъ и усовъ, а бритые, но съ длинными развивающимися свѣтлыми волосами, не закрывающими ушей, тихо и медленно танцуютъ или народный танецъ с н г о въ двѣ пары, или к и к е х т ъ, гдѣ женщины становятся по одну сторону, а мужчины по другую, и пара за парой съ пѣніемъ выступаютъ посреди̇ѣ одна за другой. При этомъ двигаются у нихъ только ноги, корпусъ-же остается безъ всякихъ тѣлодвиженій, а длинныя шеи вытягиваются еще длиннѣй, сѣрые-же безцвѣтные глаза и крупныя черты лица не просвѣтляются ни улыбкой, ни увлеченіемъ. Подъ вечеръ, возвращаясь домой, гуляющіе поютъ:

„Добрый вечеръ, Иванова матушка,
Ждала ли ты насъ?
Сладкаго пива наварила-ли?
Мягкаго сыра приготовила-ли?“

И каждая хозяйка обязана угостить гуляющихъ и масломъ, и сыромъ и пивомъ. По окончаніи-же угощенья всѣ благодарятъ хозяевъ припѣвомъ:

„Съ Богомъ приходимъ,
Съ Богомъ уходимъ,
Съ Богомъ пусть пребываетъ
Благословеніе на этой избѣ!
Осѣни, Боже, то мѣсто,

Гдѣ мы пили, гдѣ ѣли;
Уроди, Боже, два колоса
На одномъ стеблѣ."

Рождество справляется не такъ шумно, но за то оно продолжается нѣсколько дней и въ это время большею частью бываютъ свадьбы. На Рождество также много пьютъ, поютъ, танцуютъ, но все это уже въ избахъ, гдѣ и погрѣться-то у латыша какъ слѣдуетъ нельзя. Печь у него не въ избѣ, а въ сѣняхъ, а въ избу выходитъ лежанка, на которой усаживаются старики да старухи и проводятъ вечера въ томъ, что разгадываютъ загадки и гадаютъ. Они до этого большіе охотники и въ старину гаданія были у нихъ въ большомъ почтеніи. Была даже такая священная кобыла, отъ которой зависѣло рѣшеніе или отмѣна всякаго предпріятія: выставитъ она правую ногу—предпріятіе будетъ счастливое, лѣвую — нѣтъ. Въ Рождество также, какъ и въ Иванову день, гадаютъ больше всего дѣвушки; старухи же пробавляются загадками.

— „Отгадай моего загадчика?—кто это?"—спрашиваетъ одна старуха другую,—„языкъ во рту,"—отвѣчаетъ другая.—А вотъ отгадай, что я скажу: „Перерубн мою шейку, разрубн мою головушку, свари ее со свининою, прибавь и жиру хорошую долю,—въ святки не будешь отплевываться."—„Капуста," — отвѣчаютъ всѣ старухи разомъ. Но тутъ и старики выступаютъ съ за-

гадками. — „Отгадайте, бабы, вотъ что: „желѣзный отецъ, деревянная мать, крошечныя дѣтки-кровопійцы.“ Бабы замолкли, а догадливый парень говоритъ—„ружье,“ и тутъ-же, обращаясь къ дѣвушкамъ, спрашиваетъ: „въ каждомъ хуторѣ одна безстыдница,“ — это кто? — Дѣвушки съ хохотомъ отвѣчаютъ —„баня;“ и тутъ-же запѣваютъ:

„Вечеромъ, дѣвушки, такъ прекрасно,
Вечеромъ весело намъ ликовать;
Вечеромъ пѣсня далеко раздастся;
Вечеромъ примемся весело пѣть.“

И водятъ хороводъ съ пѣснями по избѣ, которыя у латышей всегда просторныя, такъ какъ въ избѣ только и есть, что столъ да лавки, а для храненія всякаго домашняго скарба есть у нихъ клѣтушки, амбарчики, какъ и для каждаго домашняго животнаго разныя клѣти и сарайчики. Пѣсни у латышей, точно въ Малороссіи, поются каждый вечеръ, и пѣснями сопровождаются родины, крестины, свадьбы и даже похороны, при которыхъ женщины оплакиваютъ въ своихъ похоронныхъ пѣсняхъ покойниковъ. На свадьбахъ-же для пѣсенъ, какъ и на водку, то же раздолье, что и въ Ивановъ день, и свадьбы также сопровождаются разными языческими обрядами. Свадебныя торжества тянутся долго, и тутъ гостепріимству нѣтъ предѣла,—кто не пришелъ,—всѣмъ честь и мѣсто. Передъ свадьбой бы-

васть, конечно, сватовство, а затѣмъ слѣдуетъ обрученіе, на которомъ сосватанные подаютъ черезъ хлѣбъ другъ другу руки и съѣдаютъ по кусочку этого хлѣба; послѣ-же вѣнца родственники, возвратись съ молодыми домой, чертятъ на каждой двери кресты для отогнанія злого духа, а послѣ пиршества стрянуха собираетъ съ гостей за угощеніе деньги въ котелокъ; молодой-же кладутъ деньги на тарелку, а она раздастъ всѣмъ подарки. Эти подарки состоятъ главнымъ образомъ изъ рукавицъ; такъ какъ рукавицы у латышей играютъ весьма важную роль, и безъ нихъ никогда никто необходится; затѣмъ раздаетъ она полотенце и покрывала, надъ чѣмъ работала дѣвушка съ той поры, какъ только пришла въ возрасть.

Латыши, какъ въ старину, такъ и теперь, любятъ выдавать своихъ дѣвушекъ, а также и жениться на русскихъ и литовкахъ. У нихъ и въ пѣснѣ поется:

„Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ беру себѣ литвинку.
Хожу я къ русскимъ, хожу къ литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятья—родня.“

Къ русскимъ, какъ литовцы, такъ равно и эсты, давно еще чувствовали влеченіе; и эсты въ старину называли русскихъ в е н е л а н а м и; то есть союзниками, собратьями. Къ нѣмцамъ-же хотя и сглаживается мало-по-малу ненависть,

но, чувствуя теперь свою свободу и независимость отъ нихъ, и эсты, и латыши не скрываютъ уже своей національности, не говорятъ какъ прежде „мы нѣмцы,“ а напротивъ чуждаются этой клички, и вездѣ во всемъ стараются показать, что они не нѣмцы, а латыши и эсты и стараются выдвинуть на первый планъ свое собственное—эстонское и латышское. У нихъ теперь и разныя общества, и торговыя или промышленныя компаніи, а также и литература, и газеты—все свое, національное. Край отдохнулъ, пріободрился, и теперь рѣдко гдѣ избы безъ трубъ, рѣдко крытыя соломой, все больше гонтомъ: хозяйства стали обширнѣе, благоустроеннѣе; лѣсной промыселъ за непомѣрнымъ истребленіемъ лѣсовъ, хотя и оскудѣлъ, но хлѣбопашество за то и разведеніе льна дошло у литовцевъ до обильныхъ размѣровъ.

Латыши настолько прекрасные сельскіе хозяева, что ихъ охотно берутъ повсюду управляющими въ наши внутреннія губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ географическомъ положеніи, въ которомъ обрѣтается этотъ край, находясь въ сосѣдствѣ съ европейскими государствами и обладая прекрасными гаванями на балтійскомъ побережьѣ, онъ въ скоромъ времени достигнетъ и той общей цивилизаціи, которой пользуется и вся Европа.

ФИНЫ и КАРЕЛЫ.

Начиная съ Уральскихъ горъ, лѣсная полоса европейской Россіи протянулась широкой лентой черезъ рѣки: Печору, Каму, Волгу, Сѣверную Двину, черезъ страну великихъ озеръ и дошла до Балтійскаго моря. Тутъ между Ледовитымъ океаномъ и Балтійскимъ моремъ, давъ у океана мѣсто лапландской тундрѣ, лѣса густо покрыли гранитныя горы и скалы на пространствѣ болѣе трехста квадратныхъ верстъ; и лѣсная страна предстала совсѣмъ иной, чѣмъ та, которая шла по рѣкамъ и равнинамъ. Эта лѣсная страна, называющаяся Финляндіей, испещрена вся большими и малыми озерами, рѣками и рѣчками; и нѣтъ версты, гдѣ-бы не было озера или болота, рѣки или рѣчки, какъ нѣтъ и сажени земли, гдѣ

бы не было камня. Страна гранита, лѣса и воды, и страна суровая, дикая, но красивая и могущественная, далеко не такъ страшна и безмолвна, какъ пустынныя глухія трущобы лѣсныхъ равнинъ. Здѣсь природа не скрываетъ отъ глазъ человѣка ни голубаго неба, ни синѣющей дали; здѣсь она какъ-бы живетъ и даетъ чувствовать свою жизнь то грохотомъ и шумомъ каскадовъ и водопадовъ, то журчаніемъ быстрыхъ горныхъ рѣчекъ и ручейковъ; и здѣсь, что ни шагъ, то новая картина, обрамленная и сжатая гранитными скалами и горами, и сверкающая зеркальною гладью озеръ или рѣкъ, отражающихъ красные граниты скалъ и темную зелень хвойнаго лѣса. Глубокіе, лѣсистые овраги чередуются тутъ съ высокими гранитными обрывами, хребты лѣсистыхъ возвышенностей разбѣгаются во всѣ стороны самыми прихотливыми линіями, извилистые берега озеръ то скрываются въ горахъ, то выдвигаютъ каменистые острова; и горы за горами, озера за озерами, съ искрящимися кое-гдѣ лентами рѣкъ и рѣчекъ, идутъ въ необозримую даль и сливаются на горизонтѣ съ туманными очертаніями лѣсовъ и горъ, или-же пересѣкаются темною завѣсою лѣсистыхъ возвышенностей.

Горы заслоняютъ страну отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ; море, омывающее ее съ двухъ сторонъ, приноситъ тепло; и нѣтъ поэтому въ

ней того леденящаго холода, при которомъ замерзаетъ ртуть и нѣтъ тѣхъ снѣжныхъ урагановъ и мятелей, которые свирѣпствуютъ на равнинахъ. Но и здѣсь зима долгая, а лѣто короткое; и стужа уничтожаетъ или задерживаетъ развитіе злаковъ, необходимыхъ для жизни человѣка; и здѣсь, ради своего существованія, человѣкъ долженъ бороться съ природой и измышлять тѣ или другіе способы, чтобы прокормить себя. Финны,—этотъ народъ, издревлѣ населяющій эту страну и явившійся сюда, какъ и всѣ финскія племена, съ урало-алтайской возвышенности, того-же типа и склада, какъ и его соплеменники,—вогулы, зыряне и прочіе; но эта страна, при разныхъ особыхъ условіяхъ и положеніи ея среди другихъ странъ, выработала изъ финна и какъ-бы иного человѣка. По внѣшности онъ такой-же, какъ и его соплеменники,—приземистый, коренастый, съ тѣмъ-же широкимъ лицомъ и узковатыми глазами, тѣ же у него бѣлокурые или рыжіе прямые волосы, рѣденькая бородка, которую онъ сбриваетъ, свѣтлыя рѣсницы и брови; и онъ также угрюмъ и суровъ, долготерпѣливъ и упоренъ; но въ его угрюмости видна сосредоточенность, въ его упорствѣ чувствуется характеръ и убѣжденность. Ни по жизни, ни по дѣятельности и нравственнымъ качествамъ никакъ нельзя его сравнивать съ одноплеменниками дикарями, о которыхъ мы говорили въ на-

стоящемъ выпускѣ,—онъ не только несравненно выше ихъ, но и равенъ почти всѣмъ цивилизованнымъ европейскимъ народамъ. Несмотря на всю скудость природы, дающую ему только камень, лѣсъ и воду,—отчего русскій народъ и назвалъ Финляндію—„чортовой сторонушкой",—онъ и на водѣ, осушивъ болота и спустивъ озера, разводитъ пашни и поля, и на голомъ камнѣ воздѣлываетъ огороды. Его красненькій, довольно опрятный домикъ стоитъ прямо иной разъ на каменной плитѣ, а тутъ-же неподалеку на большой высокой гранитной глыбѣ разведенъ и огородъ, куда онъ влѣзаетъ постоянно съ помощью лѣстницы, таская въ корзинахъ и землю, и удобреніе. Недалеко-же отъ дома у него и пашня, и лугъ,—онъ, осушивъ болото, изрѣзалъ ихъ вдоль и поперекъ водосточными канавами; онъ убралъ мелкія каменья съ полей, и гдѣ нельзя вспахать землю изъ-за множества большихъ валуновъ (камней), тамъ онъ вскапываетъ ее просто лопатой. Въ награду за этотъ невѣроятный трудъ, и камень даетъ ему такой хлѣбъ, какого не дождаться иной разъ и на черноземныхъ поляхъ; сѣмена его **вазаской** ржи считаются лучшими изъ сѣмянъ, а выращенная имъ трава **тимофеевка**—самой доброкачественной изъ кормовыхъ травъ. Но всего этого немного,—ему не хватаетъ ни того, ни другого; и чтобы покрыть этотъ недостатокъ, онъ гонитъ

изъ деревьевъ смолу, дѣлаетъ изъ прутьевъ корзинки и разныя другія издѣлія, собираетъ всякія ягоды и мохъ, стрѣляетъ дичь, ловитъ по озерамъ и рѣкамъ во множествѣ рыбу, преимущественно форель, семгу, сиговъ, салакушку, рянушку, ловитъ въ изобиліи раковъ; занимается затѣмъ скотоводствомъ, изготовляетъ сыръ, масло; и все это также, какъ гранитъ и лѣсъ, онъ сбываетъ въ другія страны, чѣмъ и возмѣщаетъ свои недостатки. Чтобы хорошо сбывать все, онъ проложилъ густою сѣтью по всей странѣ хорошія дороги, онъ связалъ главныя мѣста сбыта желѣзнодорожными линіями, онъ соединилъ посредствомъ каналовъ рѣки съ озерами, озера съ моремъ; и ему теперь, гдѣ-бы онъ въ своей странѣ не поселился, до всего близко, до всего легко доступиться,—у него повсюду быстрое, удобное и дешевое сообщеніе. Рѣками, озерами, каналами, а также разными дорогами онъ пробирается къ морю, а для моря онъ построилъ прекрасныя суда и на нихъ является съ своими продуктами и производствами во всѣхъ странахъ міра. Такимъ образомъ его чортова сторонушка стала одной изъ самыхъ благоустроенныхъ; и, благодаря близкимъ сношеніямъ съ европейскими народами, всѣ блага жизни онъ добылъ съ помощью грамотности и просвѣщенія. Еще до подданства Россіи его страна сотни лѣтъ была подвластна Швеціи, и шведскіе пасторы усер-

дно распространяли христіанство посредствомъ лютеранской религіи, вводили, согласно правиламъ этой религіи, и грамотность, безъ которой ни одинъ вѣрующій не можетъ быть пріобщенъ Св. Таинъ, а безъ причастія онъ не можетъ и жениться. Пасторы устраивали также школы, учили читать, писать, распространяли книги Священнаго Писанія; а теперь вся страна поголовно, какъ мужчины, такъ и женщины, грамотны, повсюду есть народныя училища, есть всякаго рода учебныя заведенія, доступныя рѣшительно для всѣхъ, есть не мало и высшихъ учебныхъ заведеній; но кромѣ и этого по деревнямъ ходятъ учителя, которые обучаютъ дѣтей и помимо школъ читать, писать, считать; есть учителя и для взрослыхъ, обучающіе разнымъ ремесламъ; разъѣзжаютъ также по деревнямъ и учительницы, поучающіе женщинъ, какъ надо ухаживать за домашнимъ скотомъ и какъ обращаться съ молокомъ, чтобы достигнуть наибольшей прибыли.

Если вамъ случится въ воскресенье или въ праздникъ войти въ крестьянскую избу, то первое, что вы увидите и услышите тамъ,—это чтеніе: либо старикъ, сидя на лавкѣ за столомъ, читаетъ священное писаніе, либо-же кто изъ парней досталъ новую книгу или газету, и всѣ, собравшись вокругъ, внимательно слушаютъ его. Вы видите по лицамъ, что никто не проронитъ

ни одного слова, всѣ жадно смотрятъ на читающаго, и никто не только не обернется при вашемъ приходѣ, но и не обратитъ на васъ ни малѣйшаго вниманія. Тутъ нѣтъ мѣста ни привѣтствіямъ, ни разговорамъ,—тутъ всѣ сосредоточенно слушаютъ. Глава дома—хозяинъ, или какой либо почтенный гость покачивается на особомъ креслѣ, которое есть въ каждой избѣ; иные сидятъ на простыхъ деревянныхъ стульяхъ, иные на лавкахъ; кто опершись о столъ; и всѣ сидятъ чинно, пристойно, не развалясь, даже со сложенными напереди руками, точно въ церкви. Въ этомъ чтеніи есть что-то какъ-бы торжественное, такъ какъ и одѣты всѣ по праздничному. Дѣвушки и женщины въ красныхъ,—это любимый цвѣтъ финновъ,—и синихъ клѣтчатыхъ или полосатыхъ платьяхъ съ большими мѣдными или жестяными бляхами, вродѣ застежекъ у шеи, въ платочкахъ и бѣлыхъ узорчатыхъ или пестрыхъ передникахъ; есть двѣ, три женщины въ кичкахъ съ рогами, въ видѣ мордовскихъ, и также съ разными блестками, ожерельями на груди и съ разукрашенными поясами; и у всѣхъ на ноги надѣты длинные шерстяные чулки и кожаные башмаки безъ подошвъ. Такіе-же башмаки и у мужчинъ, но у нихъ большею частью высокіе сапоги до колѣнъ, а затѣмъ узкіе въ обтяжку синія штаны и такого-же цвѣта сѣрая куртка съ мѣдными пуговицами и

непремѣнно съ такими же мѣдными блестящими пуговицами красная или синяя жилетка. Въ избѣ все чисто прибрано, все на своемъ мѣстѣ. Огромная печь выбѣлена, посуда вся вытерта и порядкомъ уставлена; въ шкафчикѣ блеститъ вычищенный кофейникъ и чашки; у стѣны возлѣ печки высится аккуратно прибранная широкая хозяйская постель; тутъ-же у одной изъ стѣнъ стучатъ равномѣрно незатѣйливые стѣнныя часы, а въ углу на особой полочкѣ или въ стѣнномъ маленькомъ шкафчикѣ хранятся календарь, святцы и разныя книжки для народа, которыя теперь распространяются въ Финляндіи, какъ и у насъ въ Россіи, въ большомъ количествѣ Полъ въ избѣ посыпанъ свѣжимъ можжевельникомъ, что дѣлается у нихъ почти ежедневно; на окнахъ цвѣты и чистыя бѣлыя зававѣски,—что финны очень любятъ; но что особенно заинтересуетъ посѣтителя не знающаго финской жизни, — это ихъ хлѣбъ, — весь зимній заготовокъ котораго находится тутъ-же въ избѣ на длинныхъ жердяхъ, подвѣшанныхъ къ потолку Хлѣбъ этотъ представляетъ собою большія ржаныя лепешки, большею частью съ сосновой корой, продыравленныя посерединѣ и нанизанныя одна возлѣ другой на жерди. Финны заготовляютъ его, то есть пекутъ два раза въ годъ; и имъ, какъ мы ужъ замѣтили, большею частью не хватаетъ на годъ своего хлѣба. Кромѣ хлѣба,

любимая ихъ пища—это національный супъ, то есть похлёбка изъ рѣпы, ржаныхъ крупъ, молока и воды; любятъ они также картофель, соленую рыбу (лоховину), масло, молоко, преимущественно кислое, которое они сливаютъ со всевозможныхъ молочныхъ остатковъ въ бочку, и пьютъ его, какъ воду: самымъ-же вкуснымъ напиткомъ считается для женщинъ—кофе, который пьютъ съ одинаковымъ наслажденіемъ и мужчины, и дѣти. а для мужчинъ—водка, которую употребляютъ весьма умѣренно; и пьяный штрафуется сперва 5 р., а потомъ и 25. Столъ такимъ образомъ у финна не особенно роскошенъ, но кто бы не пришелъ къ финну, онъ желанный гость, ему честь и мѣсто: путникъ-ли, гость-ли, нищій-ли,—всѣ садись вмѣстѣ съ хозяевами за столъ, а пришелъ не во время, все равно его накормятъ, напоятъ и не только дадутъ мѣсто для ночлега, но если путникъ или нищій слабый старикъ, то и довезутъ его по тому пути, по которому онъ идетъ, до ближайшей деревни. По вечерамъ въ праздники финны особые охотники до пѣсенъ, которыя они поютъ весьма однообразно и монотонно, прерывая ихъ вскрикиваніями, напоминающими тирольцевъ; но болѣе всего они услаждаются сказками, поговорками, загадками, а поютъ они весьма оригинально,—импровизируя: то есть одинъ сочиняетъ стихъ, а другой его поетъ, и, когда послѣдній поетъ, то въ это время

первый сочиняетъ второй стихъ, а потомъ, когда поется этотъ второй стихъ, сочиняется третій и т. д. Самыя замѣчательныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя старыя ихъ пѣсни собраны воедино извѣстнымъ финляндскимъ ученымъ Лепротомъ и представляютъ собою какъ-бы цѣлую, имѣющую общую связь, поэму, называемою „Калевалой". „Калевала", подобно „Иліадѣ" Гомера, въ которой описывается вражда между греками и троянцами, изображаетъ вражду между финнами и лопарями. „Калевалой" называется и страна Финляндія, отъ имени Калева, родоначальника дѣйствующихъ въ поэмѣ героевъ: Вейнемейнена,—мудраго старика и колдуна пѣвца, его брата кузнеца—Ильмаринена и веселаго юноши—Лемминкяйнена; земля-же лопарей Лапландія называется—Погіолой; и тутъ дѣйствующія лица,—старуха Леухи съ прекрасной дочерью-невѣстой, за которую сватаются финскіе герои и изъза которой идетъ вражда между финнами и лопарями. Женихамъ предложено достать сокровище „Сампо", съ помощью благодѣтельной силы котораго получается въ удивительномъ изобиліи хлѣбъ. Эту-то драгоцѣнность и оспариваютъ оба народа; и она сперва находится во владѣніи Погіолы, а потомъ финнами возвращается въ ихъ отечество.

О герояхъ въ „Калевалѣ" поется такъ:

„Лемминкейненъ, одинъ изъ прекрасныхъ храб-

рыхъ юношей. отправился однажды на дальній сѣверъ въ Погіолу, съ намѣреніемъ посвататься тамъ за одну красавицу, дочь Лаухи. Мать удерживала его, но онъ, будучи непреклоненъ, рѣшился, во чтобы то ни стало, ѣхать. Передъ отъѣздомъ, онъ взялъ щетку, причесалъ ею свои волосы и, повѣсивъ ее на стѣну, сказалъ матери: „если меня убьютъ, то на этой щеткѣ выступитъ моя кровь".

Не долго мать пожила въ одиночествѣ.— смотритъ на щетку, а съ нея кровь сыновняя капаетъ... Горько зарыдала мать и на крыльяхъ жаворонка полетѣла въ Погіолу. „Куда ты дѣвала Лемминкяйнена моего бѣднаго сына?—спрашиваетъ она у Лаухи. Та отвѣчаетъ: „Я накормила его и отправила въ саняхъ: не замерзъ ли онъ? не потонулъ-ли онъ въ рѣкѣ?.."

Мать предчувствуетъ гибель сына и это предчувствіе, заставляя искать милаго, носитъ ее по разнымъ странамъ: лѣтомъ на челнѣ, зимою на лыжахъ.. Она раскидываетъ сѣно, раскапываетъ корни деревьевъ... Ее встрѣчаетъ волна, она кланяется волнѣ и говоритъ ей: „волна Божія! не видала-ли ты сына моего, золотое яблочко, серебряную трость мою. Волна отвѣчаетъ:—„не видала твоего сына, но слыхала про него". Мать ищетъ; далѣе ее встрѣчаетъ мѣсяцъ... Она спрашиваетъ его про сына, но мѣсяцъ посылаетъ ее къ солнцу, а солнце говоритъ: „твой

бѣдный сынъ за девятью морями, за полудесятымъ моремъ". Тамъ мать находитъ сына и собираетъ разметанные его члены, желая сложить изъ нихъ своего дорогого и милаго Лемминкяйнена".

О Вейнемейненѣ въ „Калевалѣ" говорится:

„Однажды въ лѣсу многолѣтній Вейнемейненъ слышитъ плачъ и рыданія березы; ему стало жаль бѣднаго дерева и онъ спросилъ у него, о чемъ оно плачетъ? Береза отвѣчала: „у меня горемычки... лѣтомъ рветъ пастухъ одежду, чрево сочное пронзаетъ... вѣтви, листья отнимаетъ .. стебель рубитъ на поджогу... Каждый годъ за то такъ рано горе видъ мой измѣняетъ... какъ о времени холодномъ, о лихой зимѣ помыслю". Вейнемейненъ сжалился надъ березой и, обѣщая печаль ее обратить на радость, сдѣлалъ изъ нее арфу—Кантеле*); не хватило колковъ, и онъ взялъ ихъ у дуба, у котораго на каждой вѣтви было по яблочку, на каждомъ яблочкѣ по золотому шару, а на шарѣ по кукушкѣ. Арфа была готова, только не было струнъ. Вейнемейненъ задумался, гдѣ ему взять струны? Вдругъ онъ услышалъ голосъ дѣвушки, тосковавшей о томъ, что у нея нѣтъ друга. Вейнемейненъ попросилъ у нея локонъ ея волосъ. Дѣвушка подарила ему

*) По виду кантеле деревянный ящикъ, поверхъ котораго натянуты струны.

локонъ съ головы своей прекрасной, и такимъ образомъ у Вейнемейнена сдѣлалась чудная арфа, съ которой онъ пошелъ бродить по свѣту, и всѣ дивились ей, не надивляясь.

„Калевала“ говоритъ такъ:

„Мудрый, вѣщій Вейнемейнен
Шелъ на берегу морскомъ,
И природа вся внимала
Радостно его словамъ,
Пѣснь торжественно звучала
По долинамъ и горамъ.
Услыхавши это пѣнье,
Вышелъ изъ-за облакъ самъ
Свѣтлый мѣсяцъ, въ умиленьѣ
Сѣвъ на дерево, сіялъ,
Да сіяя, лишь внималъ.
Солнце на закатъ склонялось,
Но, услышавъ пѣснь ту,
Раскраснѣлось и осталось,
Удаляя темноту,
Да, покинувъ высоту,
На напѣвы любовалось“.

Кромѣ такихъ старинныхъ пѣсенъ, которыя складывались еще тогда, когда финны были язычниками и вѣрили, какъ въ живыя существа,— и въ солнце, и въ мѣсяцъ, и въ звѣзды, и въ камень, и въ деревья,—есть у финновъ и современныя пѣсни; и тоже грустнаго характера и грустныя по мотивамъ.

Мать, качая колыбель, поетъ: „Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская.

по чище мой малютка, мое дитятко. Сонъ стоитъ за дверью и спрашиваетъ: сонъ дремлетъ, шепчетъ въ сѣняхъ и приговариваетъ: „Есть-ли тутъ малютка въ пеленочкахъ, есть-ли милый младенецъ въ постелькѣ?“—Нѣжный сонъ, приди къ постелькѣ! Сонъ дремлетъ. Приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся ягодка черемуха! Колыхайся, колыхайся, легкій листокъ! Вотъ я качаю моего сыночка. Вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, не вѣдаетъ родившая, качаетъ-ли себѣ будущую опору, баюкаетъ-ли защиту своей старости? Никогда бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютки въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда непзвѣстному. Легко упадетъ дитятко въ зѣвъ смерти—или уведется на войну, въ толпу сражающихся, попадетъ подъ огненную пасть пушки или въ неволю, на чужую сторону“.

Веселыхъ пѣсенъ у финновъ совсѣмъ почти нѣтъ, какъ нѣтъ и обрядовыхъ, и обрядовыхъ-то очень мало и они весьма незатѣйливы. Свадьбы совершаются просто и главную роль играютъ на нихъ не пѣсни и пиршество, а рѣчи и религіозный обрядъ. Женихъ, сговорившись съ невѣстой, посылаетъ свата, а сватъ, положивъ передъ невѣстой десять рублей и услышавъ отъ ея родителей, вмѣсто прямаго согласія или несо-

гласія, отвѣтъ: „Попробуй“, или „почему-же нѣтъ?“, возвращается къ жениху и затѣмъ вмѣстѣ уже съ нимъ или одинъ снова идетъ въ домъ невѣсты. Тутъ собираются гости и сватъ начинаетъ длинную рѣчь, въ которой восхваляетъ умъ, богатство и доброе сердце жениха. Иногда онъ говоритъ чуть не часъ, и хозяева стоя выслушиваютъ его въ глубокомъ молчаніи. Послѣ рѣчи сватъ или женихъ раздаютъ подарки, а затѣмъ женихъ выводитъ изъ другой комнаты невѣсту и гости ихъ поздравляютъ. Передъ свадьбой невѣста также съ какой-либо рѣчистой родственницей или знакомой ходитъ по сосѣдямъ и ораторша говоритъ вездѣ рѣчи, вызывая участіе къ молодой, которая должна покинуть родной домъ и промѣнять безпечную жизнь на заботы жены и матери. Невѣсту при этомъ всѣ знакомые одариваютъ, и эти подарки считаются весьма цѣнными талисманами, приносящими въ домъ богатство и счастіе. Эти подарки берегутъ вездѣ, какъ святыню. Обрученіе молодыхъ, то-есть обмѣнъ кольцами, всегда происходитъ на кладбищѣ, на могилѣ кого-либо изъ близкихъ родныхъ. Послѣ свадьбы въ домѣ родителей невѣсты дѣлается обѣдъ, но въ большинствѣ случаевъ свадебное пиршество ограничивается небольшимъ количествомъ водки и непомѣрнымъ изобиліемъ кофе.

Похороны совершаются еще проще: покойника обертываютъ въ бѣлое полотно и въ крашеномъ

черномъ или краснымъ гробѣ съ пѣніемъ переносятъ въ церковь.

Изъ давнихъ языческихъ обрядовъ у финновъ не осталось почти ничего; только въ празднованіи Иванова дня да въ разныхъ существующихъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ нельзя не видѣть слѣды язычества.

Ивановъ день, — это самый шумный и самый веселый финскій праздникъ. Канунъ Иванова дня считается чернымъ днемъ, и въ канунъ топятъ баню для домового, приготовляя ему вѣники, мыло и прочее для мытья. Въ ночь на Ивановъ день открываются, по увѣренію финновъ, всѣ клады; надъ ними горитъ змѣиный огонь или синее пламя, видѣть которое можно только съ крыши такого строенія, которое перенесено на третье мѣсто. Финны такъ твердо въ этомъ убѣждены, что переносятъ съ мѣста на мѣсто свои амбары, бани, даже избы, и, по ихъ увѣреніямъ, кладъ не дастся только тому, кто произнесетъ бранное слово. Такъ, они выдаютъ за истину, что одинъ изъ финновъ вытащилъ было кладъ до половины по, раздосадованный его тяжестью, выругался, и кладъ съ шумомъ быстро опустился на дно и исчезъ. Наканунѣ-же Иванова дня не только въ деревняхъ, но и возлѣ городовъ зажигаютъ на горахъ костры, а по озерамъ и рѣкамъ пускаютъ зажженныя смоляныя бочки; въ самый-же Ивановъ день молодежь всю ночь до разсвѣта весе-

лится во кругъ пылающихъ костровъ. Тутъ и неуклюжіе танцы въ видѣ кадрили и вальса, и музыка — одна, двѣ скрипки; пѣніе подъ кантеле, затѣмъ игры, катанье на лодкахъ, катанье на всѣмъ извѣстныхъ двухколесныхъ таратайкахъ; вездѣ и повсюду шумъ, крики, — такого другого праздника не бываетъ. Въ Троицу еще въ иныхъ мѣстахъ зажигаютъ костры и украшаютъ дворъ деревьями: но это болѣе домашній праздникъ, и молодежь скромно веселится во кругъ березы по дворамъ. Шумнѣе Троицы справляется праздникъ жатвы, на которомъ дѣвушки и парни собираются въ какую-либо просторную избу къ зажиточному крестьянину и танцуютъ изо дня въ день дня три, а иногда и болѣе. Рождество отличается тѣмъ, что наканунѣ у всѣхъ, даже у самыхъ бѣдныхъ финновъ, на столѣ является рыба и рисовая каша, а въ день Рождества они разсылаютъ съ ряженными другъ другу подарки.

Такимъ образомъ праздниковъ у финновъ немного, а веселья и того меньше; да и живутъ-то они особнякомъ;—верстъ за пять за шесть другъ отъ друга; если-же и случаются большіе поселки, то самое многое дворовъ шесть, восемь. Сама природа, за отсутствіемъ удобной земли, какъ-бы разъединяетъ ихъ, хотя семьи ихъ весьма многочисленны, и въ иномъ дворѣ доходятъ человѣкъ до пятидесяти и даже болѣе. Тутъ у зажиточныхъ крестьянъ живутъ не только бобыли, ба-

траки, то-есть работники, но даже и нищіе съ своими семьями. Нищихъ, однако, финляндцы не признаютъ,—„это у нѣмцевъ,— говорятъ они,— есть нищіе, а у шведовъ и финляндцевъ ихъ нѣтъ“. Бобылей у нихъ, что признано именовать у насъ бобылями, тоже нѣтъ; такъ какъ бобылями въ Финляндіи называются безземельные крестьяне, работающіе при извѣстныхъ условіяхъ на чужой землѣ, или-же снимающіе землю въ аренду. Батраки или работники живутъ съ хозяевами вмѣстѣ и дружно, какъ-бы члены одной семьи. Это равенство присуще финляндцамъ съ давнихъ поръ; у нихъ никогда не было рабства, какъ это мы видѣли у эстовъ, находившихся подъ владычествомъ нѣмецкихъ помѣщиковъ или бароновъ; ихъ главными побѣдителями съ одной стороны были вольнолюбивые шведы, а съ другой—новгородская вольница. Шведы требовали отъ нихъ дань, подчиненіе, но не рабства, котораго у шведовъ никогда и не было. И финны, мало-по-малу, находясь около шестиста лѣтъ подъ владычествомъ шведовъ, стали управляться самостоятельно съ помощью выборныхъ, основали сеймъ, а присоединенные затѣмъ къ Россіи, они живутъ и теперь такимъ-же порядкомъ, какъ и при шведахъ.

Такое положеніе не мало способствовало ихъ труду, а отсюда и ихъ благосостоянію, которому какъ-бы за одно съ историческими обстоятельствами, содѣйствуетъ и сама природа, постоянно и

незамѣтно совершенствующаяся и обогощающаяся землей и пажитями. Въ иномъ мѣстѣ человѣкъ высушилъ болота, а высушилъ онъ ихъ теперь очень и очень много, въ другомъ спустилъ онъ озера,—и образовалъ прекрасные луга и пашни, а гдѣ и сама природа помогаетъ ему во всемъ. Старики финны, проѣзжая то или другое мѣсто, то и дѣло говорятъ: „вотъ тутъ лѣтъ двадцать пять назадъ могли пароходы проходить, а теперь тутъ острова", „вонъ тамъ лѣтъ десять тому назадъ стали показываться острова", „вотъ эта коса была прежде островомъ, а теперь соединяется съ берегомъ". „вонъ тѣ острова были голымъ камнемъ, и нѣтъ еще двадцати лѣтъ, какъ на нихъ сталъ расти лѣсъ" и т. д.

Природа такимъ образомъ сама увеличиваетъ размѣры финляндской земли, и ученые давно уже наблюдаютъ поднятіе финляндскаго материка. Но весьма древнимъ замѣткамъ — царапинамъ, сдѣланнымъ на скалахъ, видно, что берега Финляндіи у Ботническаго залива, вслѣдствіе подземныхъ силъ, поднимаются постепенно на полсажени въ столѣтіе.

Но всѣ такого рода блага, какъ увеличеніе пространства земли и удобство сношеній со всѣми народами міра посредствомъ моря, выпали на долю западныхъ финновъ, которые называются Емь или Ямь (что означаетъ — мокрый, водяной), или-же, какъ они сами себя называютъ, Суоми. Финляндія по-фински Суомія (многоводная земля)*);

*) Финляндія и финны—названія нѣмецкія.

карелламъ-же (коровники), которые живутъ въ восточной Финляндіи, ближе къ Онежскому озеру и къ губерніямъ Архангельской и Олонецкой, приходится переносить все еще болѣе суровую и болѣе первобытную жизнь. И теперь ихъ главный промыселъ.—это охота за звѣремъ и птицей по лѣсамъ и болотамъ. Правда, и они стали осушать болота и спускать озера, но все-таки у нихъ хлѣба очень мало; и, чтобы, кое-какъ прокормить себя, карелъ долженъ работать, не покладая рукъ, круглый годъ. Настанетъ весна и карелякѣ приходится разъ восемь перепахать свою землю изъ-подъ лѣса, чтобы размолоть ее въ порошокъ; на сѣнокосъ ему надо отправляться изъ дома верстъ за пятнадцать, двадцать, и такую тяжелую работу только и выручаютъ, что рыбные промыслы и охота. Рыбачатъ карелы большею частью сообща, домовъ по восьми, девяти; такъ какъ въ одиночку не по силамъ; и только раздолье для нихъ, что звѣроловство и охота. Много у карелла всякаго звѣря и всякой птицы. На обширныхъ болотахъ, также какъ въ зырянскомъ краѣ, водится пятифунтовый куликъ-мореходъ, востроносенькая курочка, кроншнепъ, гаршнепъ вальдшнепъ, бекасъ-дупель; на рѣкахъ и озерахъ цѣлыми стаями утки, лебеди, гуси, кряквы, овсянки, сѣрухи, гоголи, чирки, нырки, черныши, гагары и моряпки, а въ лѣсахъ проживаютъ тетерева, бѣлыя и сѣрыя куропатки, рябчики и

другія. Звѣрей-же въ лѣсахъ такое-же обиліе и опять-таки, какъ и въ зырянскомъ краѣ, тутъ множество бѣлокъ, зайцевъ, россомахъ, рысей, медвѣдей, волковъ; есть на мшистыхъ болотахъ сѣверный олень, лось; въ гористыхъ мѣстахъ—лисица, ельникъ облюбила куница, по берегамъ глухихъ озеръ и лѣсныхъ рѣкъ встрѣчаются норки, выдры, въ береговыхъ мѣстахъ — горностай и т. д. Ловушекъ у карелика такое-же разнообразіе и такое-же количество, какъ у зырянина, и ружье его, или самодѣльная винтовка опять въ томъ-же зырянскомъ характерѣ. Всѣ винтовки малопульныя, кремневыя, и зачастую стволъ привязанъ къ ложу веревочкою или берестяною свивкой, а ложе почти въ родѣ полѣна. Главный его другъ и помощникъ въ охотѣ—это лайка, небольшая собака, похожая отчасти на зырянскую и отличающаяся тѣмъ, что уставится на розысканную ею дичь и лаетъ на нее хоть цѣлые сутки. Съ этой лайкой карелякъ не разлученъ. Самая прибыльная охота у карелика опять та-же, что и у зырянина—рябчикъ, тетеревъ и бѣлка; болотной-же дичью совсѣмъ не промышляютъ, а водяная идетъ только для домашняго употребленія. Не смотря однако на обиліе птицы, звѣря и лѣса, карелякъ кормится изъ вторыхъ рукъ; вся прибыль его промысловъ идетъ русскимъ скупщикамъ и кулакамъ; и его жизнь, какъ мы уже и сказали, не отличается тѣмъ благо-

устройствомъ, какое мы видѣли у финна-ямь. Изба его хотя такая-же тесаная изъ бревенъ съ крышею, покрытой корой или дранками, но не въ двѣ большихъ свѣтлыхъ комнаты, какъ у финна-еми, а въ одну квадратную, и то безъ большихъ оконъ со стеклами, а съ однимъ окошечемъ и зачастую просто съ дырой, которую на зиму опъ чѣмъ-либо забиваетъ; въ избѣ все неряшливо, грязно; пристроекъ у избы очень мало, а ѣстъ онъ вствороженное молоко, мелкую рыбешку, мелкую дичь, рѣпу, хлѣбъ изъ ржаной муки вмѣстѣ съ овсяной, либо съ корой, а запиваетъ рѣпнымъ квасомъ. Этотъ рѣпной квасъ только и водится, что у карелла, и онъ истребляетъ его въ громадномъ количествѣ. Но больше всего карелы любятъ мучнистую пищу, и хозяйка передъ хозяйкой хвастаются: „у насъ де нынче четыре мучныя было"; то-есть мучныхъ блюда, а захочетъ карелякъ утостить васъ на показъ, то поставитъ восемь и десять мучныхъ: „пшь де я какой богатый, какъ я, моль, себя подчую на славу".

Необходимо однако замѣтить, что тѣ карелы, которые живутъ ближе къ еми или ямп походятъ во всемъ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ одеждѣ, на ямь, а тѣ, которые въ давнія времена нападали вмѣстѣ съ русскими на ямь и воевали съ ними, тѣ во всемъ перенимаютъ все отъ русскихъ, и живутъ несравненно менѣе бла-

гоустроенно. Говоря о кареллахъ, мы имѣемъ въ виду именно этихъ послѣднихъ, такъ какъ большая часть населенія кареллъ прилегаетъ болѣе къ русскимъ, а есть и совершенно обрусѣвшіе; кареллы-же, живущіе въ губерніяхъ Тверской, Новгородской и Ярославской, куда они переселены были при Іоаннѣ Грозномъ, забыли уже свой родной языкъ и только женщины хранятъ еще свои расшитые съ бляхами праздничные костюмы. Кареллы, живущіе съ русскими, вѣроисповѣданія православнаго; при чемъ они сохранили очень много языческаго и крайне суевѣрны; кареллы-же, живущіе въ Финляндіи, всѣ протестанты. У обрусѣвшихъ карелловъ та же одежда, что и у русскихъ, — тѣ-же полушубки, зипуны, сарафаны, юбки, и только ноги, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обертываютъ они въ суконныя онучи, да сапоги носятъ изъ бѣлой высмоленной кожи.

По виду кареллъ, какъ живущій въ Финляндіи, такъ и въ русскихъ губерніяхъ, рѣзко отличается отъ истаго финна-ями. Черты лица у него острѣе, волоса и глаза темнѣе, челюсти развиты менѣе; и по праву онъ живѣе, общительнѣе; но бывшее въ русскихъ владѣніяхъ крѣпостное право наложило на него неизгладимую печать приниженности и лживости. О кареллахъ нельзя сказать того, что всѣ говорятъ о честности угрюмаго, молчаливаго и замкнутаго финна-ями, который не только ни-

когда не воспользуется ничѣмъ чужимъ, но, если и найдетъ что чужое, принадлежащее извѣстному для него лицу, то будетъ повсюду искать это лицо, чтобы вручить найденную вещь, а, если не найдетъ владѣльца вещи, то отдастъ ее въ церковь и никогда не присвоитъ себѣ.

И у финна такого рода честность,—это вовсе не честность дикаря, какую мы отмѣтили у его одноплеменниковъ зырянъ и другихъ инородцевъ, не запирающихъ своихъ жилищъ и не имѣющихъ понятія, какъ и всѣ почти дикари, о воровствѣ,—у финновъ это результатъ ихъ хорошаго нравственнаго воспитанія и ихъ образованія, при которомъ они стремятся къ благоустройству, что нами и отмѣчено въ настоящемъ очеркѣ. Изъ ихъ-же жизни, представленной въ этомъ очеркѣ, ясно также можно видѣть, что человѣчество нельзя дѣлить на высшія и низшія рассы (См. „Народы Россіи“, выпускъ второй. Толкователь. VI); такъ какъ въ то время, когда ихъ одноплеменники—вогулы вымираютъ и уничтожаются, финляндцы крѣпнутъ, развиваются и давно уже стали на ряду со всѣми цивилизованными народами Европы.

ТОЛКОВАТЕЛЬ.

I.

Почему совершается перелетъ птицъ.

Весной, какъ намъ извѣстно, перелетныя птицы летятъ съ юга на сѣверъ, а осенью обратно—съ сѣвера на югъ. (См. очеркъ «Зырянскій край»).

Этотъ перелетъ птицъ обращалъ на себя вниманіе человѣка съ самыхъ древнихъ временъ; еще пророкъ Іеремія говоритъ: «И аистъ подъ небомъ знаетъ свои опредѣленныя времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдаютъ время, когда имъ прилетать»; у персовъ-же и арабовъ былъ обычай составлять календари, сообразуясь съ временемъ прилета и отлета перелетныхъ птицъ, и появленіе этихъ послѣднихъ сопровождалось особыми празднествами въ честь возвращенія теплой погоды, которую безошибочно возвѣщалъ прилетъ птицъ.

Но помимо такого взгляда на предвѣстниковъ тепла, полагали также, что многія изъ птицъ подвержены такой-же зимней спячкѣ, какъ летучія мыши, мелкіе грызуны (Сони) и другія млекопитающія, а также гады, насѣкомыя и земноводныя. И не только народъ вѣрилъ, что

ласточки прячутся на зиму въ илъ на днѣ рѣкъ, а стрижи въ береговыхъ норкахъ, кукушка-же превращается въ ястреба, но и ученые, и не такъ еще давно, были того-же мнѣнія о зимней спячкѣ птицъ. Знаменитый сѣверный натуралистъ О. Магнусъ энергично утверждалъ возможность подводной зимней спячки ласточекъ; такіе высокоученые люди, какъ Бюффонъ, Линней и Кювье также были защитниками теоріи зимней спячки. Но теперь теорія эта совершенно разрушена; всѣ наблюденія оказались противъ нее, и теперь только еще въ народѣ осталась прежняя вѣра въ спячку подъ водой ласточекъ и стрижей въ норахъ. Перелетъ птицъ весной съ юга на сѣверъ и осенью съ сѣвера на югъ неопровержимъ; и никакія птицы ни превращаться изъ одной въ другую, какъ кукушка въ ястреба, ни подвергаться зимней спячкѣ подъ водой или въ землѣ, какъ ласточка и стрижи, не могли-бы по своему физическому строенію.

Остается одинъ вопросъ,—почему совершается перелетъ птицъ? Чарльсъ-Диксонъ говоритъ: «Каждая перелетная птица во всемъ мірѣ покидаетъ теплый климатъ, чтобы выводиться въ болѣе холодномъ, достигая этого, либо поднятіемъ на горы—до высоты, представляющей удобную температуру, либо улетая въ умѣренныя или арктическія мѣстности, съ подходящими климатическими условіями. Большое число видовъ перелетаетъ отъ тропиковъ въ умѣренныя или арктическія широты, вѣроятно потому, что эти мѣстности гораздо обширнѣе и удобнѣе, нежели ограниченныя горныя области въ южныхъ широтахъ. Въ огромныхъ сѣверныхъ странахъ нѣтъ недостатка ни въ просторѣ, ни въ пищѣ, благодаря чему облегчаются условія жизни и, слѣдовательно, ослабляется и видовая борьба за существованіе». Такимъ образомъ, далѣе говоритъ тотъ-же Диксонъ, „осенній перелетъ необходимо приписать пониженію температуры,

по мѣрѣ приближенія зимы къ мѣстамъ гнѣздованія птицъ; напротивъ-же, весенній перелетъ вызывается поднятіемъ температуры на ихъ зимовкахъ, при наступленіи лѣта. Съ одной стороны, возвышеніе температуры ограничиваетъ запасы пищи и влечетъ за собой условія, при которыхъ воспроизведеніе или невозможно, или не желательно для птицъ; съ другой стороны, пониженіе температуры и зависящіе отъ этого ледъ или снѣгъ окончательно уничтожаютъ всякій запасъ продовольствія и заставляютъ птицъ передвинуться на югъ». И весной перелетъ двигается по солнцу, по ходу его къ сѣверу, а осенью онъ отступаетъ за солнцемъ къ южному полушарію. Очевидно, какъ замѣчаетъ Диксонъ, весной главной побудительной причиной перелета является воспроизведеніе. Птицы перелетаютъ на сѣверъ, чтобы выводить и выращивать птенцовъ въ климатѣ, благопріятномъ для ихъ различныхъ потребностей. Доказывается это тѣмъ, что взрослыя или уже окрѣпшія птицы, у которыхъ инстинктъ весьма развитъ, весною первыя приступаютъ къ отлету. Однолѣтнія птицы часто не долетаютъ до мѣстъ гнѣзднованій своего вида; иныя даже въ теченіи всего лѣта остаются близъ своихъ зимовокъ. Особенностью весенняго перелета является та быстрота, съ которою онъ совершается. Можетъ быть, весной птица и не летитъ такъ быстро, но во всякомъ случаѣ она встрѣчаетъ менѣе задержекъ на пути. Когда птица уже пустилась въ путь, ея единственная забота— какъ можно скорѣе добраться до мѣста. Изумительнымъ на первый взглядъ является фактъ, что первыя перелетныя птицы прилетаютъ ранней весной къ обычнымъ своимъ убѣжищамъ на родинѣ, какъ разъ къ началу исчезновенія зимы. Явленіе это, на самомъ дѣлѣ, — говоритъ Диксонъ, совсѣмъ не такъ изумительно. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, птицамъ часто прихо-

дится ожидать весну, — онѣ такъ торопятся улетѣть, что нерѣдко въ ожиданіи весны имъ приходится собираться въ большія стаи на самой границѣ исчезающей зимы, и при первой-же возможности онѣ продолжаютъ свое прерванное путешествіе.

Такъ какъ весной птица плодится, то въ благоустроенныхъ странахъ, что мы видимъ и въ Финляндіи, въ извѣстное время строго запрещено на нее охотиться.

Осенній перелетъ главнымъ образомъ совершается вслѣдствіе недостатка пищи, что происходитъ, конечно, вслѣдствіе понижения температуры. При этомъ осеннемъ перелетѣ молодыя птицы и тѣ, у которыхъ инстинктъ къ воспроизведенію случайно былъ подавленъ, первыми летятъ на югъ, какъ весной первыми спѣшатъ на сѣверъ только взрослыя птицы, у которыхъ сильнѣе развита потребность къ воспроизведенію. Стремленіе съ сѣвера на югъ въ теплыя страны осенью особенно развито у птицъ, выводящихся на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ суровость арктическаго климата выражается всего рѣзче. Но, надо замѣтить, что, какъ только перелетныя птицы достигаютъ болѣе умѣренныхъ широтъ, онѣ начинаютъ мѣшкать и медленнѣе приближаться къ своимъ зимовкамъ, какъ будто сознавая, что мѣстности, въ которыхъ они могли быть застигнуты внезапной зимой, остались позади.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что побужденіе къ перелету у молодыхъ и старыхъ птицъ совершенно противоположно. Осенью молодыя рвутся впередъ, старыя отстаютъ, а весной наоборотъ. Осенью перелетъ птицъ наступаетъ въ самомъ концѣ лѣта и кончается въ самомъ началѣ зимы, весенній-же въ самомъ концѣ зимы и до наступленія лѣта.

Составлено по Чарльсу-Диксону „Перелетъ птицъ“.

II.

Почему на бѣлокъ охота начинается съ ноября, а на рябчиковъ съ сентября.

Бѣлки, какъ извѣстно питаются шишками хвойныхъ деревьевъ и по преимуществу кедровыми орѣхами, вслѣдствіе чего цѣнятся печорскія бѣлки, гдѣ кедръ ростетъ въ изобиліи. Лѣтомъ бѣлки имѣютъ короткую и рыжую шерсть и для стрѣльбы вовсе не годятся, съ приближеніемъ-же осени начинаютъ линять: шерсть ея становится длиннѣе и гуще, и рыжій цвѣтъ она мѣняетъ на темнодымчатый. Къ октябрю она уже вычищается вполнѣ; и лучшими по шерсти считаются тѣ, которыя ловятся или бьются въ ноябрѣ и декабрѣ; такъ какъ послѣ этихъ мѣсяцевъ достоинство ихъ шкурокъ снова начинаетъ постепенно понижаться.

Замѣтимъ кстати тутъ-же, что Зырянскій край, по мнѣнію многихъ, оскудѣлъ пушными звѣрями. Такое мнѣніе относительно цѣнныхъ пушныхъ звѣрей совершенно справедливо, но нельзя того же сказать о главной статьѣ промысловъ зырянскаго края, — именно о бѣлкѣ. Истребить бѣлку трудно, потому что она чрезвычайно плодлива: самки носятъ весною отъ 6 до 10 дѣтенышей, изъ коихъ весенніе, въ свою очередь, плодятся и къ осени того-же года приплодъ ихъ уже готовъ для стрѣльбы. По мнѣнію охотниковъ, отъ каждой пары бѣлокъ, т. е. отъ самца и самки (онѣ живутъ въ гнѣздахъ) разводится ежегодно до 40 штукъ. Въ зырянскомъ краѣ въ иные годы ихъ дѣйствительно бываетъ очень мало; но это отъ того, что онѣ, не находя себѣ корма, уходятъ въ другія мѣста, гдѣ кормъ въ изобиліи,—на сѣверовостокъ, за Уральскія горы. До

VI

1851 г. въ зырянскихъ лѣсахъ было такъ мало бѣлки, что самые лучшіе охотники убивали ихъ только по нѣсколько десятковъ; въ 1851-же году, замѣчательномъ по обильному урожаю всѣхъ растеній, бѣлки опять появились въ такомъ изобиліи, что на Удорѣ даже, или въ мѣстахъ гдѣ она мало плодится, получали даже плохіе охотники по 200 и болѣе штукъ на ружье. Нѣкоторые думаютъ, что бѣлка появляется періодически, что года по 3 по 4 ея бываетъ мало, а потомъ она снова размножается. При переселеніяхъ своихъ бѣлка какъ будто руководствуется какимъ-то непреодолимымъ инстинктомъ: она идетъ огромными стадами всегда по прямому направленію: перебирается черезъ горы, пожарища, селенія, даже озера и широкія рѣки. Въ послѣднемъ случаѣ бѣлки употребляютъ пушистые хвосты свои вмѣсто паруса; иногда-же садятся на сломанные сучья и деревья и, вмѣстѣ съ ними, прибиваются къ противоположному берегу. Проходя черезъ селенія, онѣ перебираются по крышамъ домовъ, гуменъ и т. п. Если переселеніе начинается рано, напримѣръ въ августѣ, то бѣлка уходитъ далеко, если-же поздно, то сильные морозы заставляютъ ее останавливаться, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находитъ довольно пищи. Въ такомъ случаѣ она ложится въ гнѣзды, изъ которыхъ выходитъ порѣзвиться только въ ясную и теплую погоду.

Что касается другаго также главнаго зырянскаго промысла — рябчиковъ, или „ряби“, „рябки“, какъ называетъ ихъ народъ, то промыселъ этотъ начинается съ сентября потому, что къ этому мѣсяцу рябчики выводятся, откармливаются и ихъ можно бить цѣлыми стадами. Въ половинѣ марта рябчики изъ недоступной лѣсной глуши, гдѣ они зимовали, прилетаютъ на лѣсныя опушки, гдѣ на близъ лежащихъ полянахъ и лу-

гахъ ростетъ его любимая пища,—кислица, щавель и трефоль. Самка, отлетая отъ самца во второй половинѣ іюля для вывода дѣтенышей, старается присмотрѣть такія прогалинки, по которымъ струилась-бы рѣчка. Хвойные лѣса рябчики обѣгаютъ; лиственные-же у рѣчекъ, гдѣ много березы, ольхи и кустарниковъ, считаются самыми лучшими. Когда поспѣетъ брусника,—у рябчиковъ праздникъ; они опять остаются на токованье и откликаются на свистокъ (изъ гусинаго пера, налитаго водой). Въ сентябрѣ стада рябчиковъ столь многочисленны, что въ лѣсахъ стоитъ глухой шумъ отъ ихъ перелетовъ. Стадами носятся они по перелѣскамъ и ременьямъ, отыскивая самый лакомый кустъ—ягоду рябины. Но такъ какъ ее далеко не хватаетъ на всѣхъ потребителей, то они въ это время на одномъ мѣстѣ не остаются дольше 6, 7 часовъ. Съ постояннымъ сильнымъ шумомъ рябчики всей стаей снимаются съ мѣста и, такъ какъ въ это время бываютъ сыты и тяжеленьки, то и не отлетаютъ далеко, а садятся на близрастущія деревья и иногда въ такомъ громадномъ количествѣ, что поражаютъ самаго привычнаго къ нимъ охотника.

Это множество въ прямой зависимости отъ весенихъ и лѣтнихъ погодъ; холодная весна и ненастное лѣто губятъ выводки. Стрѣляютъ рябчиковъ рано утромъ или часа за два за три до солнечнаго заката и выстрѣломъ мѣтятъ въ крайнихъ. Если выстрѣлъ попалъ въ середину, вся стая разлетится и вмѣсто деревьевъ разсядется прямо на землѣ, гдѣ уже по цвѣту и не отличить птицы самому опытному глазу. Полное-же несчастье заключается въ томъ, что на землѣ рябчики такъ чутки и такъ осторожны, что и лисой къ нимъ не подкрадешься, а чтобы спугнуть на дерево, надо умѣть подражать шуму ихъ полета. Стаями жи-

вутъ, въ стада собираются (табунятся) и подаютъ голоса рябчики только до ноября. Ихъ бьютъ цѣлыми стадами, или выводками: и охота эта, совершаясь по близости деревень, привлекаетъ очень много охотниковъ.

III.

Какъ зыряне по деревьямъ опредѣляютъ страны свѣта.

Зыряне и днемъ, и ночью, если у нихъ нѣтъ м а т к и; то есть компаса, распознаютъ гдѣ югъ, гдѣ сѣверъ, гдѣ востокъ и гдѣ западъ по корѣ деревьевъ, а также по ихъ сучьямъ и иглам хвои. Кора деревьевъ на сѣверной сторонѣ всегда толще, грубѣе и съ трещинами; сучья на южной сторонѣ всегда длиннѣе и обильнѣе хвоею; иглы-же хвои всегда обращены къ югу. Такими примѣтами главнымъ образомъ они руководствуются, когда при нихъ нѣтъ м а т к и; но у нихъ есть множество еще и другихъ примѣтъ, что-же касается м а т к и, то этотъ постоянный охотничій спутникъ, представляетъ собою круглую деревянную коробочку, куда вложенъ кружекъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности и гдѣ на стержнѣ вращается магнитная стрѣлка, указывающая сѣверъ. Эти м а т к и (компасы) въ изобилiи производятся въ Архангельскѣ.

IV.

Почему одни и тѣ-же инородцы въ одномъ мѣстѣ находятся въ дикомъ состоянiи, а въ другомъ совершенствуются.

Это зависитъ отъ разныхъ условiй жизни инородцевъ, а главнымъ образомъ отъ почвы, климата, или

отъ того географическаго положенія, въ которомъ они находятся. Такъ, финны—ямь, которые живутъ подъ защитой горъ отъ сѣвернаго суроваго климата и которые съ помощью Балтійскаго моря пользуются сношеніемъ съ Европейскими цивилизованными народами, несравненно развитѣе финновъ—карелловъ, которые живутъ по сосѣдству съ Олонецкой и Архангельской губерніями. (Смотри очеркъ „Финны и Карелы"). Такъ опять нагорные черемисы, живущіе среди русскихъ, значительно развитѣе луговыхъ или лѣсныхъ черемисовъ, которые живутъ особнякомъ и окружены непроходимыми лѣсами. (Смотр. очеркъ «Лѣсная окраина. Черемисы и Чуваши»). Между этими послѣдними и русскіе, которые ушли въ лѣса, превращаются въ тѣхъ-же дикарей. Они отъ всего удалены, и съ трудомъ выбираются иногда изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ, вслѣдствіе чего у нихъ явился расколъ, завелись скиты, а есть и такія глухія мѣста, гдѣ дошли до безвѣрія и даже до идолопоклонства. Есть деревни въ этихъ лѣсахъ,—тѣ-же скиты. Лѣтъ тому назадъ тридцать существовали еще такія деревни, гдѣ отецъ семьи былъ старостой, одинъ сынъ выборнымъ, или десятскимъ, а другой крестьяниномъ,—вотъ и вся деревня. И не то что заниматься лѣснымъ промысломъ и лѣсъ вывозить изъ этихъ лѣсовъ, но иной разъ и покойника-то въ легкой телѣжкѣ трудно доставить до церкви.

— Вотъ,—говорилъ лѣсной промышленникъ единственному помѣщику Заволжской части, Макарьевскаго уѣзда графу Н. С. Толстому (Смотр. «Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда» гр. Н. С. Толстаго), указывая на умирающаго старика отца,—я старику-то нѣпяю. Экую онъ нуду семьѣ-то лѣлаетъ! То-ли бы дѣло, какъ покуда мочь-то была,—добрался-бы до села, да въ загородн-бы (т.-е. на кладбищѣ) и скопчался, а то шутка-ли

дѣло,—пора рабочая, въ лѣсу-то сокъ, а тутъ вези-ка его за пятьдесятъ верстъ,—и лошаденку-то замаешь и все такое, а кабы до поры до времени послушалъ, такъ теперь безъ сухоты ужъ на мѣстѣ былъ; такъ нѣтъ, братъ, подожду, поспѣю; вотъ те и поспѣлъ!..

Но не только въ рабочую пору, а и на гуляшкахъ, лѣтомъ трудно проѣхать пятьдесятъ верстъ по тѣмъ лѣсамъ. Одна ѣзда, — это зимой; въ остальное-же время не пробраться по лѣсамъ и съ пустой повозкой,—ѣздятъ больше верхами.

Такъ, мы видимъ, что пока многія наши лѣсныя богатства пропадаютъ ни за что, и обитатели этихъ лѣсовъ сами чувствуютъ, что одно для нихъ спасеніе,— это дороги.— Сплавлять лѣса,— говорятъ они,—рѣки лѣсныя засорены и не чистятся; возить лѣса,—дорогъ нѣтъ. И хоть сплавить-бы въ половодіе и сплавилъ, да доставить до рѣки безъ дороги по лѣсу,—не доставишь. И живутъ русскіе вслѣдствіе этого въ тѣхъ-же лѣсахъ, гдѣ черемисы и другіе дикари, тѣми же почти дикарями.

«Жилъ, давно тому назадъ, верстахъ въ пятнадцати отъ города Макарьева одинъ крестьянинъ,—говоритъ гр. Толстой... По солнцу, по звѣздамъ, по разнымъ примѣтамъ пробилъ онъ прямую тропу черезъ лѣсъ на рѣку Ветлугу, и сталъ опережать всѣхъ прочихъ торговцевъ,— и разбогатѣлъ крестьянинъ. Умирая, собралъ онъ семью, собралъ весь миръ и заповѣдалъ на сходѣ, чтобы дѣти его черезъ всѣ болота набили сваи, а на нихъ помостили ходни выше воды,—и далъ на это денегъ. Я-де,—говорилъ онъ,—нажился лѣсною тропою, пускай и люди по ней ходятъ, и меня поминаютъ. И долго поминали его люди. И съ тѣхъ поръ открылась на Ветлугу дорога».

Такъ, стало быть, пройдутъ, пролягутъ дороги въ лѣса,—и тогда нажившуся лѣсною тропою лѣсные оби-

татели: а лѣсные дикари, луговые черемисы и другіе — увидятъ свѣтъ Божій и станутъ прозрѣвать такъ-же, какъ чуваши, нагорные черемисы и другіе инородцы на окраинахъ лѣсовъ.

V.

Почему татары крестьяне развитѣе русскихъ крестьянъ, а средній классъ несравненно ниже по развитію того-же класса русскихъ.

По закону Магомета всѣ татары должны быть грамотны, всѣ должны знать и изучать коранъ, и не грамотный не имѣетъ права жениться. Къ неграмотному татары относятся съ презрѣніемъ. Вслѣдствіе-же грамотности они читаютъ и разныя татарскія книги по торговлѣ и объясненія къ корану. Поэтому крестьяне татары и развитѣе неграмотныхъ русскихъ крестьянъ. Но въ силу того-же закона Магомета, предѣлъ умственнаго развитія татаръ составляетъ подробное изученіе полнаго алкорана на арабскомъ языкѣ, выше чего, въ силу магометанства, ничего не можетъ быть. Вслѣдствіе этого ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ, гдѣ обучается все наше среднее сословіе, татаръ почти нѣтъ. (Смотр. «Матеріалы для этнографіи Россіи» полковника А. Риттиха).

VI.

Почему Мещеряки и Мордва обрусѣли.

Въ «Толкователѣ» второго выпуска «Народы Россіи» мы уже говорили о томъ существовавшемъ нѣкогда заблужденіи ученыхъ, что человѣчество дѣлится на высшія и нисшія рассы, чему прежде и приписывалось погло-

ніе одной народности другою. Тамъ въ «Толкователѣ» мы объяснили несправедливость такого мнѣнія; теперь же слiяніе одной народности съ другою разъяснимъ словами нашего историка Соловьева. Онъ говоритъ (см. «Исторію Россіи» Соловьева 1, I). «Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,— и равнина, какъ-бы ни была обширна, какъ-бы не было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними; отсюда-же понятно также, что широдческія земли рано или поздно, такъ или иначе, но должны были войти въ составъ русскаго государства, ибо не въ силахъ человѣкъ измѣнить природныя условія страны и хода событій въ ней, всегда обусловливаемыхъ этими условіями и совершавшихся сообразно имъ».

Понятно, что Мордва и Мещеряки, какъ со временемъ и всѣ остальные инородцы, живя съ русскими вмѣстѣ, восприняли отъ нихъ, какъ отъ главенствующаго и болѣе развитаго народа, все что онъ выработалъ, и, находясь съ нимъ въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, должны слиться съ нимъ совершенно въ одинъ народъ.

VII.

Почему материкъ Финляндіи подымается.

Явленіе, какъ поднятіе материковъ, такъ и опусканіе ихъ, было наблюдаемо учеными въ разныхъ мѣ-

стахъ земнаго шара. На западномъ берегу Америки, близъ береговъ Перу и Чили, мѣста, бывшія нѣкогда дномъ моря, теперь сдѣлались сушею. Дно Ботническаго залива вмѣстѣ съ окрестными странами, то есть Финляндіею и восточными берегами Швеціи, приподнимаются постепенно. Но кромѣ такого рода постепенныхъ и медленныхъ приподнятій материковъ, есть и внезапныя или быстрыя возникновенія и повышенія. Въ 1759 г., къ западу отъ города Мексико, земля на пространствѣ четырехъ квадратныхъ миль, послѣ сильныхъ землятрясеній, была приподнята въ видѣ купола на высоту почти 70 саженей. На куполѣ этомъ явилось множество маленькихъ вулкановъ и между ними большой вулканъ Хорулло, который долгое время выбрасывалъ изъ жерла своего пары воды, раскаленные камни и по временамъ лаву. Въ 1796 г. въ цѣпи алеутскихъ острововъ образовался новый островъ. Появленіе его сопровождалось страшнымъ подземнымъ шумомъ, похожимъ на раскатъ грома, или на пальбу изъ многихъ орудій; море на огромномъ пространствѣ сильно волновалось при самой тихой погодѣ; наконецъ, изъ воды началъ отдѣляться такой густой паръ, который сдѣлалъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее наблюденіе надъ появленіемъ острова. Когда пары разошлись, то замѣтили новый вулканическій островъ, имѣющій въ окружности около четырехъ миль и до 200 саженъ высоты. Дно моря между новымъ и сосѣдними островами сильно возвысилось и проливы, по которымъ свободно плавали корабли, сдѣлались для нихъ недоступными, по причинѣ чрезвычайнаго обмелѣнія. Островъ имѣлъ коническую форму и изъ жерла его долго подымался густой столбъ водянаго пара, на подобіе дыма, и по временамъ высоко выбрасывались раскаленные камни. Въ 1831 г., на Средиземномъ морѣ,

къ югу отъ Сициліи, образовался новый островъ. При его появленіи прежде всего также послышался сильный подземный шумъ, сопровождаемый волненіемъ моря. Черезъ нѣсколько времени на томъ мѣстѣ, гдѣ появился островъ, вода поднялась въ видѣ огромнаго столба, саженей на 15, воздухъ наполнился сѣрнистымъ газомъ съ удушливымъ запахомъ, множество мертвой рыбы плавало на поверхности волнующагося моря. Послѣ нѣсколькихъ громовыхъ подземныхъ ударовъ, появился черный низкій островъ, со всей поверхности котораго поднимался клубами густой водяной паръ, а изъ середины его выбрасывались къ верху раскаленные камни, на подобіе бомбъ. Раскаты подземнаго грома продолжались около часу. Изверженіе постепенно ослабѣвало и черезъ мѣсяцъ совершенно прекратилось. Но истеченіи-же нѣсколькихъ мѣсяцевъ островъ исчезъ, оставивъ на своемъ мѣстѣ бездонную глубину.

И такихъ явленій, какъ поднятіе и появленіе материковъ, такъ равно понижепіе и исчезновеніе ихъ, весьма много. Ученые изслѣдователи земли — геологи объясняютъ это высокой температурой, парами и газами, которые находятся внутри земли. По изслѣдованіямъ ученыхъ температура земли, чѣмъ глубже отъ поверхности, тѣмъ выше. Такъ, изъ Гренельскаго колодца близъ Парижа, глубина котораго болѣе полуверсты, вода бьетъ фонтаномъ, саженей на 15 высоты, и температура этой воды около 22 градусовъ; источникъ Гейзеръ на островѣ Исландіи выбрасываетъ столбъ горячей воды въ 80 градусовъ, въ которой можно сварить мясо и плоды. Кромѣ такого рода указаній на повышеніе температуры внутри земли, ученые опускали термометръ въ рудникахъ, въ артезіанскихъ колодцахъ, и вездѣ обнаруживалось одно, — что температура по мѣрѣ глубины возвышается повсюду безъ ис-

ключенія; и среднимъ числомъ на каждые 20 саженей глубины температура увеличивается на одинъ градусъ. Отсюда ученые пришли къ тому заключенію, что при постепенно увеличивающейся температурѣ, на разстояніи 80 верстъ отъ поверхности земли, температура достигнетъ до 2000 градусовъ; то есть такой высоты, при которой лава и другія минеральныя вещества находятся въ расплавленномъ состояніи. Слѣдовательно на глубинѣ 80 верстъ всѣ минеральныя вещества находятся въ жидкомъ, расплавленномъ состояніи; и это расплавленное ядро нашей планеты покрыто твердою корою, толщиною въ 80 верстъ. Эта кажущаяся намъ громадная толщина въ сравненіи съ радіусомъ земли, который равняется 6000 верстъ, такъ ничтожна, что представляетъ собою не болѣе, какъ скорлупу яйца по отношенію находящихся въ яйцѣ бѣлка и желтка. Такимъ образомъ огонь, находящійся внутри земли и производящій газы и пары давитъ на земную кору; а намъ извѣстно, что силы пара и газа изумительны,— примѣры тому дѣйствіе пара и взрывы, совершаемые газами. Отсюда ясно, что гдѣ подземный огонь находитъ съ помощью щелей выходъ, тамъ образуется изверженіе пара, газа, огня, образуется вулканъ, гдѣ же онъ только давитъ и напираетъ на топкую земную кору, тамъ послѣдняя приподымается.

Такъ материкъ Финляндіи и подымается постепенно все выше и выше. Изъ наблюденій дѣлаемыхъ надъ поднятіемъ финляндскаго материка оказывается, что Финляндія повышается въ каждое столѣтіе на полсажени, что видно по древнимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ на прибрежныхъ скалахъ и по тѣмъ слѣдамъ на сушѣ, которые оставили по себѣ бывшее тутъ море. Изъ всего сказаннаго ясно, что поднятіе финляндскаго материка происходитъ вслѣдствіе внутренняго напора огненнаго ядра земли.

VIII.

Почему Балтійское море приноситъ тепло.

Балтійское море, какъ извѣстно, соединяется съ Атлантическимъ океаномъ, а въ Атлантическомъ океанѣ есть одно теплое теченіе, которое называется „Гольфстремомъ“. Этотъ громадный потокъ Гольфстремъ, по „Физической географіи моря“ извѣстнаго ученаго Мори, есть рѣка въ океанѣ, которая не высыхаетъ во время самыхъ сильныхъ жаровъ, и не разливается во время самой большой прибыли воды. Берега и русло ея состоятъ изъ слоевъ холодной морской влаги, между которыми струятся ея теплыя синія воды. Во всемъ мірѣ нѣтъ другого столь-же величественнаго потока. Онъ быстрѣе Амазонки, стремительнѣе Миссисипи, и масса этихъ двухъ рѣкъ, взятыхъ вмѣстѣ, не составитъ и тысячной доли объема воды, которыя несетъ Гольфстремъ. Гольфстремъ начинается у экватора въ Мексиканскомъ заливѣ, гдѣ воды его постепенно нагрѣваются, какъ въ гигантскомъ котлѣ, и, когда онѣ вступаютъ въ Атлантическій океанъ, то температура ихъ равна 24° Р. Гольфстремъ несетъ съ собою, какъ говоритъ Реклю, столь значительную долю теплорода въ сѣверныя страны, что рыбы и другіе обитатели тропическихъ морей спускаются внизъ по теченію Гольфстрема, не замѣчая, что ушли далеко отъ родныхъ мѣстъ, и часто продолжаютъ свои странствія до Азорскихъ острововъ и даже до береговъ Исландіи; южныя птицы тоже перелетаютъ на сѣверъ въ тепломъ слоѣ воздуха, лежащемъ надъ исполинскою рѣкою океана. Напротивъ, животныя полярныхъ морей лишены возможности переходить границу Ледовитаго океана, и

киты, по выраженію Мори, отступаютъ передъ Гольфстремомъ, словно передъ огненною стѣною.“ Гольфстремъ разливается на огромныя пространства къ западу и сѣверу отъ Европы, но преобладающее вліяніе оказываетъ на Европу. Благодаря его теплымъ водамъ, озера на Фэрерскихъ и Шетлендскихъ островахъ никогда не замерзаютъ во время зимы; Великобританія покрывается туманами, словно паромъ, какъ говоритъ Реклю, въ исполинской банѣ, и миртъ растетъ на берегахъ Ирландіи, этой жемчужины морей, подъ тою-же широтою, подъ которою по ту сторону Атлантическаго океана лежитъ Лабрадоръ, царство льдовъ и снѣговъ. „Вопреки общему закону, читаемъ мы у Реклю, распредѣленіе климатовъ на земной поверхности въ зависимости отъ движенія солнца, въ Ирландіи подъ 52° широты также тепло, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ подъ 38°, т. е. на 1600 верстъ ближе къ экватору“. Гольфстремъ омываетъ всѣ архипелаги, лежащіе между Шотландіею и Ирландіею, нагрѣваетъ норвежское прибрежье, такъ что даже въ Лапландіи теплыя воды его расплавляютъ ледъ въ Гаммерфестскомъ портѣ; затѣмъ Гольфстремъ продолжается до Шпицбергена, а съ другой стороны онъ омываетъ западные берега Новой Земли. Реклю говоритъ, что „ни одно теченіе не имѣетъ столь важнаго значенія для торговыхъ и политическихъ сношеній народовъ, не оказываетъ такого сильнаго вліянія на климаты, какъ Гольфстремъ. Великобританія, Франція и сосѣднія страны много обязаны Гольфстрему своею теплою температурою, своими земледѣльческими богатствами и, слѣдовательно, весьма значительною долею своего могущества матеріальнаго и нравственнаго“

Отсюда понятно, что Балтійское море, соединяясь съ Атлантическимъ океаномъ, пользуется теплыми во-

дами Гольфстрема и такимъ образомъ умиряетъ климатъ всѣхъ прибрежныхъ странъ, а въ томъ числѣ и климатъ Финляндіи, которая и кромѣ этого, какъ мы уже и сказали въ нашемъ очеркѣ „Финны и Кареллы“, защищена отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ горами.

Южный предѣлъ Финляндіи находится подъ 60°, сѣверный подъ 70° широты; и, не смотря на такую близость къ полюсу, средняя годовая температура почти всей Финляндіи не ниже, а выше нуля. Предѣлъ нулевой средней температуры года находится за полярнымъ кругомъ, а напримѣръ въ Азіи, та-же средняя годовая температура находится подъ пятидесятымъ градусомъ широты, въ нашемъ Амурскомъ краѣ и на островѣ Сахалинѣ, т. е. на четырнадцать градусовъ южнѣе. Средняя годовая температура + 4° Ц. проходитъ по Финляндіи сѣвернѣе Гельсингфорса, но на рѣкѣ Уралѣ она находится на девять градусовъ южнѣе, у города Оренбурга. И такою теплотою средней годовой температуры Финляндія обязана не столько лѣтнему жару, сколько мягкости зимъ: средняя температура лѣта въ Финляндіи такая-же, какъ въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, а средняя температура зимы въ Улеаборгѣ такая-же, какъ въ Саратовѣ, въ Гельсингфорсѣ-же, какъ въ Астрахани, да еще съ тою разницею, что въ Финляндіи только на сѣверѣ, напримѣръ въ Торнео, подъ 66° ш. и то не каждый годъ, ртуть въ термометрѣ замерзаетъ, а напримѣръ въ Омскѣ, подъ 55° широты, ртуть замерзаетъ каждую зиму на нѣсколько дней.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Зырянскій край	3
Пермяки и Вотяки	35
Черемисы и Чуваши	68
Казанскіе Татары	98
Мордва, Мещеряки и Тептяри	125
Эсты, Ливы и Латыши	154
Финны и Карелы	180
Толкователь	I—XVIII

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. ПАНАФИДИНА.

МОСКВА, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

АЛЕКСАНДРОВЪ:

Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды. Лопари. Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г., ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи) М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край) М. 1898 г., ц. 10 к.

* Чтеніе 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г., ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки народн. библіот. и читал., и для публичн. народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы) М. 1898 г., ц. 15 коп.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣтствующей тексту.

Александровъ, П. Какъ завелись у насъ пражскіе щенки? ц. 10 к.

Д-ра Andrie. Зубныя болѣзни. Клиническія лекціи. Пер. съ франц. подъ ред. врача Л. Коченовскаго. Спб. Ц 2 р. 25 коп. Содержаніе: Показанія къ извлеченію зубовъ. — Объ экстракціи зубовъ.— О трудныхъ случаяхъ извлеченія зубовъ.—О случайностяхъ при извлеченіи зубовъ.—О резекціи зубовъ. — О гигіеническомъ уходѣ за полостью рта.—О провизорныхъ пломбахъ. — О выборѣ веществъ, годныхъ для пломбъ. — Объ умерщвленіи пульпы. — О пломбировкѣ корней.—О зубныхъ нарывахъ.—О воспаленіи надостницы зубной луночки.—О нытьяхъ или воспаленіи зубной мякоти. — О прививкѣ зубовъ.—О зубныхъ фистулахъ.

Беймертъ, В. Университетское образованіе женщины, ц. 10 к.

D-r Paul Berger. Леченіе худобы на діэтетическихъ основахъ. Симптомы, сущность, распознаваніе и леченіе худобы и сопутствующихъ ей болѣзней. Съ нѣмецкаго перевелъ врачъ В. М. Цыпкоѣскій. Спб., ц. 65 к.

Бибиковъ, Викторъ. Разсказы: Варьерная сторожиха. — На лодкѣ.—Любочка.—Встрѣча.—Письмо. — Счастье.—Путевой альбомъ. — Приключеніе.—Всеволодъ Гаршинъ. — С. Я. Надсонъ. Спб., ц. 50 к.

Билибинъ, Н. О тригонометрическихъ функціяхъ. Ц 1 р. 25 к.

Богословскій, М. Священная исторія Новаго Завѣта. 1895 г., ц. 1 р.

Его же Ветхаго Завѣта. 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Великій Канонъ святаго Андрея Критскаго въ переводѣ на русскій языкъ, ц. 20 к.

Его же. Курсъ общаго церковнаго пр. въ. Уроки преподанные воспитанникамъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, ц. 1. р. 25 к.

Брандтъ. Популярная Зоологическая Энциклопедія. Иллюстрація, роскошное изданіе съ 563 рисунками. Алфавитный указатель на русскомъ и латинскомъ языкѣ. 462 стр. in folio, ц. вмѣсто 5 р.—3 р.

Булгановъ, Ѳ. И. Хомяки, содержаніе, строеніе тѣла и жизнь комнат. и нѣкоторыхъ птицъ, съ 27 рис., ц. 1 р.

Бунге, Н. А-ръ. Недостаточное упражненіе мускуловъ, какъ причина развитія многихъ болѣзней. Пер. съ франц. С. З. Цеповой. Спб., ц. 60 к.

Бѣловъ. Какъ устроить самыми простыми, находящимися подъ руками средствами, разные кабинеты и учебныя пособія при сельскихъ школахъ, Спб., ц. 20 к.

Бэнеръ, Д. Г. Начальныя основанія ботанической географіи, ц. 70 к.

Бэнъ, А. проф. Наука воспитанія. Спб., 1881 г., ц. 2 р. 50 коп.

Вадимъ, А. Лондонъ. Общественные и бытовые очерки. Съ иллюстр. Г. Доре. Спб., ц. 75 к.

Вильморенъ, Андріе и К°. Наставленіе, какъ сѣять воздушныя цвѣточныя растенія, ц. 1 р. 50 к.

Виль, д-ръ. Діэта для страдающихъ желудочными болѣзнями и діэтическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ, ц. 2 р.

Виноградовъ. Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Съ 56 рис., ц. 1 р.

Военный судъ, его защитники и разрушители, ц. 1 р. 25 коп.

Воленсъ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариѳметики. Въ 2 ч. Цѣлыя числа и дроби. Изданіе 18-е Спб., 1898 г., ц. 30 к. Допущенъ къ употребленію въ нашк. учил. Мин. Нар. Просв.

Его же. Методъ элементарнаго преподаванія ариѳметики въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его же. Руководство къ ариѳметикѣ. Изд. 16-е Спб., 1891 г., ц. 60 к.

Его же. „Элементар. геометр." Руководство для нашихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающ. Спб., ц. 50 коп.

Его же. Начальная геометрія. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 6-ю литограф. табл. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его же. * Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Изд. 8-е. 1896 г., ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущенъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ Начальн. Народн. училищ.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографіи: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Мельникова, Потемкина, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

ГАЙ ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ. Записки о Галльской войнѣ. Книга 1-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к. Книга 6 я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г. ц. 30 к.

Гаршинъ, Евг. Новгородскія древности, съ рис. Спб., ц. 25 к.

Его же. Критич. опыты.—Испорченная жизнь.—Наши духовные отцы.—Поэзія А. Н. Полонскаго.—Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара.—Рус. драма на новомъ пути.— Рус. литература на 1888 г. Спб., 1883 г., ц. 1 р.

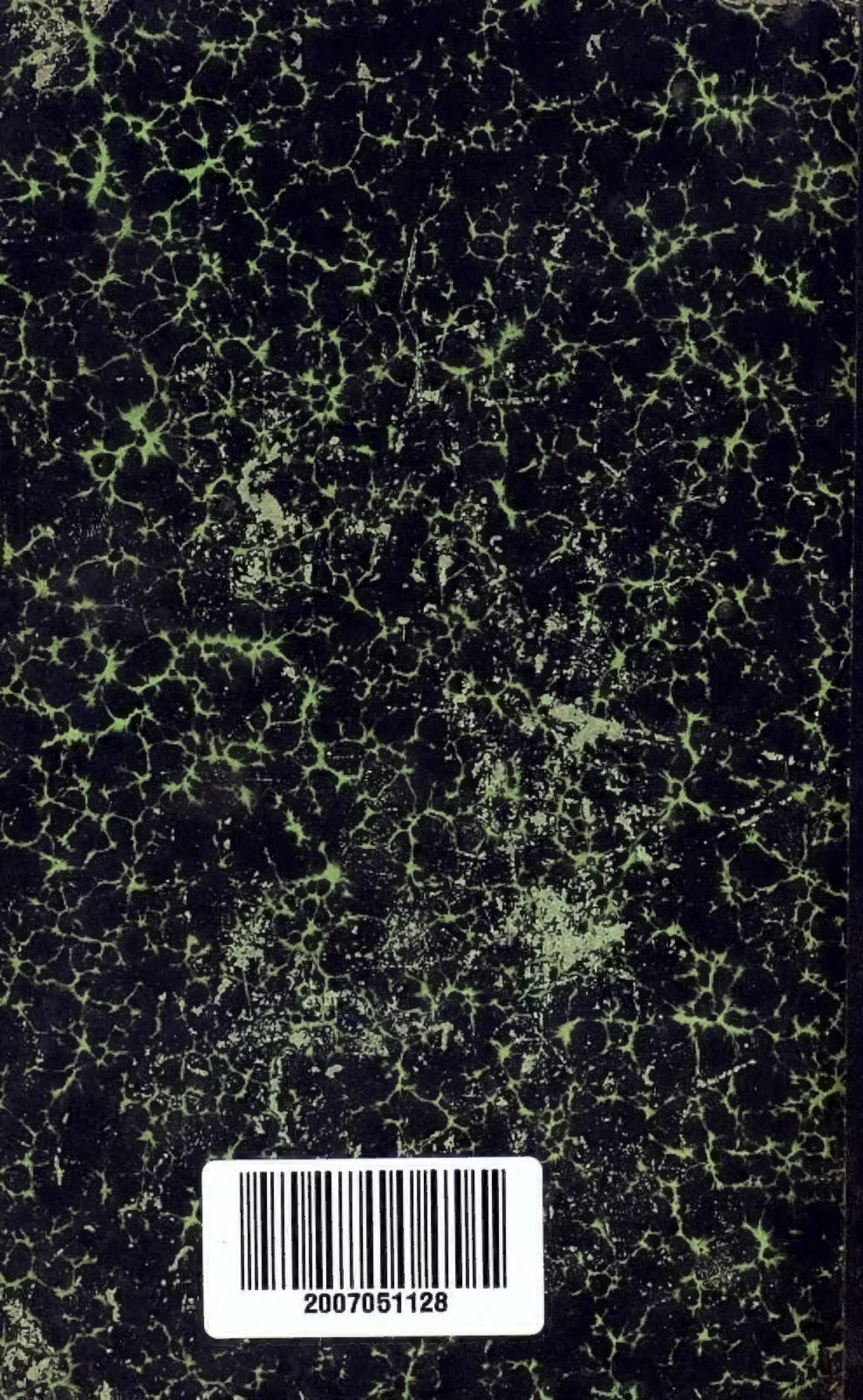
Его же. Полонскій, Я. П. Поэзія. Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 коп.

Его же. Три поэзіи (А. Н. Майкова, гр. А. А. Голенищева-Кутузова и К. Р.). Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 к.

Георгіевскій, С. Принципы жизни Китая 194 стр. и 16 табл. прил. Спб., ц. 2 р. 50 к.

Его же. Отвѣтъ гр. Толстому на рецензію „Принципы жизни Китая", ц. 50 к.

Его же. О коренномъ составѣ китайскаго языка, къ спору съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Спб., 1883 г., ц. 2 р.


2007051128